

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1990
ISSN 0131—0097
ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 20 (3278)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

12 — 19 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Дорога на Сааремаа. (См. в номере материал «Собственность, которой нельзя распорядиться».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 18.04.90. Подписано к печати 07.05.90. А 09444. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2217. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

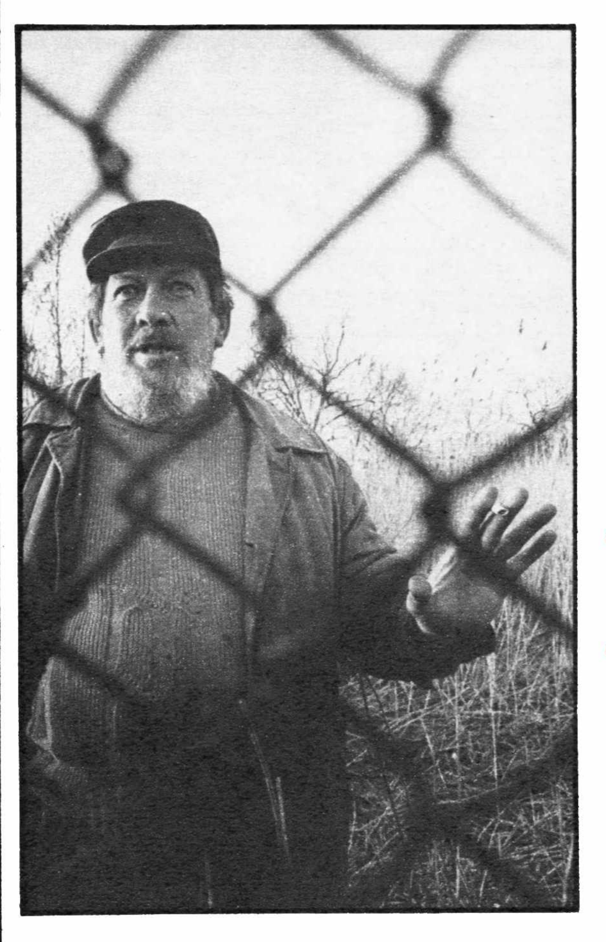
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК
(фото)

СОБСТВЕННОСТЬ,

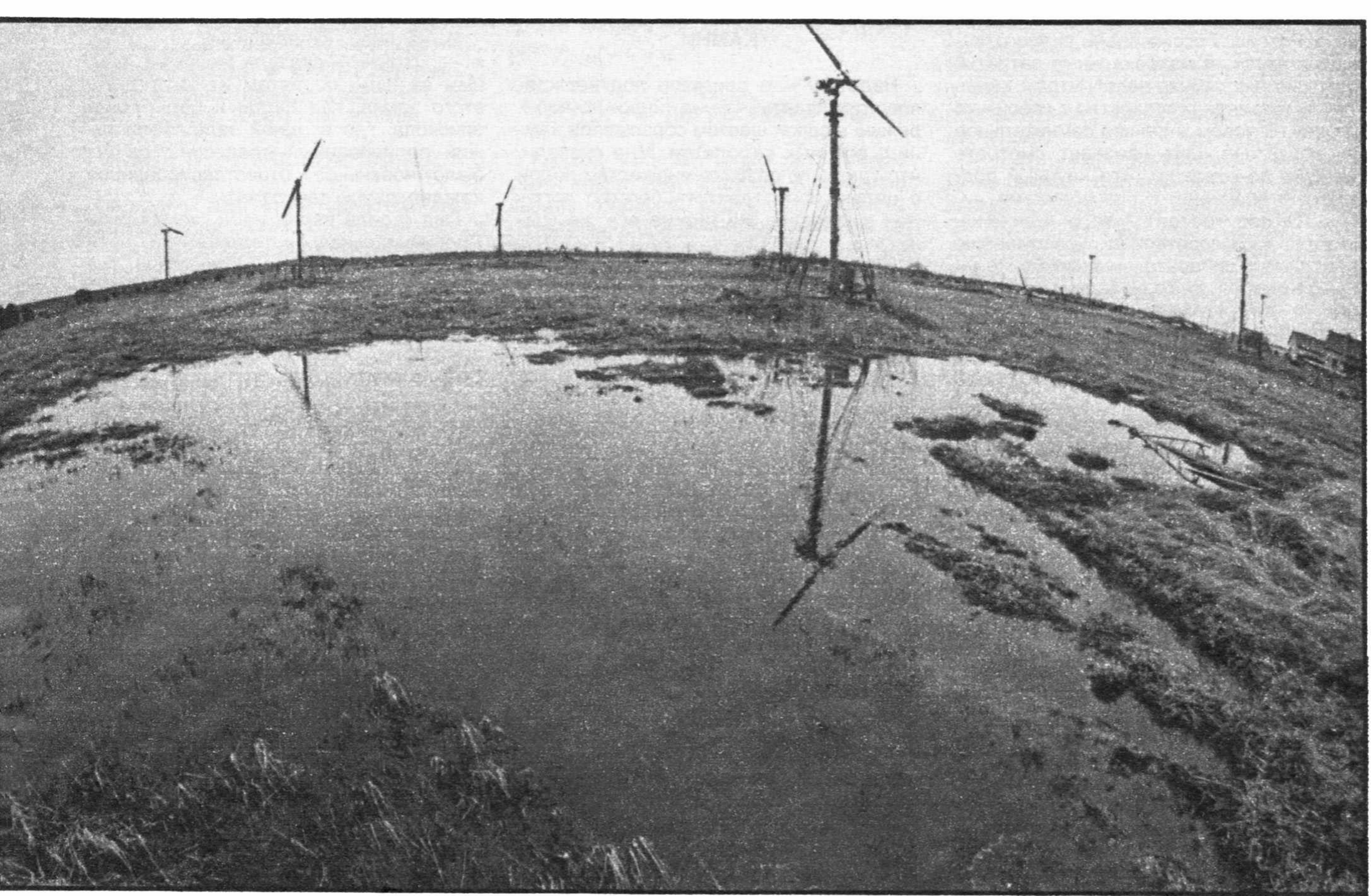

Острова — это защищенность. Это поля, строящие безопасное равновесие сил: человек, опирающийся на остров, остров, поддерживающий человека.
Упрямство, с которым эстонская земля вытесняет наверх камни, сколько бы ни убирал человек камни, чтобы сеять и жить, дает новые поводы для сравнений, но пока я думаю об островах. Именно об островах с тяжелой землей. Еще: остров, поднимающий человека. Все, с кем мы говорили на Сааремаа, высказывались в этом смысле, но они употребляли другие слова. Например, они говорили о гордости и даже о гордыне.
О, на Сааремаа гордецы!
Так воскликнула коммунистка Елена однажды утром, когда мы с ней взбирались на некий островной пик, в великом прошлом Сааремаа бывший последним оплотом защищавших его. И мне это было не очень понятно; небо обвисло низко на можжевельниках;
Елена, в трикотажной юбке и в синей курточке, стояла, засунув руки в карманы, и оглядывалась вокруг с таким видом, с таким непонятным и не нуждающимся в свидетелях выражением строгого лица...
С утра мы начали говорить о Советской власти, и всякий раз, когда ей казалось, что мои рассуждения слишком просты, она говорила мне: «Не все просто»,— как бы преграждая путь.
Ее короткие черные волосы — цвет не просто эстонцев, но островитян! — ветер смял, убрав от висков. Молчание ей давалось без усилий. Но переводила она легко и даже рассмеялась один раз.

КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ РАСПОРЯДИТЬСЯ

ТО ЖЕ, ЧТО И МОЛЧАНИЕ

Молчание — еще одна общеизвестная черта островитян. Один ученый человек, провожая нас на Остров, предупредил, что «ведь могут вообще молчать». Елена, узнав об этом, возмутилась...

— Скажите,— спросила я ее,— что принесла Советская власть Острову?

Молчание.

— Говорят, что колхозы были самым ужасным вредом, нанесенным человеку на Острове?

Молчание. Нет, долгая пауза. Не все просто.

«Я изобрел молчание»,— сказал мне один врач человечества. Он, наверное, прав: некоторые вещи приходится изобретать заново.

— Что принесла Советская власть Острову?

— ...Все, что вы видите.

ЕЩЕ ОДНО СРАВНЕНИЕ

Потом мы стояли у озера, возникшего на месте падения метеорита, круглого, как на макете штабных генеральских учений. Елена сказала: сразу чувствуется, что озеро образовано вопреки природе: его вода не притягивает, не радует.

— И здесь утонул ребенок,— сказала она с жестокостью человека, выкладывающего последний аргумент.

— Его утянуло в ил! — И она гнала меня прочь от совершенной красоты озера.

Поднявшись по склону, мы увидели типовую школу и играющих детей.

РАЗГОВОР С МИККОМ ТИТМОЙ ОБ ОЧЕВИДНЫХ ВЕЩАХ [1]

— Даже очень внимательные рассуждают сегодня о «литовском следе» в Прибалтике.

— Думаю, что сложившаяся ситуация исторически одинакова для всех трех республик...

— Сороковой год...

— Да... Но этим, пожалуй, однообразие и кончается. В действительности мы имеем разные нации, разные пропорции населения. Реальный политик должен это учесть, потому что политика формируется как процесс, она не делается узкой группой лиц.

— Рывок к независимости смазал различия. Люди думают: сейчас Эстония посмотрит на Литву и сделает чтото свое. Но все равно «посмотрит на Литву». Мы видим цепную реакцию там, где, возможно, ее не было.

— Ну, безусловно, одинаковое — это то, что сейчас происходит национальное пробуждение и что его целью является национальное государство. Но в Литве пока доминирует очень сильная политизация в решении абсолютно всех вопросов. Это и понятно, потому что в Литве эту волю формировать легко. Литва — это большинство литовцев, они эту волю и выражают.

— Каким вам видится поступок Литвы и почему так драматичны его последствия?

— ...по-моему, поступок, который они совершили (я, конечно, деталей не знаю), в какой-то мере ущемил достоинство руководства Советского Союза, изначально поставив его в конфликтную ситуацию. Обычно дипломатия предполагает другое: она всегда предпочитает мягкие, возможные формы взаимодействия, даже когда интересы противоположны. Другое дело, когда эти формы исчерпаны...

— Литовская судьба еще раз высветила реальность: надо менять союзные законы. Но пока на местах еще есть правительства, которым будто бы нравится, когда центр контролирует положение в республиках...

— Может быть, Литва, выламываясь из жесткой имперской структуры, проходит пусть скорбный, но единственно возможный путь?

— Можно использовать и относительно мягкий путь. Как это мы пытаемся делать в Эстонии.

— Как его кратко можно охарактеризовать?

— Мы действуем, используя открытое давление, но в формах, которые не ущемляли бы... партнеров в Москве. Которые помогли бы им сохранить лицо и дали возможность согласиться с нашими интересами.

— Получается: «открытое давление» — это смысл ваших действий, а «мягкость» — форма, предназначенная утешить болезненное самолюбие «партнеров»?

— Мы также будем учитывать интересы, которые считаются жизненно важными для союзных органов. Думаю, что Эстония придет к государственности при помощи компромиссов.

— И в какой степени, по-вашему, декларативность литовского шага объясняется тем, что то был шаг первых?

— Каждый идет своей дорогой. У литовцев не было внутренних препятствий для того, чтобы встать на свой путь. Насколько силовое действие может быть результативно? Я думаю, что даже такая политика может принести плоды. Но ЭТО БУДЕТ ПОРТИТЬ КРОВЬ ОБЕИМ СТОРОНАМ. Мы же, будучи слабее внутренне (эстонцев немногим больше половины от общего числа населения), не можем слепо следовать Литве.

— Дипломатично?

— Я бы сказал: прагматично. Мы рассчитывали каждый шаг, выясняя, насколько реально он продвинет нас вперед. Мы пытались каждый шаг взвесить, числятся за нами и поступки отчаянные, вроде ситуации в конце прошлого года. Было намерение внести в Конституцию позиции унитарного государства. Вот тогда ЦК КПЭ решительно выступило против. И в Москве поняли, что тут есть перегиб. Речь шла вот о чем. Верховный Совет Эстонии принял решение, что законы, действующие на территории республики, определяются исключительно Верховным Советом Эстонии.

— Можете ли вы сегодня подвести предварительный итог эстонских политических достижений?

— Я думаю, что высшее руководство в Москве сейчас готово вести переговоры с нами и в принципе пойдет на переговоры. Литовцы в подобном случае действовали, как бульдозер.

— «Бульдозер»... Литовские лидеры задолго до конфликта с центром высказывались о том, что Литва неизбежно пройдет через «боль, кровь и ожесточение».

— Уж крови-то надо, во всяком случае, избежать! Второе: я думаю, что мы все боремся и за демократическую Россию, и за союз, и за добрососедство. Поэтому я предпочитаю «разрыв», при котором начинаются новые отношения: открытая граница, никаких колючих проволок... Некоторые почему-то считают, что самостоятельность, независимость — это обязательно колючая проволока.

— Какие силы внутри республики могут повредить здравому смыслу? Какие конкретно политические деятели в Москве вам представляются несущими вам опасность?

— Внутри республики наиболее опасны крайности, сформировавшиеся в русской общине. Эстонская община сейчас начала очень сильно демократизироваться. Неэстонская — в ее крайне правых и крайне левых образованиях — может действовать гораздо более деструктивно. Что же касается столицы СССР, то три Москвы мы сегодня наблюдаем в развитии: городскую, российскую и союзную. Союзная Москва наиболее консервативна. Я думаю, что у центральной власти есть одна опасная иллюзия, будто пробуждение наций можно остановить на полпути. Мы выходим из тюрьмы народов. И нельзя так просто остановить процесс ни в Грузии, ни в Азербайджане, ни в Прибалтике, ни в России. Россия очень скоро откажется нести те материальные затраты, которые она сейчас несет, чтобы иметь такое огромное государство с собой «во главе». В новом мире это сомнительное удовольствие. Она начинает смотреть на себя по-хозяйски. Это научный подход к отношениям с республиками.

— О вас говорят как о человеке, который способствовал «разрушению партийного аппарата» в республике.

— Конечно, я сознательно участвовал в демонтаже «партийно-государственной» машины.

— Вы же аппаратчик...

— Я ученый, социолог, профессор, автор книг.

— Но вы были работником аппарата ЦК КПЭ, секретарем ЦК.

— Только год работал.

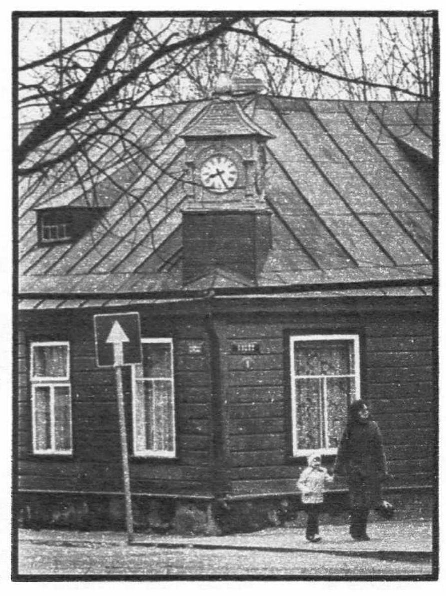
— Означает ли это, что вы пришли в аппарат с определенной целью?

— Да, конечно. Я пришел в критический момент, когда через партию можно было провести перестройку. Наше своеобразие в отличие от других республик в том, что мы давно имеем реальную многопартийную ситуацию и наш парламент работает как многопартийный. Мы уже реально передали власть Верховному Совету. ЦК партии перестал командовать республиканским парламентом. Второе: мы дали правительству полную исполнительную власть. Третье: мы практически предоставили власть Советам, местные партийные комитеты занялись сугубо партийными делами. Четвертое: мы поняли, что спасти монолит тоталитарной системы, компартию, невозможно. У меня был с Горбачевым спор. Он соглашался, что в Прибалтике так будет, да. Но он никак не соглашался с тем, что и в России так будет. Думаю, что это связано с его заблуждением (или декларациями из области политической игры) насчет того, что очистить партию от семидесяти лет иллюзий — дело возможное. Очистить узурпатора воли народа? Единственный путь — демонтировать партию-монополиста и вместо нее формировать новую партию. Есть люди, которые действительно фанатично верят в коммунизм, им близки коммунистические идеалы. От них не избавится сразу и новая партия.

— Вы верите в возможность румынского варианта революции у нас?

— Если партия вовремя не демонтирует себя, это может произойти.

[1] **Микк Титма — бывший секретарь ЦК Компартии Эстонии.**

ЕСЛИ ВЫ ЗАБЛУДИТЕСЬ В ЭСТОНИИ

Перед зданием Верховного Совета, как на завалинке, на солнышке стояли веселые ребята с лозунгами, касающимися эстонских парней, служащих в Советской Армии. На одном плакатике было написано по-английски, мол, ты помни о них и они о тебе не забудут. Мы сказали Микку Титме, что летим на Сааремаа. Он улыбнулся, кивнул. На площади нас остановили западные репортеры, спрашивая, как чувствуют себя русские, живущие в Эстонии. Они пожалели, что мы не те русские, и пошли прочь, отыскивая в толпе русских наметанным глазом. «Но вы же тот русский, что им нужно!» — сказали мы переводчику. Он развел руками, как если б был не вправе. Вообще это был какой-то надуманный вопрос. А может, и нет.

Страстная неделя была на исходе. Хорошие ребята — панки из Ленинграда катились кубарем мимо Старого Тоомаса. Там, наверху, к нему была прикреплена лестничка, значит, имелся человек, ремонтирующий Тоомаса под исколотым шпилями небом. Над островами была хорошая погода. В столице Сааремаа, городе, который недавно вернул себе прежнее имя, в райкоме партии было пусто, как в школе в июле. Раньше здесь работали шестьдесят ответственных сотрудников. Теперь работают девятнадцать. Скоро понадобится не более трех, сказала Елена.

КАМНИ

Надо бы мне поискать подтверждение тому факту, что на лодки по побережью в сорок шестом сбрасывали камни с военных самолетов. Мне сказали, что так было разбито множество лодок с целью предотвратить бегство жителей в Швецию. Но многие все же убежали.

(Надо бы поискать указаний на конкретное место, откуда брали камни. Какая тебе разница, откуда взялись камни, чтобы уничтожить лодки, кормившие остров? Допустим, их брали отовсюду. Как в то же время и после отовсюду брали людей, выхватывая их из земли и швыряя прочь, в Сибирь. И тот, кто был бы на юге нищий, здесь сходил за богача и был схвачен и вышвырнут из жизни, так что иные успевали лишь захватить с собой топор, который держали в руках, когда эти ребята входили в дом, во двор ли.)

КУПАЛЬЩИЦЫ В КУПАЛЬНОМ ДОМИКЕ НА КУРЕССААРЕ

Первая мировая война началась для Сааремаа с того, что германские военные корабли обстреляли Курессааре 6 и 7 августа 1914 года.

При попустительстве германской военной оккупационной администрации власть в Эстонии перешла к буржуазии.

(Долгое время энциклопедические словари, издававшиеся в Москве, ограничивались кратким изложением событий Сааремааского восстания трудящихся в 1919 году.)

Колониальный магазин на рыночной площади. Винный магазин на рыночной площади. Мясная лавка, внутренний вид. Внешний и внутренний вид кооперативного магазина. Лесопилен — 14, красилен — 9, каменоломен — 2, известкообжигательных печей — 4, кожевенных предприятий — 5, мебельных и деревообрабатывающих — 4, молочных — 4, мясных — 2, фабрик музыкальных инструментов — 3, веревочных мастерских — 1, фабрик по обработке рыбы — 1.

Значительные трудности со сбытом улова.

Певческий хор и оркестр, библиотека с читальным отделением.

Гинеколог и терапевт доктор Альберт Тиилк, курессаарский участковый врач.

Педиатр и терапевт доктор Жюль Фавр.

В буржуазное время курорт Курессааре приобрел международную известность. Рекордными стали сезоны тридцать восьмого и тридцать девятого годов.

Гребцы в Торийском заливе. Курортники у ворот замка.

Выборы короля лета в курзале.

И, наконец, купальщицы на причале купального домика, какое старое фото! (В пятьдесят втором году город назван именем Виктора Кингисеппа, был поставлен памятник, появился и город Кингисепп в Ленинградской области.)

И, наконец, купальщицы!..

— Стойте,— сказала женщина, шедшая за нами по пятам из зала в зал этого замка, где пусты и белы покои епископа, где в одной зале стоял рыжий полированный клавесин, где все было новенькое, отреставрированное, каждая дверь запиралась.

Она стояла перед нами, ломая руки. Провинциальная интеллигентка, учительница на пенсии. «Кингисепп был убийца»,— сказала она плохо по-русски. Повернулась и пошла от нас со связкой ключей, оставив нас перед портретом. Она махнула на нас рукой. Она не желала нас знать.

КАМНИ

Постой, давай начнем сначала. Город Аренсбург известен с четырнадцатого века. Остров прежде назывался Эзель. Эзель. Эзельское епископство возникло в результате завоевания эстонских земель Орденом меченосцев. С 1561 года правили датчане. С 1645-го — шведы. После Северной войны Эстляндия присоединена к России.

Не то. Сначала!

В конце третьего тысячелетия до нашей эры сюда пришли предполагаемые предки балтийских племен — носители шнуровой керамики и ладьевидных топоров.

Что есть история, если не земля, вытесняющая на поверхность камни? Сколько бы ни собирал их человек, надеясь, наконец, освободиться, она под-

нимает наверх новые, не давая человеку продыху. Но что будет, если не собирать камни? Хотя бы и не по порядку.

Я не могу собирать по порядку. Это не мое дело. Я могу делать то лишь, что я могу. Вот человек стоит на пристани. Он курит. На нем старая тельняшка и старая морская фуражка. Я прошу у него разрешения пройти к пристани, посмотреть на воду не через забор. Он кивает, он идет отпирать какие-то ворота. В темноте сарая я вижу яхту, она разобрана, она без одежд. Чайки, как куры, ходят под ногами. Человек что-то кричит мне издалека и идет поговорить с нами. Что будет, если не собирать камни, даже и без разбору? Будет запущенная земля.

ЗАПУЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Он говорит: и с каждым годом все так — это не мое, это чье-то; так время идет, начиная с того самого года. С какого года? С сорок шестого года. Он говорит: я здесь в сорок шестом начал служить, с тех пор и живу, но в сорок шестом еще что-то оставалось, хоть мелкое, пустое. Вот тут стояли буфетики, все было чисто. Кто-то отвечал за то, что чисто. Эстонцы, говорит он, вообще народ аккуратный. «Не знаю, что с ними стало». Он повторяет несколько раз слово «апатия». Сам он из Чернигова, флотский. С семнадцати лет во флоте, «с семнадцати лет начал кричать «ура», что я понимал, что?». Он говорит об эстонцах: это работящий, интересный народ, больше всего они всегда жалели о работе. И когда коров отбирали, и когда запретили палисадники, парники, огороды. А то, как их увозили, говорит, знаю по памяти, все это было при мне. Я расскажу.

Крик чаек надрывен.

Потом он говорит об отце — что отец умер от голода в тридцать третьем в Чернигове.

Мы стоим на проваливающихся в воду досках, на разбитой чьей-то специальной волей пристани. Тридцать третий — это черный год Украины. Здесь — сорок шестой? Сорок девятый? Пятьдесят первый?

«Я теперь все смотрю телевизор, все вникаю. У меня их два. Кого, сына? Нет, сын один. У меня два телевизора. Потому что ведь понимаете, что больше негде будет купить, что это навсегда...»

Эстонцы не уйдут, вдруг говорит он. Я их знаю. Это народ добрый, работящий. Не надо им уходить? От нас?

...колониальный и винный магазины. Купальщицы на причале купального домика. Гонки в Торийском заливе.

ГОНКИ В ТОРИЙСКОМ ЗАЛИВЕ

На лодках надпись: «Тори». Это знак пристани, знак причала, собственности.

— Камни бросали! Да... Уничтожили все лодки, как, можно сказать, настоящие варвары.

Четверо рыбаков у своих лодок. Вчера был шторм. Несколько лодок разбило штормом. Лодки на побережье Сааремаа разбивали те, о которых Иосиф Сталин сказал мечтательно, что они должны уподобиться Ордену меченосцев. Вот еще один камень, выползающий из тьмы, из черноты, из ила.

«Они боялись, что убежим в Швецию. Отсюда недалеко. Но многие бросили все и уплыли, так остались пустые острова и пустые деревни. Совершенно пустая стоит Аттлаа. На полуострове Серве пять тысяч жило, а сейчас сколько? Пятьсот, что ли. Сначала уничтожали людей в сороковом году. Вот в этом самом замке расстреливали. Здесь было мореходное училище. Начальника училища расстреляли. Сейчас установлено, что ГПУ расстреляло девяносто человек. Но они не просто расстреливали, они мучили. Да, это было ГПУ...»

Они стоят около своих лодок. Старик, о котором они сказали, что он чудом остался жив, молчит. Он не понимает ни слова. Или не хочет говорить.

«Это был кошмар, если честно сказать».

— И ничего хорошего вы от Советской власти не получили?

Молчание. «Ну, образование получили». Короткий смешок. Молчание. Лодки. «Когда они вернулись в сорок четвертом году, сразу остров закрыли. Большинство людей занимались рыболовством. Теперь нельзя стало. Закрыли. Береговая черта стала запретной зоной».

Я произношу слово «колхоз». Они говорят: вон там стоит мужик, идите к нему, он колхозник, а сейчас он здесь, он ищет разбитую лодку. Вчера был шторм. Мы идем к нему. Он стоит за ограждающей подход к причалу сеткой. Я прижимаю к сетке диктофон, чтобы записать все те же слова:

— Люди потеряли интерес, потеряли, потому что не было хозяина.

— А колхоз — это не хозяин?

— Конечно, не хозяин. Человек должен быть хозяином. Организация не может быть хозяином.

Чтобы поговорить по-человечески, надо было кому-то из нас сделать усилие, обойти дурацкую сетку.

— Я здесь ищу свою лодку,— сказал он, не двигаясь с места.

Так, через решетку, мы перебрасывались фразами. Он сказал, что родился в городе, когда город назывался Курессааре в первый раз. Но отец родился на хуторе. А самое «лучшее время», сказал он, прошло. Для многих это было самое лучшее время. Теперь «хуже». Конечно. Теперь надо думать. Но выросли люди, которым не хочется.

Папиросу он держал перед сеткой, и пепел падал на нашу как бы сторону. Там, куда падал пепел, была замусоренная вода. Замок с белыми пустыми покоями епископа, портретом Кингисеппа, серебряными подсвечниками и рыжим клавесином плыл под неподвижными облаками. Расстреливали во дворе.

КУРЗАЛ

Люди, пившие свой третий кофе в курзале, похожем на театральный вокзальчик, отражались в зеркалах; это же чистый город, там дальше в старом ветряке кафе, велосипедист катит в тумане. Если я говорю: «запущенная земля»,— надо меня правильно понять.

Это земля, с которой не убраны камни.

ПРАВДА, КОТОРУЮ ЛЕГКО ГОВОРИТЬ?

Колхоз, который много лет с гордостью носил имя Виктора Кингисеппа, звание первого эстонского колхоза, четвертый год возглавляет молодой человек. Он встретил нас, одетый, как студент во время осеннего семестра: он шел на уборку камней (чертовы камни, на самом деле их еще больше, чем может показаться). «...и за это время мне стало ясно, что так дальше работать нельзя. Как сказать... Все как-то слишком далеко. Нет такого чувства, что это — мое. Это называется «собственностью». Может, мое слово неправильное. Но все давно хотят знать, что он делает, для кого он делает... сколько получит. И поэтому мы сейчас хотим, чтобы образовались маленькие коллективы, где люди захотели бы работать, зная, кто сколько стоит».

Петер Пауляйс родился в десяти километрах от центральной усадьбы. Он окончил сельхозакадемию и сначала занимался лесами согласно полученному образованию. Быть лесничим ему было легко. А сейчас, говорит он, очень трудное время, надо много думать. Возможно, десять лет назад ему было бы легче работать председателем. То есть не надо было бы много думать. (Впрочем, эстонцы, особенно, говорят, островитяне, никогда не обременяли свою совесть чрезмерным и общепринятым безумием и, когда велено было одно, потихоньку... делали другое. Например, сеяли то, что вырастет на земле. Это отдельная тема, впрочем, все та же — собственности, которой нельзя распорядиться.)

— Скажите, откуда к вам пришла идея заменить форму собственности в колхозе?

— Это был естественный процесс.

— Вы перестали получать прибыль?

— Нет, мы получаем прибыль. Но люди захотели иметь право думать. И они захотели, чтобы законы шли за ними следом. Например, сейчас у нас появилось пять хуторов. Но если Верховный Совет Эстонии примет соответствующие законы, уже осенью хуторян будет гораздо больше. Пока люди боятся... А многие и не хотят.

— Сохранилось ли в людях желание иметь свою собственность, трудиться на своей земле?

— Да. Есть еще люди, которые помнят, как работали. Есть еще такие люди!

— Когда вы обучались в академии, вы проходили науку о ведении сельского хозяйства таким образом, что колхоз является самой прогрессивной системой?

— Да! Но чуть-чуть все-таки думал. У человека есть такая особенность, что он иногда думает! Я окончил академию, когда руководил Брежнев и когда о всяких вещах было сказано, как должно быть.

— Откуда вы получали сведения о том, как на самом деле проходила коллективизация в Эстонии? Знали ли вы правду?

— Есть люди, которые это видели. Я не знаю, говорили ли они правду всегда... Но со мной говорил мой отец. Он говорил правду.

— Что отличает работу крестьянина здесь, на Сааремаа?

— Камней много, очень много. Под камнями плохая земля.

— Сколько вам потребуется времени на то, чтобы люди стали работать так, как об этом только можно мечтать?

— Не знаю... Главное, чтобы люди осмелились. Это самое трудное.

— Вы не собираетесь изменить название колхоза — имя Виктора Кингисеппа убрать?

— Мы его уже убрали. Нас теперь называют коллективным хозяйством «Вальюла». Вальюла — это место, где мы живем. Это самое старинное место в Эстонии. В 1227 году здесь было самое последнее место, где сражались с немцами. Зимой. Через лед они шли на Сааремаа. Сааремаа было самое последнее место, куда они добрались. Километрах в полутора есть такое место, где шли последние бои. Много было колхозов имени Кингисеппа. В Тарту. В Кохтла-Ярве...

— Мы вчера встретили женщину, которая с ненавистью говорила о Кингисеппе.

— Не знаю... Теперь очень многие говорят. Я думаю, что время сделает свой выбор.

— Думаете ли вы о том, что принесла Эстонии Советская власть? Думаете ли?

— Я побывал в Финляндии, в понедельник вернулся из Швеции. Изучал хуторское ведение сельского хозяйства... то, что было в Эстонии. Что было у нас всегда.

— Из вашей семьи никто не был депортирован?

— Отец. Он вернулся с Урала после смерти Сталина.

— Вы член партии?

— Пока да.

СТАРИКИ ВСЕГДА ЗНАЛИ ПРАВДУ

Он говорит: вот рядом тут было помещичье имение, а в сорок первом те убежали от немцев. Потом здесь содержались колхозные лошади. Две лошади. А он был агрономом, вечным колхозным агрономом. Один парень, демобилизованный, агитировал в колхоз. Было собрание деревни. Этот парень все подробно объяснил, как будет, что, почему. Объяснил, как живут в колхозах. Мужики слушали-слушали. Потом он сказал, что давайте писать заявления. Мужики все встали и ушли.

Но потом, говорит он, мужики, конечно, вернулись. Потом все написали заявления. После 18 марта 1949 года. Всех этот парень записал, его фамилия была Куник, он был заведующим из райкома партии. Да! Сначала, говорит он, мужики не вернулись, и Куник сказал, что здесь делать нечего, и пошел в Сакла. Там было легче, там деревня была компактной, все жили в куче, там мужики хоть как-то могли колхоз представить. И там земли были лучше. И там был научный пункт сельхозакадемии. Там и удалось создать колхоз имени Виктора Кингисеппа. Там согласились ради хорошей земли, что ли. А здесь не соглашались, до сорок девятого года, а после уже стали бояться и все пошли в колхоз, хотя из этой именно деревни не многих увезли в Сибирь, не многих. Здесь было сто тридцать гектаров хорошей земли, пашни. Сначала хуже жить не стали...

...Потом был день, когда человек показывал нам свой хутор. По его земле было трудно даже просто идти. Но ему хотелось показать всю свою землю. Он говорил: там дальше будет особенно трудное поле, увидите. Мы увидели. Также увидели технику из Швеции, легкую и нарядную. В Швеции она была списана как устаревшее оборудование.

В ТАЛЛИННЕ Я ПОЗВОНИЛА МИККУ ТИТМЕ

— Понятно, что происходит с людьми,— сказал Микк Титма.— Это сильнейшая волна политизации, когда особенно хочется ясности. Поэтому хочется видеть конкретных врагов. Но Виктор Кингисепп — это имя в нашей истории, это фигура трагическая, не до конца понятная, не до конца изученная. Сейчас он становится жертвой ненависти к канонизированным героям. Кингисепп вернется. Люди спокойно узнают о нем. Например, о его мужестве, когда он ушел в подполье. О его вере.

— В Курессааре нам кто-то сказал: он слишком верил в коммунизм, естественно, что у него иногда сдавали нервы.

Микк Титма промолчал.

Итак, собирай камни и учи этому детей. Бессмысленна попытка сдвинуть их бульдозером или забетонировать и поставить наверху памятник. Они все равно выползут наверх и взорвут памятник.

Итак, вот твой остров и вот твоя плохая земля и камни — твоя собственность, которой ты не можешь распорядиться и никто за тебя не может, даже если они будут вырывать их у тебя из рук и бросать в твои лодки. Твой остров да защитит тебя.

о. Сааремаа.

■

23 января 1990 года скончался мой отчим Бабейченко Дмитрий Семенович в возрасте 80 лет, проживавший в с. Дмитровка Фастовского района. Он был призван в армию в 1939 году, воевал с финнами. С 1941 по 1945 год был на фронте, всю войну на передовой, много раз был ранен. Демобилизовался в звании капитана в 1947 году. Награжден тремя орденами и многочисленными медалями.

После демобилизации 13 лет работал на шахте в Донецке. Выйдя на пенсию по труду, в 1970 году переехал в село Дмитровка. Никакими льготами как участник войны не пользовался.

На поминки колхоз выделил часть продуктов бесплатно. За это колхозу большое спасибо. Спасибо также парторгу колхоза за чуткое отношение к ветерану войны, спасибо и другим колхозникам, особенно соседям, которые все приготовили, чтобы почтить память усопшего.

Наши советские органы в лице райотдела социального обеспечения тоже «помогли», выделив целых 10 рублей. А знаете, сколько стоят похороны? Одна бутылка водки — 10 руб., и не мне отменять народные обычаи. Надо поставить оградку, самый скромный памятник. Покойник же получал пенсию в сумме 107 руб. и ждал очень терпеливо и безропотно надбавку, ведь деньги уже давно потеряли свой номинал. Жена покойного (моя мать) получала 52 руб., а после надбавок 70 — это все далеко за чертой бедности. Мой отец, первый муж матери, погиб в 1944 году в Отечественной войне. И она в годы войны служила в Советской Армии вольнонаемной, имеет награды. Льгот никаких нет. Осталась вдова в доме, в котором полы провалились, а ограда вокруг него давно обветшала. Хозяйства у них не было никакого, они старые и больные люди, которым помогаю только я одна (в настоящее время я на пенсии). Очень больно за человека, отдавшего все за свою страну, а она ему — 10 руб. на похороны.

Умер бывший офицер Советской Армии... Остался лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Прошу от себя, от покойного отчима, от покойного отца, от старой матери эту 10-рублевую подачку мне не высылать. Пусть она пойдет советскому аппарату, которому и так повысили оклады в два раза и который установил такую цену на жизнь и похороны ветеранов войны.

О. МАТВЕЕВА
Киев

■

Откройте любую газету, журнал и всегда рядом с названием увидите хотя и набранный мелким шрифтом, но тем не менее выделенный и торжественно приподнятый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Актуальный в определенное историческое время, сегодня этот призыв, убежден, потерял свое первоначальное значение.

На борьбу с кем и во имя чего должны объединяться пролетарии, если мы заявили, что строим общеевропейский дом? Да и существуют ли сейчас пролетарии? Современный рабочий в высокоразвитых странах работает с компьютерами, а не с кувалдой. И если уж есть такая необходимость в «соединении», то почему мы призываем только пролетариев? А крестьянство, фермеры, интеллигенция, военные?

Давайте честно признаем, что живет в нас боязнь отречения от догм, привычек, традиций. Кстати, на титуле «Огонька» тоже сияет этот призыв. Помните, как было с орденом Ленина на вашей обложке? Неужели и сейчас все издания смотрят друг на друга и ждут: кто рискнет первый?

Н. БОНДАРЬ,
электромонтер
Катав-Ивановск Челябинской области

■

У нас в Калининградской области случилась беда: на полях Неманского, Правдинского, Черняховского и других районов уже использовано 1210 тонн фосфоритной муки, содержащей в избытке радий-226. Это минеральное удобрение закуплено в Сирии. В газете «Калининградская правда» главный санитарный врач области Н. Н. Загорский дал свое заключение по этому поводу. Выяснилось, что на складе удобрений действительно зарегистрированы аномально высокие уровни радиации, превышающие в десять раз естественный уровень. Нам объяснили, что все фосфорные удобрения содержат естественные радионуклиды независимо от места их производства. Тем не менее содержание радия-226 в фосфоритной муке отечественного производства колеблется от 3 до 16 пикокюри/грамм, а в закупленной оно составляет 35—44 пикокюри/грамм. Государственный санитарный надзор и Комитет по охране природы высказались вполне определенно: сирийская фосфоритная мука опасна для здоровья и ее применять нельзя.

Однако через несколько дней газета опубликовала выступление первого заместителя председателя облисполкома, он же председатель агропромышленного комитета, тов. Шевлякова, который заявил, что «внесение в почву этих удобрений, даже в повышенных дозах (до 4 тонн), а норма в нашей области 1—1,5 тонны на гектар, не оказывает неблагоприятного воздействия на здоровье людей, растительный и животный мир и не повышает радиоактивность выше фонового значения». Для сведения и успокоения читателей тов. Шевляков сообщил, что это удобрение закупают Италия, Венгрия, Австрия, Испания и т. д. Что за всеми продуктами в области ведется тщательный радиологический контроль.

Не чувствую логики в выступлении зампреда исполкома. Если уж эта мука такая безобидная, как он пишет, то зачем (по его же словам) «отобраны пробы муки и отправлены на анализ в институты Москвы и Ленинграда для получения заключений о дальнейшем использовании этих удобрений»? Зачем же к нам едут представители Минздрава РСФСР? И кто же прав: санитарный врач или зампред?

Неужели нам мало трагедии Чернобыля? Неужели не извлекли уроки? Кто ответит за эти закупки, «Союзагрохимэкспорт»? Наши удобрения валяются бесхозные на полях и складах, а в то время как мы тратим валюту и губим людей. И последний вопрос: с каких полей будут есть осенью овощи наши руководители?

Н. СУМЕНКО,
участник войны
Калининград областной

■

Прочитал в «Огоньке» (№ 14) письмо С. М. Павлова из г. Калинина о том, что два секретаря райкома КПСС отказались с февраля 1990 года от прибавки к зарплате. Хочу ответить на его вопрос: будут ли у секретарей райкома последователи?

Будут ли, не знаю. А вот то, что В. Брагин и Е. Новикова не первые, мне известно наверняка. Дело в том, что секретарь Центрального РК КПСС г. Челябинска Г. В. Сачко и инструктор Т. Г. Кадочникова с первого же дня повышения зарплаты партаппарату отказались получать надбавку и перечисляют ее на спецсчет реабилитации инвалидов — воинов-«афганцев». И мотивировали свой отказ не «невозможностью дальше выносить моральные издержки, вызванные возмущением общественного мнения...», как это сделал первый секретарь райкома партии г. Калинина В. Брагин, а тем, что решение ЦК КПСС о повышении зарплаты аппарату в настоящее время политически ошибочно.

К сожалению, этот поступок двух челябинских коммунистов не только не нашел последователей среди коллег, а даже вызвал у отдельных негодование. Секретарь партбюро одного из цехов, выступая на митинге, объяснил поступок Г. Сачко тем, что она «с жиру бесится».

Радость, которую вызвал факт появления еще двух честных коммунистов, хоть и в далеком от нас Калинине, омрачает то, что таких членов КПСС, по крайней мере в аппарате, очень мало, для них пора заводить «красную книгу».

В. ВОЛОЖАНИН
Челябинск

■

В течение последних восемнадцати месяцев я написал четыре письма и сделал двадцать телефонных звонков ко всем государственным представителям СССР в Австралии, заявляя, что я желаю купить астрономический телескоп. Даже предоставил чертежи, объяснив, что мне нужно. А также написал в организацию, находящуюся в СССР по адресу: Москва, Марксистская, 5, Внешпосылторг.

Ответов на мои письма я не получаю. Когда же я телефонирую, чиновники обещают помочь, но до сих пор ничего не было сделано. Почему так трудно покупать товары в СССР?

Mr. Ernst Webb
Виктория, Австралия

■

Я, Андрияшин Николай Федорович, 1925 года рождения, будучи заведующим отделом писем газеты «За коммунизм» Арсеньевского района Тульской области, утром 23 августа 1968 года в присутствии трех-четырех сотрудников высказал свое неодобрение вступлению наших войск на территорию Чехословакии. Минут через сорок я был уволен за профнепригодность, хотя до того моя работа оценивалась весьма положительно.

Несколько лет подряд я подвергался бойкоту в областной и районной печати, живя в Черни, трижды вызывался на беседу в КГБ, при этом меня вежливенько шантажировали. В результате я однажды подписал такое свое объяснение, в котором даже были слова, вроде «я больше не буду». Но, едва вырвавшись от них, писал протесты «наверх», затем письма в защиту А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова. В течение двенадцати лет не участвовал в трех выборах. Лет семь назад меня перестали «дергать».

Когда я прочитал в печати заявление руководителей пяти стран Варшавского Договора с признанием ошибочности ввода войск в Чехословакию, я написал письмо в редакцию газеты «За коммунизм», копию которого направил в Арсеньевский райком КПСС. Я просил выдать мне справку о неправильности моего увольнения в августе 1968 года, так как запись в трудовой книжке не соответствует действительным обстоятельствам.

Райком партии и редакция нашли удобную для них форму ответа: в редакции нет документов об обстоятельствах вашего увольнения. Можете обратиться в суд.

С чего бы мне требовать такую справку?! А из принципа! Для реабилитации. Фактически некоторые должностные лица до сих пор говорят обо мне: «Он выступал против...» А почему бы и не выступать против чудовищной несправедливости? Я, конечно же, выступал в своих письмах за прекращение войны в Афганистане, за вывод наших войск с территории этой страны. Сегодня я против применения силы в отношении правительства Литвы.

Между прочим, один партработник на днях прислал мне неофициальное письмо, завершающееся словами: «...заверяю вас, что тот давний безрассудный поступок ваш сегодня видится как безусловно смелый и благородный шаг. Но... официального признания вашей правоты не добиться: не те еще времена и люди».

Я знаю, что люди у нас снизу доверху еще далеко не те, но насчет моего «безрассудства» товарищ не прав: я хоть и спонтанно, но вполне осознанно выступал и буду выступать против несправедливости.

Н. АНДРИЯШИН
пос. Чернь Тульской области

■

Вначале был телефонный звонок в редакцию:

— Скажите, кто нас спасет от произвола? Военкомат призывает якобы на переподготовку, а направляет на дезактивационные работы в Чернобыль.

Затем с такой же жалобой обратился водитель автокрана Н. Мажурин.

Может, думаю, преувеличивают, не военное пока положение. Обратился к знакомому райвоенкому. Он подтвердил: все правда. У меня в комиссариате тоже постоянно дежурят два милиционера в гражданском, помогают собирать контингент на Чернобыль. Проявляют насилие? Привод может быть и ненасильственный, есть другие методы, можно человека уговорить, убедить,

припугнуть неприятностями на работе, статьей Уголовного кодекса. А чаще всего приглашают на беседу с военкомом. Есть же приказ — его надо выполнять...

Да, государству заманчиво получить дешевую рабочую силу: направленный в Чернобыль через военкомат получает там в 5—6 раз меньше, чем командированный, скажем, Минэнерго. Из одной только Харьковской области в зоне постоянно работают больше тысячи «рекрутов». Это сколько же дивизий бросает в чернобыльский котел наше самое могучее ведомство? Благо ресурсы есть. Ведь оно властно почти над всем мужским населением страны в возрасте от 17 до 50 лет. А то, что методы не очень сочетаются с демократизацией общества, свободой личности, правами человека, военных, похоже, не очень-то волнует.

Мы знаем, защита Отечества — священный долг гражданина СССР. Но эту статью Конституции, в общем-то правильную и благородную, военное ведомство трактует весьма своеобразно, поставляя живую силу для латания дыр в нашем проходившемся народном хозяйстве.

Да, Чернобыль — наша боль, наша беда. Но разве нет других методов привлечения людей к ликвидации последствий аварии, как поставлять их туда под конвоем?

Н. СОРОКОПУД,
зам. редактора областной газеты «Красное знамя»
Харьков

■

Прочитав в «Огоньке» (№ 12) статью С. Панасенко и Е. Черновой «Ложка застоя в бочке гласности», просмотрев периодику, которую читает моя семья, я с изумлением обнаружил, что большинство центральных изданий печатается в типографии издательства ЦК КПСС «Правда». Ну а все местные, даже «Наша газета» (орган Союза трудящихся Кузбасса) — в типографиях обкома и горкома КПСС!

Вот это да! Никакому Херсту не снилась такая монополия. Высший партийный аппарат может одним мановением (ведь демократический централизм действует) перекрыть кислород гласности. И сто законов о печати не помогут! На деятельность этих полиграфических гигантов даже Закон о государственном предприятии не действует. Ведь это же имущество партии — то есть общественно-политической организации.

Напрашивается вопрос: как же эта общественно-политическая организация накопила такие колоссальные средства, позволившие монополизировать издательскую деятельность в нашей великой стране? Ответ прост: это я, член КПСС с 1971 года, другие мои соотечественники (а нас миллионы) в течение десятков лет субсидировали своими взносами это предприятие.

И в результате все мы являемся жертвами этой монополии. А если и прорывается на страницы газет и журналов что-то противоречащее мнению ЦК КПСС, то сразу же возникают коллизии, подобные случавшимся в «Огоньке», «АиФе», «Социндустрии» и т. д.

Если рассуждать по-деловому, то я, член КПСС, регулярно уплачивающий членские взносы, давно уже стал совладельцем нашего партийного имущества. Часть дивидендов от деятельности предприятий ЦК, в том числе и полиграфических, должна принадлежать мне как пайщику. Вот я и призываю всех пайщиков, то есть членов партии, публично отказаться от своих прав на эту собственность и передать имущество полиграфических предприятий, издательств, принадлежащих сегодня ЦК КПСС, в собственность трудовым коллективам этих предприятий с правом самостоятельно распоряжаться ею на основе хозрасчета. Я согласен получать дивиденды от этой деятельности в виде объективной, независимой от мнения ЦК КПСС или другого какого-либо цензора информации о событиях, происходящих в нашей стране, в нашем обществе. Я думаю, что каждому понятно, что речь не идет о государственных тайнах.

Призываю всех коммунистов, кому не безразлична судьба демократизации нашего общества, потребовать от ЦК КПСС решить на XXVIII съезде партии вопрос об отделении имущества полиграфических предприятий и издательств от имущества партии и предоставления им статуса самостоятельных предприятий.

В. ГОРЕНИНСКИЙ,
народный депутат поселкового Совета
пос. Рудничный, г. Анжеро-Судженск

■

Первого марта нас, ветеранов войны и труда Смоленска, собрали во Дворце политического просвещения обкома КПСС для встречи с прибывшей делегацией Центрального совета ветеранов войны и труда во главе с Маршалом Советского Союза А. П. Силантьевым, народным депутатом СССР, Героем Советского Союза. В составе делегации были еще несколько генералов ниже рангом. Цель приезда, по заявлению маршала,— оказание помощи в организации проведения юбилея 45-летия Победы.

Маршал в двухчасовом выступлении призывал ветеранов взять в руки лопаты и произвести захоронение еще не захороненных останков погибших в войне сотен тысяч солдат на территории от Баренцева до Черного моря. Да, это наш общий позор. Но позабыли при этом спросить нас о жизни, здоровье. Можем ли мы по состоянию здоровья выполнять такие работы? Большинству перевалило за семьдесят, покалечены войной. Мы, ветераны, благодарны поисковым отрядам, которые работают в лесах Смоленщины. Но сами-то что можем?

Вторым требованием маршала было, чтобы ветераны вели непримиримую борьбу с неформалами, которые организуют и проводят митинги. «Их надо с микрофоном в руках разоблачать»,— воскликнул маршал, не поинтересовавшись, какие же проходят митинги в Смоленске. У нас же на митингах требуют покончить со злоупотреблениями властью, административно-командным аппаратом, привилегиями, разбазариванием жилья. И ни одного выпада против Советской власти.

В заключение своего выступления маршал особо подчеркнул, что до тех пор, пока в стране действует и существует «желтая» пресса (дословно), то есть такие издания, как журнал «Огонек» и газета «Комсомольская правда», то порядка в стране ждать не следует. Не уточнил он, что подразумевается под «желтой» прессой. Маршалу невдомек, что, выступая против этих изданий, он выступает против миллионной армии их подписчиков и почитателей.

Я бывший солдат, неоднократно ходивший в атаку на врага, имеющий не одно ранение и боевые ордена. Но мораль маршала не могу понять, она явно времен застойного периода.

И. МЕДВЕДЕВ,
инвалид войны,
член президиума совета ветеранов Ленинского района
Смоленск

■

Популярный советский киноактер НИКИТА МИХАЙЛОВСКИЙ, к своим 26 годам снявшийся в двух десятках фильмов, смертельно болен — рак крови. Болезнь почти неизлечима в России, вспыхнула внезапно и развивается лавинообразно. Спасти его может лишь немедленное помещение в специализированную клинику Америки.

Деятели русской культуры обращаются к своим иностранным коллегам, ко всем, кто располагает валютой, с просьбой помочь госпитализацией и лечением молодого киноактера, провести акцию благотворительности во имя добра и человечности.

Все, кто может, откликнитесь на наш призыв!

Наш расчетный счет в 1-м ОПЕРУ МГУ Жилсоцбанка в г. Москве № 704701.

Валютный счет во Внешэкономбанке СССР 7040002 — «для Михайловского».

Наш телефон в Москве —924-44-47, телефакс — 925-57-27

А. ШНИТКЕ, композитор;
Ю. НОРШТЕЙН, кинорежиссер;
Ю. ЛЮБИМОВ, режиссер;
Ф. ИСКАНДЕР, писатель;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт;
А. СМИРНОВ, секретарь Союза кинематографистов СССР;
А. МИТТА, кинорежиссер;
Г. ВОЛЧЕК, режиссер;
актеры А. КАЙДАНОВСКИЙ, Н. НЕГОДА, О. ЯНКОВСКИЙ

■

В «Литературной России» № 9 помещено Письмо писателей России в Верховные Советы СССР и РСФСР и ЦК партии с обвинением в адрес журналов «Огонек», «Октябрь», «Юность», «Знамя», телепрограммы «Взгляд», газет «Советская культура», «Комсомольская правда», «Книжное обозрение», «Московские новости», «Известия», «Смена», «Лит. газета» и др. Перечисленные издания обвиняются в русофобии и в планировании на будущее всесторонней дискриминации России. Сказать нечего — грехи все смертные, и, кроме как в Верховный Совет да в ЦК, куда еще на них... разве что в ЧК?

Пометить бы работников упомянутых редакций желтой или черной краской, и будет видно издали, кто враг русского народа. Да вот досада, газеты и журналы не только издаются, но ведь кем-то и читаются?.. «Лит. Россия» тут же делает расклад: общий тираж патриотических изданий — 1,5 миллиона; тираж изданий, проповедующих русофобию и оскорбляющих национальное достоинство русского народа,— 60 миллионов. Соотношение катастрофическое: один к сорока.

Но, как известно, нынче подписка на периодику свободная — никто ее не ограничивает и подписываться под дулом пистолета не приказывает.

Такое положение терпеть немыслимо, и необходимы меры. «Лит. Россия» тут же их и предлагает. Вернее, требует. «Мы требуем справедливого перераспределения в пользу России печатных средств массовой информации».

Кто ж решит за нас, за русских, в чем наше благо, а в чем зло? Ответ логически вытекает из названия публикации. Если самые (а может, и единственные) русские писатели России обращаются с требованием «справедливого перераспределения» в ЦК, то, видимо же, ищут там нового вождя? «Отца», который вмиг решит, что нам полезно, что вредно, и железной рукой все справедливо среди нас распределит?

Ну, а когда найдется таковой? Что будет русскому народу за то, что читал неправильные газеты?

Какая бы гадалка погадала мне про мою судьбу — ведь я подписан и на «Лит. Россию» праведную, и на крамольные «Известия»! А что мне будет, ежели признаюсь, что читаю еще и «антисоветскую» «Советскую молодежь»? Сразу расстреляют или, с недельку не дав поспать, предварительно дадут прочувствовать, что я не прав?

Если я покаюсь и с сего часа буду ежедневно помнить, «что мы, русские,— высокоталантливый, геройски отважный... народ»,— будет ли мне за то прощение?

А если в перевоспитании своем уеду дальше и настучу, вернее, напишу на друзей и своих добрых знакомых куда следует, как написали на собратьев по перу Куняев, Шафаревич, Прокушев, Крупин, Проскурин, Викулов и примкнувший к ним Распутин,— повесят ли за доблесть мне медаль?

Так, я понимаю, им хотелось бы.

Но так не будет.

Я — русский человек и сам знаю, что мне выписывать, кого читать и почитать. Мне в ноздри пал запах свободы, и любому указывателю, явившемуся с понятыми ко мне ночью, я укажу от ворот поворот.

Поднявший сегодня на свободу руку заплатит и за миллионы растоптанных безвинно вчера-позавчера.

Уймитесь!!

В. ЦУКАНИХИН,
рабочий машиностроительного завода
Вязьма

ЭКОНОМИКА КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

С членом Президентского совета СССР, академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР Станиславом Сергеевичем ШАТАЛИНЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ.

— Если не возражаете, Станислав Сергеевич, хотелось бы не мудрствуя лукаво «начать от печки». Ровно пять лет назад, в апреле 1985 года, был начат отсчет новому времени в истории нашей страны. Привыкшие к лозунговой образности, мы провозгласили то, не столь уж далекое событие Апрельской революцией. Перестройка всей жизни советского общества, гласность были начертаны на ее знаменах. Не стоит говорить, сколько надежд связывал с нею наш народ.

И вот миновали пять лет. Можно подвести некоторые предварительные итоги. Гласность действительно достигла невиданных, можно даже сказать, немыслимых ранее масштабов. Что же касается материального положения людей — оно, мягко говоря, значительно ухудшилось. Экономические показатели — это уже признается всеми — неуклонно катятся вниз, и предпринимаемые правительством меры пока что не дают ожидаемых результатов. Тяжелое положение в народном хозяйстве детонирует явлениями, с которыми наше общество ранее практически не сталкивалось. Неудивительно, что все настойчивее раздаются голоса: всему виной — перестройка, новая экономическая реформа, не будь их — все было бы, как прежде, хорошо...

— Знакомые рассуждения, знакомые заблуждения...

Люди не хотят заглянуть в глубь нынешних проблем. Не хотят замечать корни, от которых произросли все наши сегодняшние беды...

Если давать оценку нынешнему положению нашей экономики и не терять при этом оптимизма, можно сказать так: хуже быть не может. Любой шаг в лучшую сторону означал бы крупный успех. И в нынешнем году, который называли годом чрезвычайных мер, ситуация по-прежнему остается крайне плохой. Достаточно сказать, что за первый квартал объем промышленной продукции даже снизился по сравнению с прошлым годом, а денежные потоки увеличились. Это ведет к еще большей разбалансированности экономики. Опасность полного уничтожения потребительского рынка стала реальностью, ибо в наш сверхдеформированный, ненормальный, азиатский рынок, где товары распределяются по талонам, по учреждениям, по предприятиям, где нарастающие денежные потоки, как цунами, катятся на экономику, производство товаров не приобрело пока необходимой динамики. Ситуацию, которая сложилась сейчас в стране, я бы назвал так: стагфляция и плюс полный дефицит на оптовом и потребительском рынках.

— Что значит: стагфляция?

— Это положение, когда одновременно с ростом цен (инфляцией) наблюдается застой производства (стагнация). Эта довольно редкая ситуация впервые возникла в Америке в конце 70-х годов. Это был новый вид кризиса — структурный и экономический одновременно,— которому экономисты Соединенных Штатов придумали очень точное название: стагфляция.

Но мы, признаемся без гордости, в этом плане Америку переплюнули, так как сложившееся у нас положение вообще уникально: не просто стагфляция, а стагфляция еще и с несбалансированным рынком. Такого в современных экономиках пока не было. Мы первооткрыватели, родоначальники. Поэтому у нас цены растут не только как при классической инфляции, но, помимо всего прочего, еще и потому, что все меньше и меньше товаров являются недефицитными. А за дефицит надо, как известно, переплачивать, что еще больше увеличивает реальную инфляцию...

— Эту житейскую политэкономию, по-моему, постиг каждый наш потребитель. Официальные данные Госкомстата о росте цен вызывают у него ироническую улыбку. Он, потребитель, знает истинную цену официальным статистическим цифрам, так как именно ему приходится переплачивать за любой дефицит.

— Это, собственно говоря, является одной из причин, почему мы имеем несколько разных оценок относительно «горячих денег», находящихся на руках у населения и которые в любой момент могут ринуться на наш и без того разбалансированный потребительский рынок и еще больше дестабилизировать его. Одни говорят: у населения находится 165 миллиардов рублей «горячих денег». Другие считают — 150. Некоторые называют сумму в 200 миллиардов.

— Что это за «горячие деньги»?

— Это деньги, которые нечем отоварить. А каналы незаработанных денежных доходов никак не удается закрыть.

Так что негативные процессы нарастают, в этом смысле правительство находится в некотором шоке, и паралич правительственной власти, о котором раньше часто писали, но только в чисто теоретическом плане, ныне стал реальностью. Это осознали все.

Но виновата ли в этом перестройка?

Мы так долго принимали на веру всякие идеологические догматы, что полностью отвыкли видеть реальный мир таким, какой он есть, и никак не можем понять наше истинное экономическое положение. Мы не хотим ничего анализировать и до сих пор считаем, что словесными заклинаниями сможем помочь делу. При всей нашей нынешней революционности мы никак не можем отрешиться от прежних, не оправдавших себя идеологических догм, концепций, мифов, лозунгов, отвергнутых многолетней практикой. Нам по-прежнему кажется, что стоит чего-то очень сильно захотеть или, забравшись на трибуну, что-то громогласно провозгласить,— все пожелания тут же осуществятся сами собой. Если бы так...

Пора перестать политически блефовать, кормить наш нищий, полуголодный народ байками о коммунистическом обществе, об обществе зрелого социализма и прочих «измах», пора покончить с безответственными заклинаниями, которыми все еще пытаемся отвлечь людей от их повседневных нужд, целеустремляя в светлое будущее.

По-моему, одна из наших многочисленных бед заключается в том, что мало кто представляет себе систему социальных, экономических, экологических, политических, моральных, этических координат, в рамках которых реально функционирует наше общество.

— Вы располагаете такими данными?

— Конечно. Я профессиональный экономист, и мне положено знать, что почем, да и говорить об экономике все-таки легче с цифрами в руках. А ситуация здесь такова. По нашим официальным данным, объем национального дохода СССР в 1988 году составил 64 процента от уровня США, объем продукции сельского хозяйства за 1981—1987 годы — 82 процента, промышленности — 79 процентов. По расчетам ряда советских же экономистов, дело обстоит значительно хуже.

По объему ВНП СССР уступает сейчас не только США, но и Японии. Если кардинально не изменить существующее положение, то к нам быстрыми темпами будут приближаться Китай и ФРГ. По объему ВНП на душу населения СССР катастрофически отстает от не только названных капиталистических стран, но и многих других. По душевому потреблению дело выглядит еще хуже.

Как издевательство над здравым смыслом, неуважение к своему собственному народу звучат фантастические данные Госкомстата СССР о том, что в 1987 году социалистические страны произвели более 40 процентов промышленной продукции мира, страны СЭВ — примерно 33,3 процента, а СССР — 20 процентов. Какую методику подсчета применял Госкомстат, понять трудно. Но то, что эти цифры, мягко говоря, не «точны», понимает каждый более или менее умеющий считать экономист.

Особенно красноречиво выглядит сравнение затрат США и СССР в социальной области. В 1985 году США тратили на здравоохранение 425 миллиардов долларов (10,7 процента ВНП), на образование — 244,4 миллиарда долларов (6,7 процента ВНП), на науку — 108,8 миллиарда долларов (2,7 процента ВНП). В СССР в 1987 году аналогичные затраты были следующими: на здравоохранение — 25,3 миллиарда рублей (3,1 процента ВНП), на образование — 42,5 миллиарда рублей (5,2 процента ВНП), на науку — 32,8 миллиарда рублей (4 процента ВНП).

— Приводимые вами статистические данные относятся к 1985—1987 годам...

— Я делаю это умышленно. Пусть читатели увидят, каким было соотношение советской и американской экономик, их социальных возможностей к началу перестройки, в ее первые годы. Пусть увидят, сравнят и поймут, что не перестройка привела нас к кризису, а, наоборот, кризис, охвативший наше народное хозяйство, сделал перестройку исторической необходимостью...

Критикуйте М. С. Горбачева, но не забывайте об этом.

— Насколько я помню, тяжелое положение народного хозяйства признал в одном из своих первых выступлений в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС еще в 1982 году Юрий Владимирович Андропов. Он сказал, что дела с экономикой страны крайне трудные и что ему не известны пока рецепты, как поправить их...

Но мы несколько отвлеклись, вернемся, если не возражаете, к цифрам и сравнениям...

— Вернемся.

В СССР наихудшая из развитых стран пенсионная система. У нас по сравнению с ними самая низкая средняя продолжительность жизни населения. Самый высокий разрыв этого показателя между мужчинами и женщинами. Самая высокая детская смертность.

Все больше и больше отстает от Запада уровень советской науки. Сказку о том, что в СССР работает 25 процентов ученых мира, неудобно рассказывать даже детям — засмеют. Утверждение о том, что уровень прожиточного минимума на душу населения СССР составляет 75 рублей в месяц, не делает чести ни политикам, ни ученым, которые изобрели этот социальный стандарт нищеты и бедности. Может быть, они забыли об инфляции, особенно усилившейся в последние годы? Снижается уровень жизни практически всех слоев населения, даже тех, размеры зарплаты которых не являются фиксированными. Покупательная способность рубля падает ежедневно.

Данные о росте национального дохода и валового

национального продукта в 1988-м и первой половине 1989 года явно завышены, так как по-прежнему не учитывают инфляцию. Смешно говорить о крайне высоких темпах роста заработной платы, ибо он полностью «съедается» инфляцией. Реальная зарплата не растет, а падает. В равной степени это относится и к денежным выплатам из общественных фондов потребления. Прекрасно, что мы наконец-то признали существование десятков миллионов человек, живущих на уровне бедности и гораздо ниже его. Но от нашей запоздалой честности беднякам не стало легче.

Растут социальные обязательства государства. Нам нужно сорок миллиардов рублей на пенсии, нам нужно готовиться к другим социальным мероприятиям. Это деньги и деньги. Нужно искать в бюджете любую копейку, которую можно направить на выполнение социальных программ.

Короче, ситуация тяжелая. Я не паникую, но надо реально представлять положение.

— В чем причины такого неожиданного обвала? Сейчас этому дается много объяснений, а каково ваше личное мнение?

— Может быть, мое утверждение покажется странным и противоречащим тому, что я сказал раньше, но я уверен: валить все на застой — значит быть необъективным. Это нужно представлять ясно и четко.

Безусловно, застой принес нам экономику, в которой были спрятаны все наши нынешние проблемы: внутреннюю безработицу, полное отсутствие эффективного мотивационного механизма, крайнюю неэффективность использования ресурсов, абсолютное неприятие народным хозяйством научно-технического прогресса, полное отсутствие стимулов для повышения качества товаров и услуг. Конечно же, мы получили экономику мертвую. Надо прямо признать, что на плаву ее держали «нефтедоллары». Если бы не они, экономический взрыв должен был бы произойти намного раньше и был бы значительно разрушительнее, так как нормальное функционирование экономики прекратилось не в середине 80-х, а в середине 70-х годов. Те примерно двести миллиардов долларов, вырученных за тюменскую нефть,— фантастическая сумма — были кислородной подушкой для административно-командной системы, которая ее не спасла, а только продлила агонию еще на целое десятилетие. Экспорт нефти давал значительную прибавку к национальному доходу, прикрывал вопиющую неэффективность нашего хозяйства. Он был допингом и, как всякий допинг, создавал видимость мощи, на самом же деле только разрушал организм, все глубже загонял болезнь. Если бы не эти нефтедоллары, экономическую реформу пришлось бы начинать значительно раньше.

Вся беда в том, что, как очень образно и точно сказал Николай Шмелев, в своей экономике мы построили сумасшедший дом и живем по законам сумасшедшего дома. Не было сделано исключения и для нефтедолларов. Сейчас ни один сыщик мира, ни Скотланд-Ярд, ни ЦРУ, ни наш уважаемый Комитет государственной безопасности — никто не дознается и не подскажет, в какую прорву ухнула валюта, которую мы выручили за западносибирскую нефть. Эти мощные поступления мы использовали не для создания современных базисных и инструментальных отраслей экономики, отраслей, которые обеспечивают ее живучесть и прогресс, а как-то бездарно и безответственно промотали, растранжирили, пропили, профуфукали — скажите, как вам будет угодно, потому что любой термин тут будет на месте и, к сожалению, будет правильным.

Не пять лет перестройки, а долгие десятилетия командно-административного планирования последовательно превращали страну в сырьевой придаток мирового хозяйства. Не только Запад, но и Восток Европы вывозил от нас полуфабрикаты и сырье, а поставлял готовую промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Определенный уровень насыщения советского рынка импортным ширпотребом в период нефтяного бума создавал не только в головах аппаратчиков, но и у нас, грешных, иллюзию относительного благополучия. Но эти долларовые миллиарды оказались не более чем красивыми декорациями, скрывавшими развалины и бреши нашей экономики...

— Не знаю, согласитесь вы или нет, Станислав Сергеевич, но эйфория от тех относительно благостных времен до известной степени остается и поныне. Некоторым кажется, что все в принципе обойдется как-то само собой. Вот сейчас всерьез ведутся споры, что лучше покупать за границей в ближайшем будущем: хлеб или оборудование и технологии. Но вся штука в том, что закупать-то, возможно, будет и не на что. Например, ряд известных специалистов считает, что к 1994 году наш экспорт нефти в капиталистические страны сойдет на нет и дай нам бог наскрести средства для погашения прежних кредитов и процентов на них...

— Это вполне обоснованные опасения. Но, как бы там ни сложились наши дела на мировом нефтяном рынке, ясно одно: возможности экстенсивных факторов для наращивания производства — то есть простое увеличение фондов, природных и трудовых ресурсов — нами исчерпаны. И компенсировать потерю этого привычного для нас рычага возможно только повышением общей эффективности экономики, перебазированием ее на интенсивные методы ведения хозяйства.

— Но это означает ломку всего хозяйственного механизма...

— Разумеется. Так как созданный при командной системе и ныне действующий хозяйственный механизм абсолютно не способствует росту эффективности производства и повышению качества продукции. Он не восприимчив ни к какому научно-техническому прогрессу, ни к каким новациям. Экономическая система, при которой достижения НТП надо внедрять силой, достойна называться идиотской, иррациональной системой. Ни один переводчик мира не может адекватно перевести бредовое, тарабарское словосочетание «внедрение достижений научно-технического прогресса». Французы, японцы, англичане, немцы пытали меня миллион раз, как перевести эту фразу. Всегда отвечал: «Господа, НЕ ЗНА-Ю!». Непереводимое, мол, слово.

Англичане вежливо предлагали изящный синоним: «Имплементейшен». Я соглашаюсь: можно «имплементейшен». А сам думаю: мне бы ваши заботы. Внедрять хорошее — «у них» этого никто не понимает. Для любого нормального экономиста такое положение — патология, экономика кривых зеркал, театр абсурда, логика с вывихнутыми мозгами.

И, несмотря ни на что, я все-таки скажу: хватит все наши беды сваливать на эпоху застоя и его предшественников. Мужчины должны быть мужчинами. Мы должны утверждать свое «я» собственными делами, а не только критикой, поношением просчетов предшественников. И если уж быть до конца откровенным, то мы не так уж далеко ушли от них. И если в чем и преуспели,— и это действительно революция — так только в политических преобразованиях, гласности. Практические же наши успехи в экономике пока что более чем скромные.

— Что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы нынешняя реформа начала приносить наконец практические результаты?

— Во-первых, экономические преобразования должны быть поддержаны всеми мерами: политическими, социальными, культурными. Во-вторых, они должны войти в плоть, в кровь народа. Если этого не будет, все наши революционные законы окажутся просто бумажками. Мы захотели за короткое время из страны полного беззакония стать самой законной страной и с неподдельным энтузиазмом принимаем то, чего не понимаем. Не замечаем, что один закон противоречит другому, превращая эту массу законов в настоящий лабиринт, из которого нормальному человеку очень трудно найти выход.

Нам нужно помнить, что и знаменитая «косыгинская» реформа, на мой взгляд, некомплексная, откровенно плохая, заранее была обречена на провал вовсе не потому, что она была плохой. Она затрагивала интересы очень многих, прежде всего Брежнева, и ее под фанфары очень грамотно, компетентно, удавками, подзаконными постановлениями, актами, пактами прихлопнули, отменили, задавили, потому что она была политически абсолютно не подкреплена, потому что у всего аппарата, и прежде всего у Брежнева, она была бельмом на глазу. Он боялся, что, проведя эту реформу, Косыгин мог стать оппонентом, мог помешать ему превратиться в господина императора. А тут последовало наше «интернациональное спасение» Чехословакии. Круг замкнулся. Поэтому мы должны помнить одну принципиальную вещь: за реформу, за революцию — те, кто хочет, а главное, может работать. Против них — все, кто не хочет, а главное, не может работать. Это не очень похоже на марксистское объяснение ситуации, но в нашем сложном, многомерном, цветном мире оно, надеюсь, является не самым глупым объяснением...

— Вы считаете, что все еще возможны варианты?..

— Я просто знаю, что очень много ответственных товарищей желают возврата к старому. Я присутствовал на февральском и мартовском (1990 года) Пленумах ЦК КПСС, даже выступить пришлось, и могу совершенно ответственно заявить: встречал там не только людей, для которых беды страны — их личная боль, но тех, кто готов на все, только бы удержать свою власть, кто ненавидит все и всех, потому что перемены в стране означают смерть их привычных стереотипов, конец их общественному положению, льготам и так далее. Это отнюдь не бумажные тигры, о чем не стоило бы забывать.

— Станислав Сергеевич, мне хотелось бы вернуться к прошлым временам, к эпохе застоя.

Я допускаю, что политики не всегда понимали истинное положение нашей экономики. А часто и не хотели его понять. Но наука, уж она-то, на мой взгляд, должна была видеть, что творится в народном хозяйстве страны, какие угрожающие тенденции набирают силу.

— Конечно, должна была видеть и видела. А что толку?

В свое время, не помню уже, кто именно, называл нас поколением невостребованных экономистов. Мы и вправду не были нужны, особенно в застойный период.

Представьте, ученые-экономисты могли анализировать ситуацию, предсказывать, как и куда она может развиться, вносить свои предложения по тем или иным насущным вопросам. Однако право принимать решения оставалось за политиками.

Было бы полбеды, если бы наши советы и предложения просто игнорировались. Чаще же за несовпадение их концепций с официальной точкой зрения авторов могли ожидать большие неприятности. В 1969 году зав. лабораторией Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), замечательный советский экономист Борис Натанович Михалевский и я подготовили доклад, в котором аргументированно и четко говорили об истинном положении дел в советской экономике. Послали свой труд в Госплан СССР — в награду меня едва не исключили из партии. Спас от расправы, спасибо ему, тогдашний президент АН СССР Мстислав Всеволодович Келдыш.

В начале восьмидесятых по поручению Политбюро ЦК КПСС комиссия под руководством академика Владимира Алексеевича Кириллина подготовила два крайне правдивых и острых доклада о мерах по кардинальному повышению эффективности экономики СССР. Я принимал самое непосредственное участие в этой работе. Но она, как и многие предыдущие, была отправлена в сейфы для сверхсекретных документов.

Сколько подобных случаев было в жизни моих коллег!

Мой предшественник на посту академика-секретаря Отделения экономики АН СССР Абел Гезевич Аганбегян во время работы в Новосибирском академгородке схлопотал за свои труды много различных «осуждений». Дело не раз доходило и до худшего. Не легче в этом смысле была жизнь и у Татьяны Ивановны Заславской, работавшей там же. И поделом: не высовывайся, не анализируй, не бросай тень на радужную картинку.

Самое печальное, что в те же годы процветали всякого рода полуграмотные дельцы от науки, готовые в своих диссертациях оправдать и превознести все, что пожелают «наверху». Мой близкий друг Саша Анчишкин, с которым я учился в университете, а потом работал в НИЭП и ЦЭМИ, человек талантливейший и остроумный, так рано погибший, академик Александр Иванович Анчишкин обрисовал сложившуюся ситуацию одной гениальной фразой:

— Стаська, в нашей стране любой человек, который отличает национальный доход от национального состава, достоин быть избранным академиком по Отделению экономики.

— Когда же вы почувствовали перемену в отношении к вам, экономистам?

— В апреле 1985 года. Тогда Анчишкин сказал мне: «Кажется, начали заниматься делом всерьез».

— В то время все мы пребывали в состоянии эйфории, были полны надежд на быстрое улучшение жизни. Да вот что-то не получилось...

— Причин тут много, и объективных, и субъективных. Не хотел бы снимать значительную часть вины и с нас, экономистов. Мы немного увлеклись ускорением темпов роста производства. Немного ошиблись в определении эффективности, думали, что Госплан раньше сумеет поменять структурную политику. Я думал, что и сама экономическая реформа будет принята раньше. Однако ее главные принципы были заложены только в июне 1987 года. Выходит, два года с половиной потеряно.

То, что еще тогда предлагала экономическая наука, начинаем делать только сейчас.

— По-моему, ко многим переменам наша страна, вернее, наше население, люди не были готовы чисто психологически. Мы настолько привыкли жить в рамках определенных пропагандистских стереотипов, что отрешиться от них нам просто не под силу. Возьмем ту же статистику, уж, казалось бы, сколько саркастических стрел выпущено в нее за фальсификацию данных, за передергивание цифр. А она, сильно изменившись за последние годы, все никак не может стать до конца объективной, честной, никак не может отрешиться от желания приукрасить, подрумянить не совсем радужные достижения нашего хозяйствования, хотя справедливости ради нужно сказать, что сдвиги к лучшему определились.

Она до сих пор ведет подсчет урожая по бункерному, а не амбарному зерну, хотя бункерный урожай мистифицирует реальную картину, так как мусор и влажность зерна приукрашивают действительное состояние дел почти на 20—25 процентов.

Продолжение на стр. 24.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Юлий МИЛОСЛАВСКИЙ **Фото Игоря НОСОВА**

...В Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России на станции.

(Из письма Н. В. Гоголя В. А. Жуковскому.)

В Вифлееме, застигнутые дождем в ночь на Рождество Христово, мы промокли мгновенно, ураганный ветер бил навстречу, вода была обильной и ледяной. Такси доехало до КПП, которое выставляется примерно за километр до площади Звезды, где стоит Рождественская базилика,— дальше пропускали с машинами только по специальному разрешению. Дождь, впрочем, несколько ослабел, зонты не выхивало.

«Если существует место на земле, сосредоточивающее в себе все то, что есть священное, все, что высокое, все то, что сладостное и вожделенное, то это есть поклонение Вифлеему»,— писал некогда Вениамин Иоанниди, профессор богословия в училище Патриаршеского Иерусалимского Престола. Говорят, еще лет за десять до первой мировой войны книжицу Иоанниди, отпечатанную в 1868 году в Лейпциге, можно было получить в Пречестном храме Воскресения в Иерусалиме у старца-сосудохранителя Всесвятого Гроба, господина Серафима. Теперь ее там не найдешь.

Для того чтобы попасть в ночь на православное Рождество в святой вертеп, пещерку Христову, специального разрешения не требуется. Метрах в тридцати от храма устанавливаются временные кабинки, в которых желающие присутствовать на богослужении подвергаются досмотру. Войдя сквозь малую калиточку, сохраненную в циклопических вратах базилики, богомолец оказывается в притворе, где почти непременно попадает в одну из многочисленных луж, наполняющих выбоины в каменном полу. Здесь его вновь слегка досмотрит сотрудник службы безопасности, после чего паломник следует внутрь храма, «здания обширнейшего и весьма высокого и притом великолепнейшего»,— так передает свои наблюдения Иван Степанович Гашинский, воспитанник Кишиневской духовной семинарии, приобретший познание греческого языка в продолжительной своей службе при императорской российско-польской церкви в Афинах.

На Рождество в вертепе поют инокини русской женской обители, что в Горней — на родине Иоанна Крестителя. По случаю праздника монахини, в большинстве молодые, благоухают отечественным земляничным мылом. Душновато — слабосильная вытяжка, вмонтированная в стену пещерки, работает на пределе. Кое-кто из бывалых богомольцев запасся раскладными сиденьицами, какими обычно пользуются живописцы на этюдах. К трем часам пополуночи теснота возрастает. Желающие причаститься, молящиеся едва не отдавливают друг дружке ноги; крупная приземистая паломница, не устояв, наваливается на меня всею тяжестью, и охает, и что-то говорит по-русски.

Русской речи в Палестине хватало: православное палестинское общество, созданное в 1882 году, умудрилось основать на святой земле около сотни школ для местного населения. В некоторых из этих школ, как говорили злоязычные, обучалось «полторы арабки», но все равно Палестина, хоть христианская, хоть мусульманская, любила Россию. И вплоть до самых последних лет где-нибудь в Бейт-Джале доживали свое почтенные матери семейств, владеющие прекрасным русским.

Последняя в Палестине русская школа в Вифании, деревне Лазаря, друга Христова, воскресшего на четвертый день после смерти. По-арабски деревня называется Эль-Азарие (Лазаревка). В Лазаревке, на небольшом участке, приобретенном в начале века архимандритом Леонидом (Сенцовым), есть школа-интернат для девочек-палестинок. Содержит школу русская зарубежная православная церковь.

«С первым детским лепетом привыкли мы произносить священные имена Иерусалима, Иордана, Назарета, Вифлеема, и имена эти в нашем детском воображении сливаются как-то с родственными для нас именами Киева, Москвы, Владимира и Новгорода». Эти слова взяты из книги, написанной основателем православного палестинского общества Василием Николаевичем Хитрово, они относятся к началу восьмидесятых годов XIX века.

При некотором внимании к истории русского паломничества на Святую землю, при чтении многочисленных путевых заметок — «хождений», частью ставших пособиями для студентов филфаков, понимаешь, что для верующего российского христианина Иисус-Богочеловек был неотделим от Его земного отечества — Палестины. В то же время россиянин остро ощущал и ощущает Христово присутствие в его собственном доме. И — свое личное и общерусское присутствие на Святой земле.

Паломничество на Святую землю началось вскоре после крещения Руси.

В летописях сохранилось имя игумена Печерского, ходившего на поклонение в Палестину около 1062 года. Но он не мог быть первым: многими годами ранее святой Феодосий Печерский, будучи подростком, встречался в Курске со странниками, идущими из Иерусалима!

Массовое стремление православного люда побывать в Палестине даже стало некоей проблемой церковной политики: как следует поступать с огромным количеством желающих посетить Святую землю? Поскольку-де паломничество приводит буквально к запустению края, ибо отвлекает от повседневных занятий массу рабочих рук!

Надо учесть, что вплоть до первого десятилетия XX века паломничество в Палестину было опасным для жизни, что еще в восьмидесятых — девяностых годах известный процент паломников погибал в пути либо в Палестине от болезней, но охота пуще неволи. Внешние препятствия рассматривались российскими пилигримами как испытание, превращающее путь на Святую землю в евангельские тесные врата.

После русско-турецкой войны в 1829 году Россия получила право вмешиваться во внутренние дела Турции, как заступница и покровительница своих одноплеменных и единоверных подданных султана. Пользуясь открывающимися перед Россией возможностями содействовать укреплению православия, русский Синод настоял на учреждении консульства в Яффе, портовом городе, через который паломники прибывали в Святую землю. С 1838 года русским консулом в Сирии и Палестине стал Константин Михайлович Базили, однокашник Гоголя и Кукольника по Нежинской гимназии. Он, кстати, сопровождал Николая Васильевича Гоголя в его поездке по Святой земле.

В 1841 году тогдашний обер-прокурор Синода граф Николай Александрович Протасов составил бумагу, в которой предлагалось организовать в греческом монастыре Св. креста и Иерусалиме школу для обучения палестинцев русскому и греческому языкам, а также для наблюдения за тем, как используются российские пожертвования, обильно поступающие в Палестину. ...Предложение обер-прокурора Синода поступило к Николаю I, от него — к Карлу Нессельроде. Граф Карл Васильевич согласился с тем, что образованный русский священник был бы весьма желателен в Иерусалиме, но указывал, что до сих пор еще никто не был направлен в Палестину без того, чтобы не возбудить подозрений и зависти со стороны других держав. Он считал, что русское духовное лицо смогло бы легче завоевать доверие местной греческой иерархии, нежели дипломатический представитель. Следует, мол, ограничиться пробной мерой: архимандрита послать в Иерусалим как паломника; оказавшись там, он постарается заручиться доверием арабского духовенства...

Инструкции, данные архимандриту Порфирию Успенскому, предлагали ему часто выполнять обязанности паломника, ни в коем случае не окружать себя таинственностью, но в то же время не открывать, что он послан российским правительством. Все это было по неопытности нарушено. Порфирий начал принимать челобитные православных арабов с жалобами на греческую иерархию. Нищее арабское население сперва приняло архимандрита из Московии за доброго волшебника, который мановением длани направит к нему поток русских пожертвований, минуя греков. Когда упования не сбылись, разочарованные жалобщики обратились с посланием в Синод, а Порфирия обвиняли в нежелании помочь единоверцам. В свою очередь, греки подозревали дипломатического агента в образе паломника в тайном намерении спровоцировать восстание арабской паствы против греческой иерархии...

В декабре 1853 года французский консул осведомился у турецкого правительства: почему влиятельный русский агент все еще не выдворен из Иерусалима? Оплошность поспешили исправить. Консул Австрии предоставил Успенскому кров и пищу, покуда он не смог покинуть Палестину. Формально датой основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме принято считать февраль 1847 года, но Порфирию удалось прибыть на Святую землю в этом официальном качестве только спустя год — в феврале 1848 года.

...«Близ Яффских ворот вне Иерусалима находится русская постройка, так называемая Мейдамская площадь, заключающая в себя по измерению всего 15 709 квадратных сажен на высоком гребне полосы, разделяющей караванные четыре дороги... Еще есть участок земли, приобретенной русскими, называемый Мамила; место это, занимающее около 3000 квадратных сажен, расположено против Мейдама, через долину, по ту сторону Яффской дороги... Вне Иерусалима вблизи Дамасских ворот находится еще два участка, на которых ныне разведены сад и огород.

Тоже находится русский участок земли в самом Иерусалиме вблизи гроба Господня...»

Эти указания взяты из путеводителя, изданного для русских паломников в 1864 году. Приобрести книгу можно было только в Иерусалиме.

В 1865 году после малоприятных конфликтов, межведомственных и личностных, начальника русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Кавелина) сменил архимандрит Антонин (Капустин). Без Антонина (Капустина) никакого русского присутствия не было бы вовсе. В шуточном гербе рода Капустиных красовался тезоименитый овощ, окруженный девизом: «Не вкусен, но здоров».

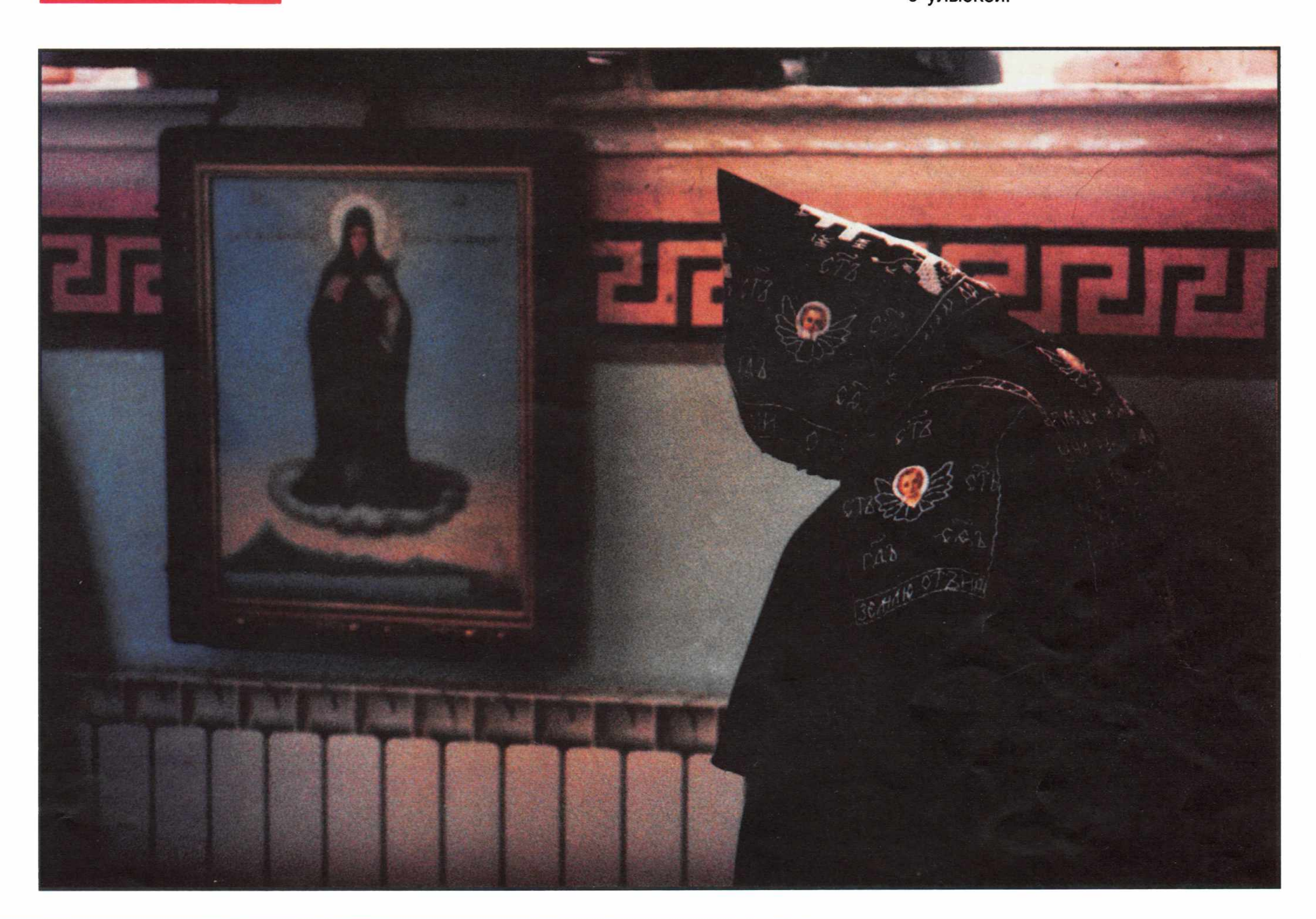
Антонин был потомком старинного священнического рода и уроженцем далекого севера. Он принадлежал к тому великому и славному сословию русского духовенства, которое так много создало для русского просвещения вообще и для духовного в частности. Это сословие, почему-то почти презиравшееся русскими передовыми кругами, сделало в развитии русского просвещения никак не меньше, если не больше, сословия дворянского, а за последнее столетие сословия купеческого. Так писали о Капустине. Скажем одно: двадцать девять лет иерусалимского служения Антонина были самыми успешными во всей истории русского присутствия в Палестине. Археолог, знаток древних языков, востоковед, человек твердый и добрый, насмешливый и печальный, остроумец и скептик, он был к тому же дипломатом.

«Наше духовенство заграничное было посылаемо не со стороны Синода, а как служащие Министерства Ин. Дел,— писал Киприан (Керн).— Это особенно остро и болезненно ощутил о. Антонин... Наша Миссия, т. е. учреждение, по существу, церковное, или, как любили тогда говорить, «паломническое», было сначала подчинено Русскому обществу пароходства и торговли, потом так называемому Палестинскому комитету, затем Палестинской комиссии при Министерстве Ин. Дел. С 1882 года образовалось православное Палест. общество, которое получало деньги от церковных сборов, призвано было делать дело, по существу, церковно-просветительное, но, как это ни горестно сказать, постоянно отнимавшее от Миссии ее главные средства». К сему следует прибавить деликатнейшие, в любое мгновение грозящие сорваться в скандал отношения с иерусалимским греческим патриархатом; неоднозначные отношения с представителями западных церквей в Палестине; постоянную грызню между вышеперечисленными российскими учреждениями. Накал страстей доходил до того, что о. Антонина не пускали на Русские Постройки, где останавливались в основном наши паломники...

Наука христианской дипломатии, которой превосходно владел Ка-

пустин, состояла не в том, чтобы, лавируя и атакуя, добиваться своего, но в умении, согласно Писанию, удаляться от зла, пропустить мимо себя клокочущий ком злобы, глупости и неудовлетворенных самолюбий. Архимандрит проделывал эту нелегкую операцию с изяществом и по возможности с улыбкой.

Но и упрощать не следует.

Антонин (Капустин) стал неотъемлемой частью человеческого пейзажа старого Иерусалима. Его знали все. И турецкая стража в знак особого уважения отдавала честь российскому архимандриту, когда он, верхом на ослике, появлялся в виду Яффских ворот. Историк, профессор Киевской Духовной Академии А. А. Дмитриевский красочно описывает выезд архимандрита за пределы Русских Построек в сопровождении «своего верного драгомана» — Якова Егоровича Халеби: «Кто из бывавших в Палестине до 1894 года не помнит кавалькаду из двух всадников: архимандрита в старенькой рясе и черной камилавочке, с распущенными по ушам длинными серебристыми пейсами (за эту специфическую прическу Капустин удостоился в кругах недоброжелателей прозвища «Пейс-Паша».— **Автор),** под зонтиком, легкою перевалкою едущего на сивом ослике, а за ним его верного слугу — драгомана на гнедой лошади».

Генеральной программой отца Антонина стала покупка земель в Палестине, без чего укорениться в этих краях было бы невозможно. Он проявил упорство и недюжинную деловую хватку.

Отец Антонин похоронен в Свято-

Вознесенском соборе Елеонской обители, что стоит поближе к вершине.

* * *

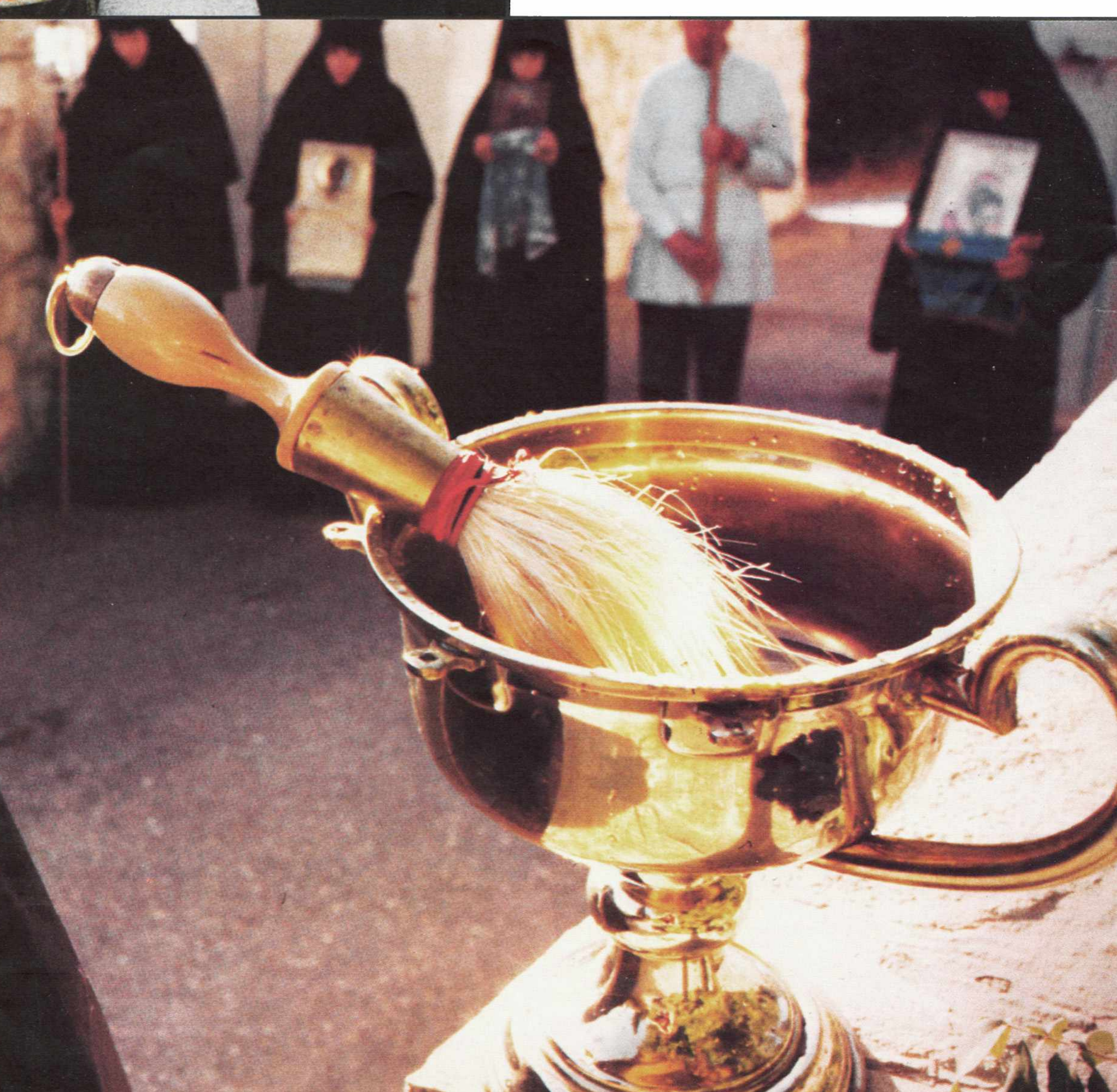
В 1948 году началась первая арабо-израильская война. Ее результатом стал раздел Иерусалима и всей Палестины между двумя новосозданными государствами. Демаркационная линия рассекла Святую землю надвое. Все российское имущество, оказавшееся на израильской стороне, было объявлено вымороченным. Вскорости власти передали его Советскому Союзу. Имущество на стороне Иордании осталось за русской зарубежной церковью.

Восьмидесятилетний архимандрит Мефодий (Попович) со свойственным ему юморком рассказывал, как его, тогда иеромонаха, выбивали прочь из Свято-Троицкого собора. «Пришел один с пуговицами, солдаты какие-то и эти, советские. Бумагу суют по-русски, на машинке, записочку...» Согласно заранее достигнутой договоренности большая часть русского имущества на израильской территории была продана Израилю в 1964 году; через тридцать один год после продажи Британскому музею Синайского Кодекса — второго по значимости свода библейских текстов на древнегреческом. За Синайский Кодекс удалось выручить сто тысяч фунтов стерлингов. Громадные земельные участки, школьные, больничные и миссийские здания мы также продали, особо не дорожась. По газетам судя, речь шла о сумме до шести миллионов долларов. Сделку эту прозвали апельсиновой: часть причитающейся платы Советский Союз согласился взять натурой — цитрусовыми...

Духовная миссия Московской патриархии сохранила за собой женский монастырь в Горней, храм в Яффе, участок на берегу Тивериадского озера, где некогда располагалась древняя Магдала, и Свято-Троицкий собор на Русских Постройках. Здесь же находятся миссийские учреждения. Прочие здания заняты израильским мировым судом, министерствами и следственными камерами местной полиции. Как некогда паломники, так теперь арестанты постоянно жалуются на тесноту. Въездные ворота Русских Построек по-прежнему украшает герб православного палестинского общества с девизом: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь» (Исайя).

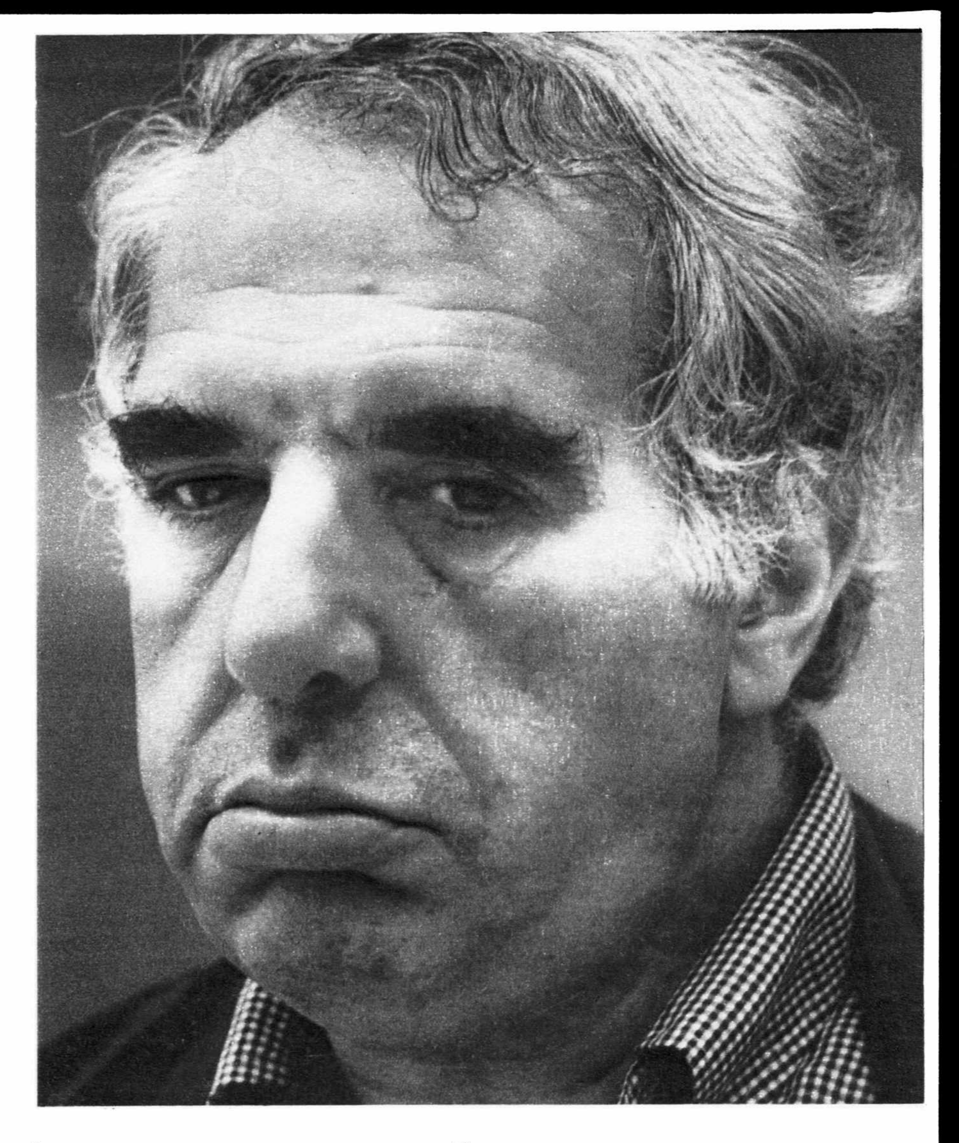
Миссия русской зарубежной церкви перебазировалась на Русские Раскопки, возле Гроба Господня, а потом — на Елеон. В последнее время резиденцией стала Гефсиманская обитель при храме св. Марии Магдалины. После оккупации Западного берега Иордана и Восточного Иерусалима израильтянами русская зарубежная церковь продала незначительные земельные участки — жить-то надо...

г. Иерусалим

Евгений РЕЙН

РАСТРЕВОЖЕННЫЙ СВЕТ

ДОМ МУРУЗИ

Возле храма св. Пантелеймона у вокзала,
где толпа красавца антиленинца растерзала,
дом доходный, девятиэтажный, в мавританском
стиле,
кто с достатком, да и те, кто с блажью, там
и жили.
Анфилады зал, гостиных, кабинеты, спальни,
а на именинах, на крестинах так хрустальны
эти баккара, бокалы, рюмки, вазы,
эти броши-розы, броши-лунки, бриллианты,
стразы.
Там была квартира в бельэтаже — вид
на церковь.
И когда-то в ней бывали даже Фет и Чехов,
Соловьев, Леонтьев и Бердяев, и Бугаев,
и немало также благородных разгильдяев.
А какие пирожки, эклеры, а ботвинья!
Даже анархисты и эсеры непротивны.
С этого балкона так удобно виден митинг,
и швейцар расспросит: «Что угодно-с?» —
ражий викинг.
Но куда-то он исчез однажды
(говорят, в эсдеки),
под балконом, головы задравши, человеки
все кричали: «На-кася и выкуси по-таковски!»
Горячо им возражали Гиппиус и Мережковский.
Но матросы с золотом на ленточках, в буром
клеше,
отзывалися об антиленинцах еще плоше.
Были все резоны перелистаны — мало толку.
А ВИКЖЕЛЬ ручищами землистыми разводил
и только.

ПОД ГЕРБАМИ

Все сбывается: тент и стакан «хайнекена»,
и хмельная ухмылка того манекена,
что глядит на меня из соседнего «шопа»,
невезуха, разруха, Россия, Европа...
Вот на ратуше блещут гербы Роттердама,
отчего ж я теперь повторяю упрямо:
«Ничего не хочу, не умею, не надо».
Невезуха, разруха, блокада, досада.
Все верните, проклятые демоны суток,
обновите мне плоть, обманите рассудок,
пусть покроются коркой рубцы и стигматы.
Боже, боже, ты видишь, мы не виноваты!
Дайте мне ленинградскую вонь продувную,
отведите меня на Фонтанку в пивную,
пусть усядутся Дима, и Толя, и Ося,
и тогда я скажу: «Удалось, удалося!»
Будь ты проклята, девка, тоска и отрава,
моя вечность налево, твоя вечность направо.
Так подскажем друг другу кое-что
по секрету,
поглядим на прощанье на Мойку, за Лету,
за толпу серафимов, Магомета и Будду.
Ты меня не забудешь, я тебя не забуду.
Там, за временем вечным, за эйнштейновым
мраком,
всякий снова хорош и нескладен и лаком
на последнее слово, что молвить негоже,
на движок первопутка, что проходит по коже.

* * *

Все, что видел, забыл,
что любил — разлюбил,
постарел, поглупел, огрубел.
Выхожу на пустырь,
за сугробом — Сибирь,
а за нею последний пробел.

Под полярной звездой,
над опавшей листвой
только снег разлетелся сухой.
Вот дойду до стены,
сколько знаю вины —
вся со мной — и тогда уж домой.

Погоди, не сверни,
видишь эти огни?
Растревоженный свет на шоссе.
Не ходить бы туда!
Ничего, не беда,
будешь жив, вот и станешь, как все.

ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО

Стояла теплая зима,
кончались дни легко и дымно,
я веселился непрерывно,
до помрачения ума.
Был подмосковный снежный парк
с водохранилищем замерзшим,
и снег слоеный слабо пах
нецеженым брусничным морсом.
Платформа «Тушино», трамвай
до станции глубокой «Сокол»...
Нет, ничего не забывай,
ни этот дом, ни черный цоколь,
не замечай тридцатки лет
и перемен неотразимых,
сезонный проездной билет,
раскатанный на долгих зимах.
Судьба подкуплена сама,
душа загублена навечно,
под теплым куполом зима
в меха закутана, конечно.

ЕЛИСЕЕВСКИЙ

Здесь плыла лососина,
как регата под розой заката,
и судьба заносила
на окорок руку когда-то,
и мерцала огранка
коньячного нежного зноя,
и казала таранка
лицо всероссийски речное.
Я сюда приходил
под твои сталактиты, барокко,
уходя, прихватил
от норд-веста и юго-востока
то, что знаю и помню
и чем закушу рюмку Леты...
Только что-то сегодня
просрочены эти билеты.
Елисеевский, о!
Темнотою зеркал ты мне снишься.
Высоко-высоко
ты под буйные своды теснишься.
Ничего-ничего,
это было и, значит, со мною,
никуда не ушло,
ни за что не прошло стороною.
Стоит сунуть десятку
в твою золотую кабину,
и глубокую шапку
я снова на уши надвину.
Поглядит на меня продавщица
в бессмертном отделе.
Что ж, она отлучиться
могла, да и эти огни прогорели.
Я последним стою,
и звенит колокольчик: «Закрыто...»
Ни фортуна, ни злоба,
ни даже пустая обида —
сыпь мне мелочь, верни,
наконец, распоследнюю сдачу,
а умру — помяни,
и в ответ я невольно заплачу.
Потому что здесь был
пресловутый Эдем нашей жизни,
потому что не место
ни каверзе, ни укоризне
там, где дали кусок
и налили граненый стаканчик,
где ломался басок
и бывал неуживчивый мальчик.
Не за жир и витрины,
а за истину истинной веры
и за Екатерину,
что глядела в огромные двери,
я запомнил тебя
кафедральным амбаром, собором,
и гляжу на тебя сиротой,
но совсем не с укором.
Было, было, прошло
и уже никогда не настанет,
осетрина твоя
на могучем хвосте не привстанет,
чтобы нам объявить:
«Полкило нарезаю потолще».
Это все хорошо,
что так бедно, угрюмо и тоще,
это все ничего,
если время и знамя упали,
даже лучше всего —
пустота в этом оперном зале.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТУПЕНЬКАХ СМОЛЬНОГО

Олег ВИТЕ

В марте ленинградцы облегченно вздохнули: закончились выборы в Ленсовет, и большинство мест в нем получили кандидаты блока «Демократические выборы-90». Всем казалось, что главные волнения и трудности позади. Однако после первых же дней работы ленинградского «парламента» стало очевидным, что победа демократических сил сама по себе еще не решает вопроса о власти, но лишь позволяет наконец подступиться к нему практически. Возможно, такое суждение покажется кое-кому чересчур пессимистичным. Однако все-таки попробуем преодолеть эйфорию революционного романтизма и спуститься на грешную землю. Политическое отрезвление наступает в тот момент, когда, например, после просмотра телерепортажа с заседания нового Ленсовета приходишь к Смольному и садишься на его ледяные гранитные ступени. Тут есть о чем поразмыслить.

Спросим себя: отчего в эти весенние месяцы среди ленинградской общественности все чаще звучат, казалось бы, давно забытые слова — «ненадежность», «двоевластие»? Демократический в своем большинстве Ленсовет, не преодолевший до конца митинговый характер дискуссий, по многим мнениям конфликтует с консервативным Ленинградским обкомом КПСС, который по-прежнему работает за плотно закрытыми дверьми. На стороне первого — поддержка большинства ленинградцев, завоеванная в долгой предвыборной борьбе, на стороне второго — традиции и привычки нескольких поколений, опыт организационной работы и знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, сложившиеся в течение десятилетий теснейшие номенклатурные связи со всеми звеньями партийно-советско-хозяйственного аппарата.

Складывается парадоксальная ситуация: внутрипартийные дела поневоле занимают умы и оказываются жизненно важными для людей, не имеющих к партии никакого отношения. Похоже, что и Ленсовет оказался в прямой зависимости от того, как пойдут дела внутри КПСС. Мы еще вернемся к этой теме. А пока посмотрим, как реально отражается такое положение на жизни Ленинграда.

Совсем не трудно понять работников партийного аппарата, «трудящихся Смольного», по выражению секретаря Ленинградского ГК КПСС В. Ефимова. Многим из них есть что терять. Особенно тем, для кого вопрос власти — вопрос образа жизни, который мало кто из них готов и способен переменить тотчас. Вот истоки невидимого сопротивления, той неподдельно искренней антипатии, которую испытывает ряд партийных работников к новому Ленсовету. Сложилась ситуация, достаточно типичная. По отдельности каждый аппаратчик, возможно, и согласился бы на конструктивное сотрудничество с только что избранными Советами. Но старая система связей, жесткая субординация, на которые во все времена опиралась монополия власти, превращают аппарат в консервативную силу. Ясно, что из всей совокупности действий, тормозящих работу Ленсовета, на поверхности обнаруживается немногое. Но даже и это «немногое» заявило о себе уже в первые дни.

Можно, к примеру, взять и широким жестом «подарить» целую газету «Вечерний Ленинград» (заодно с ее долгами!) бывшим совладельцам, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ни бумагой, ни другими материальными ресурсами Ленсовет пока не обладает. Или же совместным решением обкома и старого исполкома лишить тех же совладельцев прав на другую газету — «Ленинградскую правду», которая имеет куда больший тираж и обеспечена до конца года бумагой.

Сижу вот у Смольного и думаю: кому он все-таки принадлежит? Борис Вениаминович Гидаспов уверен, что с октября семнадцатого года это имущество партии. Хорошо бы узнать мнение об этом у тех рабочих-красногвардейцев, крестьян, революционных солдат и матросов, которые превратили Смольный в штаб революции, провели здесь II съезд Советов и вряд ли могли предположить, что 73 года спустя представитель одной из партий, поддержавших Советскую власть, предъявит имущественные претензии такого рода. Характерно другое: заявление о партийном имуществе первое лицо ленинградской парторганизации сделало, опасаясь, что Ленсовет может вынести и этот вопрос на обсуждение.

Вот и получается, что новому составу Ленсовета приходится сегодня не столько использовать власть для решения насущных для города и области задач, сколько продолжать за нее бороться. А в Ленсовет уже идут ходоки, которым мало дела до такой ситуации. Они задают вполне конкретные вопросы: как получить квартиру, как устроить ребенка в детский сад, когда будут отремонтированы улицы?.. Уже одно то, что они столь интенсивно обращаются к депутатам Ленсовета, верят и надеются на тех, за кого проголосовали, красноречивее всего говорит о том, что реальная власть сегодня — не только у обкома. И если кто и виноват в излишней политизации Ленсовета, то это отнюдь не его депутаты.

Чем же опасна сложившаяся ситуация? Прежде всего нарастанием социально-политической напряженности, дестабилизации жизни крупного российского города. Трудно в такой ситуации представить себе что-либо более безответственное, чем разжигание конфронтации между обкомом и Ленсоветом. Ясно, в чьих это интересах.

Говорю о своем родном Ленинграде, а думаю о других городах страны, где уже возникает, возникла или может возникнуть подобная ситуация. Единого рецепта не существует. Поэтому ленинградские условия диктуют демократическим силам свою тактику. Так вышло, что новый состав Ленсовета начал работать одновременно с подготовкой ленинградской партийной конференции. Это открывало возможности серьезно повлиять на обновление партийного руководства в городе, на его демократизацию. Естественно, что с такой инициативой выступили прежде всего депутаты-коммунисты, которые поддерживают «Демократическую платформу в КПСС». 65 народных депутатов подписали Обращение ко всем коммунистам города с призывом такого содержания: «Сложившееся положение требует от всех ленинградских коммунистов осознания своей ответственности и активных действий. От того, как пройдут районные партконференции, выборы членов обкома и довыборы делегатов областной и городской партконференции, от результатов ее работы, от состава вновь избранного Ленинградского обкома КПСС и его бюро зависит сегодня не только судьба партии, но и стабильность всей социально-политической обстановки в городе, зависят условия, в которых придется работать Ленсовету!»

Мне тоже довелось работать над текстом этого обращения. Разумеется, мы понимали, что не все коммунисты на него откликнутся. Хотя бы потому, что ситуация внутри самой партии неоднозначна.

Уже сегодня в КПСС существуют три достаточно выраженных течения. Они обозначены в соответствующих документах. Во-первых, это «Демократическая платформа в КПСС», во-вторых, так называемая «Программа возрождения Российской компартии» (а по существу, платформа Объединенного фронта трудящихся — ОФТ), в-третьих, Платформа ЦК КПСС. Первые два течения придерживаются противоположных позиций по важнейшим вопросам. И то обстоятельство, что носители этих идей — члены одной партии, с каждым днем выглядит все более противоестественно. Сторонники третьего течения пытаются спасти КПСС от раскола, изображая дело так, как будто внутри партии не существует по-настоящему принципиальной борьбы между сторонниками сталинско-брежневского социализма и теми, кто стремится решительно избавиться от всех его рудиментов. Консолидация нужна, но еще нужно уточнить принципы консолидации, которые способны сплотить коммунистов перед XXVIII съездом.

Существует немало программных документов, которые рождаются в недрах названных течений. Причем различия прослеживаются по всем направлениям общего кризиса, который переживает партия. Это и партийная идеология, и определение своего места в обществе, и устарелая внутренняя организационная структура.

Ограничусь примером, который касается «места партии в обществе», тем более что этот вопрос затрагивает интересы далеко не одних только членов КПСС.

«Демократическая платформа» провозглашает необходимость изменения самого типа партии. Превращения так называемой авангардной партии в современную партию парламентского типа, способную существовать в условиях многопартийной системы.

Многие хотят уйти от ситуации, согласно которой КПСС — это не столько политическая партия, сколько структура, аналогичная государственной церкви в средневековом феодальном обществе. Не случайно, как только государственная монополия разрушается, тут же становится ясно, что партия должна зачастую отстаивать свое право «быть авангардом».

Об этом свидетельствует так напугавший партийных бюрократов опыт революции в Восточной Европе. Многие продолжают говорить о превращении партийной организации в нормальную политическую партию. Какой она будет — парламентской, партией для выборов, массовой партией-клубом (по классификации С. Коэна),— покажет время.

Объединенный фронт трудящихся вообще не представляет себе Российскую компартию иначе, как безальтернативно правящую, сохраняющую традиционную схему: авангард по должности.

Жаль, что в Платформе ЦК ничего не говорится об изменении типа партии. С одной стороны, сохранить старый тип КПСС как будто не собирается, с другой — и отказаться от него до конца не находит в себе сил. Так или иначе, если и возможна «консолидация здоровых сил в партии», то только на условиях как можно более демократических.

*** Мнение выступающих под рубрикой «Свободная трибуна» может не совпадать с точкой зрения «Огонька».**

А ситуация такова, что дальнейшее сосуществование реформаторов и сталинистов в рамках одной организации не может продолжаться долго. Дело не в спорах — раскалывать партию или нет. А в том, как встретить многопартийность, как выйти впоследствии из испытания сильной и влиятельной политической партией.

Можно сказать и так: мыслящие коммунисты не за раскол, а за консолидацию. Но за такую, которая способна выдержать любые испытания.

Сторонников «Демократической платформы в КПСС» в Ленинграде становится все больше.

Многие проблемы труднопреодолимы еще и потому, что КПСС всегда опиралась на жесткую организационную структуру, которую долгие годы было принято называть демократическим централизмом. Но это всего лишь вывеска. На самом деле речь идет о тех конкретных положениях Устава КПСС, которые обеспечивают господство аппарата над всей партией. Важнейшие из них — подчинение меньшинства большинству и нижестоящих организаций — вышестоящим органам. На мой взгляд, для того чтобы партия нормально функционировала в условиях многопартийности, необходимо единственное ограничение прав меньшинства. А именно: чтобы оно не мешало большинству выполнять принятые им решения.

Что же касается проблемы внутрипартийного соподчинения, то неплохо бы прислушаться к мнению, которое прозвучало на февральском Пленуме ЦК КПСС. Речь шла о внедрении процедуры ратификации решений высших партийных органов нижестоящими организациями. Тем самым проблема «верх — низ» могла бы быть сведена к проблеме взаимоотношений меньшинства и большинства. Стоило бы заметить, что высказал это предложение отнюдь не «демократ»...

Меня, как коммуниста, политолога, нередко спрашивают: «Нет ли опасений, что после отмены основных принципов демократического централизма вашу партию будут тянуть в разные стороны, как крыловские Лебедь, Рак и Щука?» Если такая ситуация действительно возникнет и станет достаточно устойчивой, неустранимой, партия, очевидно, вынуждена будет разделиться как минимум на три части — на партию Лебедя, партию Рака и партию Щуки. Нелепо рассчитывать, что при помощи какого угодно устава можно объединить эти три «фракции», да к тому же еще заставить их проводить одинаковую политику. Это неизбежно приведет к тому, что вся партия в конце концов подчинится тому течению, которое будет наиболее консервативно, не раздражает пассивное большинство, поскольку свято блюдет многолетние великопартийные традиции.

Вы уже, наверное, заметили, что разговор о Советах как-то плавно перешел в рассуждения на внутрипартийные темы. Но сегодня еще трудно вести речь о проблеме власти, минуя тему беспокойной внутрипартийной жизни.

Политическое размежевание в наших больших и малых парламентах — прямое отражение процессов, идущих в КПСС.

Опыт Ленинграда наводит на мысль о том, что начался этап, через который в той или иной форме придется пройти многим, если не всем местным Советам. Каким образом? Горький опыт Тбилиси и Баку не может быть повторен. Страшно было бы себе представить сегодняшнюю ситуацию в Ленинграде еще в апреле прошлого года... Не будет преувеличением сказать, что мирное развитие событий в городе на Неве куплено кровью, пролитой в Закавказье. И разве в Литве мирная борьба за власть не подошла к опасной черте? Уже это лежащее на поверхности сопоставление убеждает нас, что большую опасность представляет для общества административный нажим, которым пытаются подменить процессы демократизации.

Ленинград

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ

азывалось это так: встреча в ЦК ВЛКСМ национально - патриотического фронта «Память» с активом, занимающимся увековечиванием памяти защитников Родины.

И он был веселым, этот день. Молочными струями вытянулись вверх березы, обдутые ветром до костной сухости, сверлили воздух птичьи голоса, и лобастые «Икарусы» везли косоглазое солнце на стеклах, как на подносах, и все пело и гудело...

И когда Дмитрий Дмитриевич Васильев завалился в комнату в ореоле черных мундиров, ремней через правое плечо, погонов, значков, в сопровождении видеокамеры, в комнате потемнело, и все неловко повернули голову.

И когда потом, в середине встречи, захотелось вдруг встать, грохнуть стулом и уйти, спотыкаясь о соседние колени, чертыхаясь от ломоты в голове, возникшей от утверждения, что 8 Марта мы, оказывается, празднуем в честь подвига древней израильской патриотки, спровадившей в мир иной семьдесят тысяч персов,— тогда стало ясно, что уйти нельзя, надо выслушать до конца.

Время одинаковых кончилось, но прежде чем разбежаться, надо покончить с кукольным театром, в котором видны актеры, видны куклы и лишь одно сокрыто мраком: в какую куклу всунута чья рука. Надо встать, как на старинных фотографиях, всем миром: солидные — в центр, духовенство — сверху, мечтатели — на деревьях, душегубы — на земле, разносторонне левые и правые, чтобы понять: какие мы все.

Поэтому нам необходим портрет на память.

Послушаем Дмитрия Дмитриевича Васильева, что он поведал вежливо выслушавшим его комсомольцам.

ЦЕЛЬ ВИЗИТА: «Хотелось бы сегодня найти те точки соприкосновения, которые нам необходимы, так как в стране усугубляется не только национальный, но и социально-политический конфликт».

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ: «Перестройка — это космополитизм... Народ ее не приемлет, он ее принял как политический лозунг».

«Марксизм по своей сути — это больше сионистическое учение... идущее из постулатов талмудических».

«Я не понимаю слова «интернационализм» потому, что «интернационализм» в переводе — это «между наций». Кто бегает между наций, я не знаю».

«Что касается республик, то их насильно никто не завоевывал...»

КОРОТКО О СЕБЕ: «Сказать о том, что такое «Память»,— это рассказывать надо очень долго. Без памяти не может жить ни один народ, без памяти не может жить ни один человек... И все, кто имеет память, являются потенциально нашими членами... Если говорить о нашем активе, то подразделения наши в сорока городах Советского Союза, включая союзные республики. Имея неосторожность и ведя честную игру, мы открыли один из наших филиалов в Ленинграде — он был мгновенно подвергнут чудовищной обструкции средствами массовой информации. Туда были брошены лучшие силы западной прессы, и больше половины из них — скрытые работники спецслужб... Мы совершенно ясно и определенно отдаем себе отчет, с какой силой вступили мы в борьбу, что это за сила. Более того, уже не только теоретически, но и практически мы на своих плечах вынесли очень многое. И посему когда произошел такой момент, когда мы были вынуждены раскрыть свой ленинградский филиал, то он был уничтожен практически, весь был растоптан. Поэтому нам пришлось вновь там организовать формирования, которые сегодня там работают полулегальным способом. Если это у вас вызовет возражение или раздражение — такое понятие, как полулегальность, то тем не менее, как видите, мы говорим вам об этом честно, не раскрывая все наши структуры».

О БРАТЬЯХ ПО РАЗУМУ: «Сычев вообще называет меня чужеродным элементом, потому что я кооператор. Сычев — это известный провокатор, и мы это все знаем. Он создает совершенно нездоровую, грязную рекламу «Памяти», потому что он отрабатывает свои деньги. Его такой бытовой антисемитизм, кухонный, а также совершенно рыночное восприятие исторического пути, оно, конечно, тень бросает на нас, потому что он именует себя «Памятью», хотя никогда, ни одного дня никакого отношения к «Памяти» он не имел. Он был сделан Московским городским комитетом партии».

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ: «Брошенное в массы неосторожно такое понятие, как «плюрализм», является не чем иным, как «плюй в реализм», потому что единства противоположностей быть не может...»

«Так что логика лести и лицемерия проста, называется она тайная политическая субстанция, которая делает все возможное для того, чтобы достичь определенных целей в нашем государстве по его развалу, по его уничтожению. И они, надо сказать, очень активно в этом направлении работают».

КОРОТКО О СЕБЕ: «Память» уделяет огромное значение теоретическому наследию марксизма-ленинизма. Мы изучаем очень серьезно этот вопрос, пытаясь найти схожесть в концептуальных оценках. Мы пришли к учителю Маркса Мозесу Гессу и его теоретическим разработкам, о которых почему-то марксизм-ленинизм предпочитает молчать, мы пришли к талмудическим понятиям через понятия марксизма».

ПОЧЕМУ В ГОСУДАРСТВЕ ПОРЯДКА НЕТУ: «Голландия в среднем производит картофеля от четырехсот до шестисот центнеров с гектара. В Подмосковье живет некто Ушаков, семьдесят четыре километра от Москвы. Мы у него неоднократно были, изучали его машины. Наши умельцы разрабатывают первые опытные образцы. Он предлагает тысячу сто центнеров с гектара! Я на своем приусадебном участке попробовал провести этот опыт вручную, и я достиг того, что говорит Ушаков. Вот это пример национального подхода. Нам говорят, ладно, ладно: давайте будем везти все с Запада...»

КОРОТКО О СЕБЕ: «Почему военизировались? Надоело смотреть, как мужчина превращается в женщину. Сегодня культивируется бисексуальность, и поэтому на улице не поймешь: кто ходит. Поэтому они должны быть похожи на мужиков».

«Черный цвет — **скорбь по земле русской**».

«У нас от 14-летних детей до 70-летних старцев... Основной контингент — это молодежь».

«Военных? Огромное количество... И высшего командного состава, и младшего офицерского состава, и курсантов... Для меня с детства офицер являлся идеалом».

СИМПАТИИ: «А что сегодня с армией делается — это просто уму непостижимо. Если сегодня наносят такие удары по армии, то это конец государственной системе. Накануне семнадцатого происходило все то же самое. Поэтому всегда можно нанести упреждающий удар. Армию развалить мы не должны. Мы не должны развалить КГБ. Политическую полицию уничтожать в государстве нельзя. Мы должны укреплять также и аппарат МВД. Отрывая исторические корни от своего народа, подменяя их политическими и догматическими лозунгами, мы приведем к краху нашу великую империю, нашу великую державу. Империя должна оставаться империей. Кстати говоря, в понятии империи ничего плохого нет. Сразу вам заявляю, что мы по убеждениям монархисты».

КОРОТКО О СЕБЕ: «Мы ни в каких митингах участия не принимаем, по улицам не шляемся, демонстраций не проводим... Мы занимаемся конкретной работой, черновой работой, каждый день, каждый час, и очень рады, что вы наконец соизволили принять нас для того, чтобы выслушать нас и понять о том, что ни вы без нас, ни мы без вас в этой стране ничего не сделаем».

«В выборах мы участия не принимали, потому что в этом канкане участвовать вообще не хотелось. Те депутаты, которых мы вели,— они все победили, несмотря на всю оппозицию. А вообще существует такая банальная политическая истина — власть берется не на выборах. Мы будем с народом сами работать, о методике я вам сказать не могу по одной простой причине — это является нашей тайной».

ПОЧЕМУ В ГОСУДАРСТВЕ ПОРЯДКА НЕТУ: «Я хотел обратить внимание на геральдику нашу. Вся беда в том, что мы живем под совершенно кабалистической чужеродной геральдикой, и когда стены Кремля запечатаны Антихристом, то никогда не будет порядка в нашем государстве. Почему? Потому что если вы возьмете все учебники по кабалистике, по астрологии, то с точки зрения астрономического знака пятиконечная звезда имела очень древнее значение. Затем она была украдена через Индию и стала чисто колдовским, астрологическим, кабалистическим знаком. Более того, пятиконечная звезда загорается в ложе масонской... когда там собирается весь синклит, то есть ось Хельсинки — Париж — Берлин — Мадрид — Рим — ложа Великого Востока. Значит, она никак не может быть нашим государственным знаком. Но если обернуться в историю, то мы помним, что эту же звезду, пятиконечную, нам принес Лейба Бронштейн-Троцкий. Она была на буденовках синяя, а потом стала красная.

И уж совсем странно, когда мы совершаем буквально кабалистические обряды — когда мы подходим к Вечному огню и возлагаем цветы. Какое пламя может идти из-под земли? Адово пламя! Божественный огонь находится над землей. А если внимательно проанализировать, то это адово пламя идет еще через печать Сатаны, печать Антихриста. И мы поклоняемся языческим, культовым, дьявольским обрядам, очень тихо, очень скромно введенным в нашу жизнь».

КОРОТКО О СЕБЕ: «Памяти» сказать нигде ничего не дают, но тем не менее мы мужественно бьемся, работаем».

ИТОГ ПОИСКА «ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ» «ПАМЯТИ» И ЦК ВЛКСМ: «Есть ли у «Памяти» конкретные предложения к неформальному объединению поисковых отрядов, занимающихся работой на местах боев, установлением имен павших?

— Нет».

ПОЯСНЕНИЯ К ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМУ

Этот портрет не для мелкой радости доброго обывателя: ах, как жалок в хвастовстве, как смешон в угрозах, как безудержен во лжи — не для этого.

Этот портрет не для эпистолярного зуда обывателя злобного: и как же это еще земля носит этих недоумков, стереть с лица земли, отправить к оленям, сгноить, так их и так — не для этого.

Это портрет на память.

«Память» нам очень нужна. «Память» — это уровень воды в нашем трюме, и не дай нам бог запереть трюм законом или заняться вычерпыванием воды — надо латать дыры. Наш стыд за «Память» — это наша боль о соотечественниках, погрязших в косности и невежестве, и мы должны сделать все, чтобы угроза диких времен могла проявить себя зримо, а не собиралась по подвалам и чердакам.

«Память» — это наша грязная шея. С грязью можно бороться двумя способами: отрубить шею или вымыть. И если мы культурные люди, придется мыть, придется трогать руками грязь и любить то чистое тело, которое погрязло в дремучести. Придется мыть, помня, что на дворе пригрело и льдина наша стала подтаивать по краям, что вот-вот могут хлынуть бурные ручьи, которые захотят жить поближе к родным могилам, а не на подтаявших окраинах; помня, что экономическая реформа болезненно объяснит массам, что пора твердых окладов за мягкий труд позади и людям, которые всю жизнь свою маршировали, будет очень трудно выучиться индивидуальным танцам, и поэтому общественная почва «Памяти» окажется хорошо удобренной, и сельхозкооператив монархиста Васильева Д. Д. может увеличить численность.

Придется мыть и неустанно оспаривать малограмотных пророков, поняв, что выбора нет: либо шовинизм — либо национальное возрождение. И первое проще: чем приложить к чему-нибудь руки, легче врезать другому по рукам, и жилищную проблему решить к 2000 году проще, ненавистью вышвырнув полстраны за границу.

И посему придется смотреть постоянно на этот портрет и доказывать без устали, что борьба с косностью для русского народа гораздо важнее борьбы с мировым сионизмом; что невыносимый стыд и позор, когда от имени русского народа орут фигуры, отбрасывающие черные тени, и придется расчищать дорогу новым, чистым голосам, которые запаздывают.

Мы ждем новых людей.

Каждый народ имеет свое время предчувствий, когда приходит к народу Иоанн Креститель и проповедует в пустыне и призывает: кайтесь. Иоанн Креститель нам намекает, честно намекает на то, что мы и сами потихоньку усекли, говорит он: я-то ладно, я — на переходный такой, перестроечный период, но вот тот, кто придет следом за мной,— вот за ним-то и сила, и Царство Божие. И вот мы начинаем крутить башкой, ожидая явления.

И сейчас полно желающих стать именно тем, кто явится нам. Эти желающие примеряют сандалии, длинные одеяния, учатся скромной походке и как рукой плавно повести: айда, братцы, побежим скорей в Царство Божие, я дорогу доподлинно выведал, срежем угол, а дальше огородами — зуб даю, наше это Царство будет!

И когда все эти товарищи начнут манить да сулить — трудно будет разобраться в гвалте. И может быть, побредем мы в разные стороны — только это не беда. Главное, чтобы ни души не увел за собой тот, кто, скрываясь криком и ложной болью, потребует жертвы человеческой.

Товарищи, с жертвами мы уже попробовали!

Энергию ненависти мы уже испытали. Мы добились выдающихся успехов на этом направлении, мы выстроили огромную ракету в шестую часть земной тверди и долбанули ее первыми в космос, спалив исполинским пожаром все под собой и вокруг, продырявили насквозь синее-синее небо и вылезли в смертельную стужу бездушного космоса, вытащив за собой целое созвездие спутников, и который уже виток болтаемся в безвоздушном пространстве, где не продыхнуть, напоминанием всему прочему миру о явных наших достижениях, наблюдая, как откалываются потихоньку и сгорают наши сателлиты-спутники и падают на прекрасную землю, а мы все торчим здесь, исчерпав энергию ненависти, в поиске энергии добра, на грани взрыва или возвращения на щедрую, бескрайнюю землю свободы...

Хотелось бы вернуться не последними. Но даже если и последними, то вернуться.

Поэтому портрет Д. Д. Васильева не снимайте — пускай висит.

Александр ТЕРЕХОВ

— Почему «Памятей» так много?

— Истинная «Память» одна, это РНФП («Русский народный фронт движения «Память»»). Остальные группы, называющие себя так, — это провокационные силы, внедренные в патриотическое движение коррумпированными элементами партократии и госаппарата с тем, чтобы помешать священной борьбе за национальное возрождение России...

— Ваши предшественники в дореволюционной России?

— Во-первых, славянофилы. Во-вторых, «Союз русского народа» — с ним случилось то же, что и с «Памятью», в него внедрили провокаторов-погромщиков.

(Из интервью лидера РНФП Игоря Сычева, «Собеседник» № 13, 1990 г.)

Из приложения к газете «Русское Знамя» № 176, 1906 г.:

«...Кто же русский патриот? Кто же русский народник?.. Мы случайно прочли в «Новом Времени» следующие стихи неизвестного стихотворца.

Кто, молитву творя,
Чтит народ и Царя,
В ком ни сердце, ни ум не шатается,
Кто под градом клевет
Русь спасает от бед,
Черносотенцем тот называется.

Вот разрешение нашего вопроса. Ответ найден. В настоящее время патриот-народник есть черносотенец. Русский патриотизм и есть черносотенство... Черносотенец и есть земляк всей черной сырой родной русской земли-матери...

Странная судьба на Руси иноязычным словам: они по мере обрусения пошлеют, приобретают пренебрежительное, иногда явно хульное значение. Таковы: «шеромыга» — от французских слов шер'ами (дорогой друг), «интеллигент» — слово, которое стало просто ругательное. Наоборот, клички, даваемые врагами русского направления коренному русскому развитию, становятся достойными всехвальными обозначениями исторического народно-русского просвещения... таковыми, по-видимому, становятся слова черносотенец, черносотенство, которые ныне вполне заменяют иноязычные слова патриот, патриотизм».

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

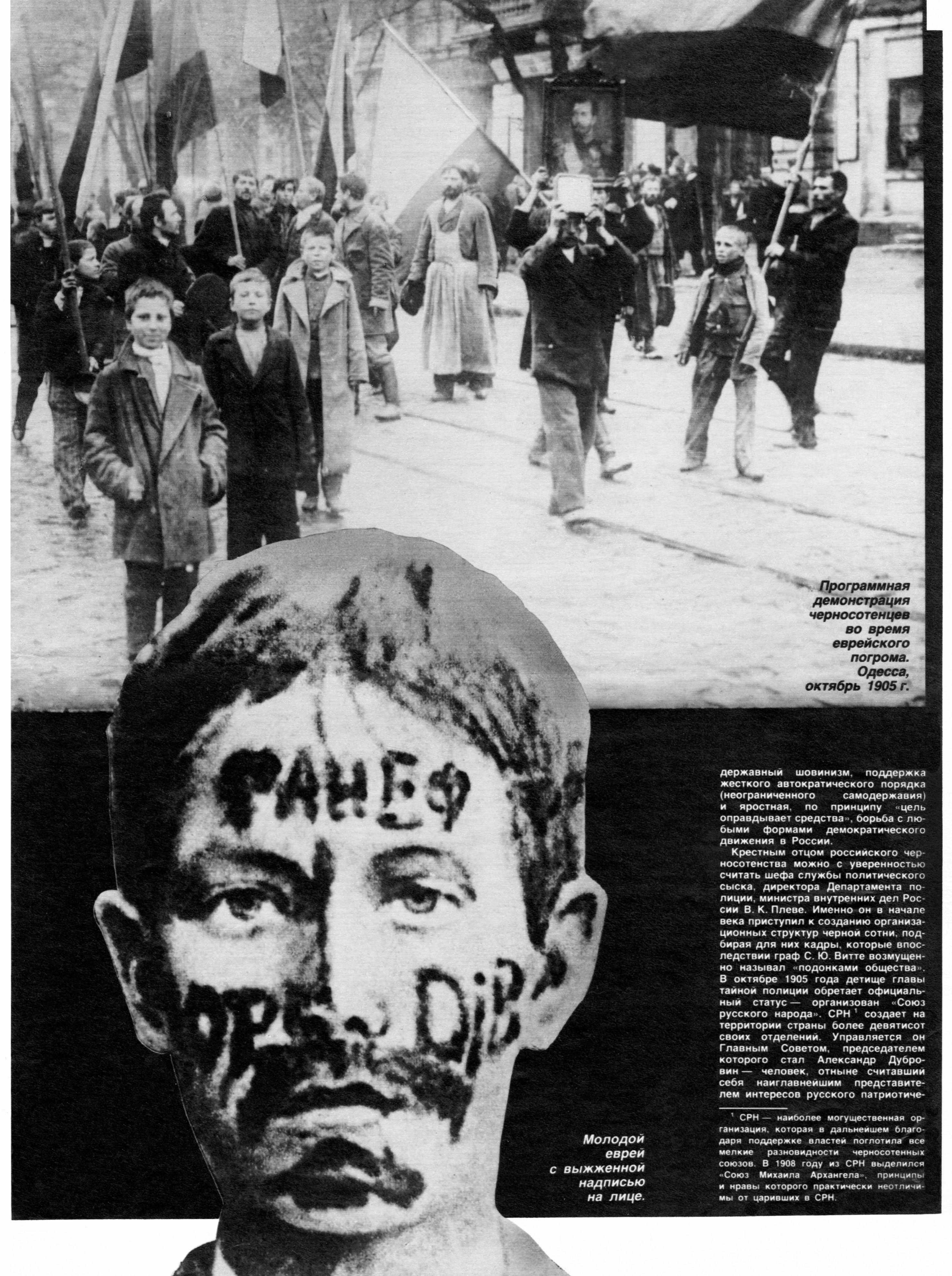
Рэм ПЕТРОВ,
Андрей ЧЕРНЫЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

* * *

Весной 1917 года бывший министр юстиции царской России И. Г. Щегловитов, приглашенный в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по расследованию деятельности царской администрации (не путать с ВЧК), так объяснил причину появления черносотенных организаций в России: «...они могут служить опорой».

Опорой кому или чему? И почему именно они? С классовых позиций ответить на этот вопрос трудно — черная сотня вербовала своих сторонников в самых различных слоях российского общества — от рабочих до аристократии. Объединяла черносотенцев общая программа: велико-

Программная демонстрация черносотенцев во время еврейского погрома. Одесса, октябрь 1905 г.

Молодой еврей с выжженной надписью на лице.

державный шовинизм, поддержка жесткого автократического порядка (неограниченного самодержавия) и яростная, по принципу «цель оправдывает средства», борьба с любыми формами демократического движения в России.

Крестным отцом российского черносотенства можно с уверенностью считать шефа службы политического сыска, директора Департамента полиции, министра внутренних дел России В. К. Плеве. Именно он в начале века приступил к созданию организационных структур черной сотни, подбирая для них кадры, которые впоследствии граф С. Ю. Витте возмущенно называл «подонками общества». В октябре 1905 года детище главы тайной полиции обретает официальный статус — организован «Союз русского народа». СРН [1] создает на территории страны более девятисот своих отделений. Управляется он Главным Советом, председателем которого стал Александр Дубровин — человек, отныне считавший себя наиглавнейшим представителем интересов русского патриотиче-

---

[1] СРН — наиболее могущественная организация, которая в дальнейшем благодаря поддержке властей поглотила все мелкие разновидности черносотенных союзов. В 1908 году из СРН выделился «Союз Михаила Архангела», принципы и нравы которого практически неотличимы от царивших в СРН.

ского движения. Первый пункт устава СРН так определял основную задачу Союза: «Союз Русского Народа постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества — России единой и неделимой».

К 1905 году кризис имперского самодержавия становится очевиден, в обществе нарастает социальное напряжение. Однако необходимость демократических реформ отрицается черносотенцами. Их точка зрения видна из комментариев к разделам уголовной хроники, публикуемых органом СРН — газетой «Русское Знамя»: «Итого, во славу грабительского кадетского, социал-демократического, социал-революционного и анархистского движения, называемого на еврейском жаргоне «освободительным», за один день убито 2, ранено 7, всего 9 человек». По принципу «кто не с нами, тот против нас» в одну кучу валятся все оппоненты — и умеренные либералы, и террористические организации эсеров, хотя в сводке идет речь об обычной уголовщине, лишенной политической окраски.

Заслуживает внимания воззвание Ярославского отдела «Союза русского народа», отпечатанное в 1906 году. «Нестерпимо тяжело стало нам жить. Где покой? Где бывалая радость? Все ходят понурые, унылые, все ждут новых бед и ужасов, и не видно конца им. Кого мы видим и слышим? О чем читаем ежедневно в газетах? Только и есть: беспорядки, забастовки, грабежи, поджоги, убийства, открытое неповиновение властям, возмущения и мятежи; учащиеся не хотят учиться, рабочие — работать; предъявляют свои требования, указывают на свои права и не хотят ничего слышать об обязанностях...»

Что в связи с этим предполагается предпринимать? Естественно, железная рука, неограниченная власть самодержца, укорот инородцам («Россия прежде всего для русских!»). И финал: «Соединимся же, люди русские, все без различия сословий в прочный неразрывный Союз за Веру, Царя и Отечество! Но будем твердо помнить, что наш Союз есть Союз мира и любви».

* * *

К моменту выхода такого рода воззваний демократическая общественность уже сполна смогла оценить «миролюбие» черной сотни. Проба сил созданных Департаментом полиции формирований впервые состоялась в 1902 году в Саратове.

От саратовской охранки Плеве получил сведения следующего содержания: объединенный комитет эсеров и социал-демократов готовит в городе мирную первомайскую демонстрацию. Принимать участие в ней будет в основном интеллигенция, так что оказать серьезного сопротивления демонстранты, видимо, не смогут.

По замыслу полиции, на пути демонстрантов должна была появиться другая демонстрация, состоящая из «русских патриотов». Согласно сценарию, «народ» из этой толпы, оскорбленный в своих лучших чувствах к царю и устоям, должен был потребовать у «оскорбителей святыни» немедленного прекращения демонстрации. В случае невыполнения «требований патриотов» последние силой попытаются прекратить демонстрацию, а полиция затем арестует демократов как зачинщиков драки.

Однако механизм использования сформированного охранкой сброда всех неожиданностей предусмотреть не смог. Набранные впопыхах лабазники, дворники, извозчики, не особо склонные к подчинению полиции и не знавшие иных, кроме мордобоя, способов воздействия, не стали утруждать себя словесными проявлениями верноподданнических чувств, а попросту налетели на демонстрантов с кольями и камнями. Началась свалка. Впоследствии состоялся суд над несколькими участниками демонстрации из демократического лагеря, а побоище было представлено как сопротивление властям при исполнении служебного долга. Суд, однако, закончился с непредвиденным для полиции результатом — вины в действиях подсудимых усмотрено не было. Дело в том, что к тому времени Плеве еще не включил в структуру созданных им отношений между полицией и черной сотней Министерство юстиции. Впрочем, эту оплошность Плеве быстро исправил — он стал лично следить за подбором судей и прокуроров, занятых в подобных процессах.

Более тщательно был организован кишиневский погром 1903 года. Здесь черносотенцы работали уже с начала и до конца под непосредственным контролем и охраной полиции. И все же если в саратовском погроме Плеве недоучел принципиальность суда, то в кишиневском — возможности независимой адвокатуры. Сразу же после погрома в Кишинев прибыл присяжный поверенный Н. Д. Соколов, взявший на себя защиту интересов пострадавших. Он провел самостоятельное расследование, опросил десятки свидетелей и собранный материал обнародовал в суде. Вывод Соколова: прямой виновник десятков убийств и сотен грабежей — министр внутренних дел России. Материалы расследования были вскоре опубликованы в США и Европе. После этого случая черносотенцы получают дополнительную работу: «зарвавшиеся» адвокаты подвергались шантажу и избиениям, а их дома — погромам. В худшем случае адвокатов попросту убивали.

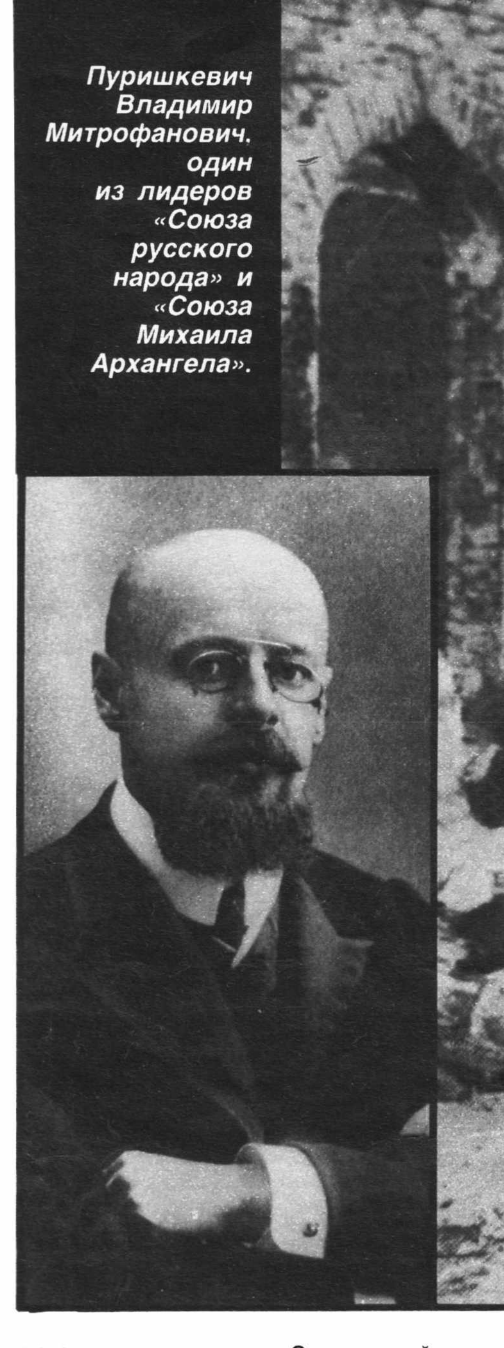
Иногда давала сбои и сама система взаимодействия черносотенцев и полиции. В ходе гомельского погрома в 1903 году полицмейстер Раевский оказался единственным стражем общественного порядка, пытавшимся прекратить погром, о чем он красочно рассказал в суде.

Созданный в 1905 году «Союз русского народа» воспринял заложенные Плеве погромные традиции. Объектом избиений по-прежнему являлись инородцы и демократическая интеллигенция. В 1905 году из типографии петербургского градоначальства вышла, например, прокламация «Союза русского народа» следующего содержания: «Крестьяне, мещане и люди рабочие! Послушайте, что умышляет господчина. В городских думах и земствах сидят господа, а в больших городах адвокаты, профессора, студенты, учителя, прогорелые помещики, одворянившиеся купцы и прочие господа, называющие себя интеллигенцией... Не признавайте ее властью и правительством, разнесите в клочья, помните, что в государстве вы сила, вас сто миллионов, а интеллигенции и пяти не будет. Довольно терпеть эту интеллигентную шваль. Соединимся в кружки, составим списки всем крамольникам и бунтовщикам в городах и селах и будем бить их кому как и чем удобнее, ночью, из-за угла, через окна». «Как только явятся к вам эти христопродавцы, истерзайте вы их и избейте»,— взывала листовка черносотенцев, отпечатанная на этот раз непосредственно в Департаменте полиции. Христопродавцами были все, кто в любой форме высказывал «крамолу».

Практиковался и индивидуальный террор. В 1906 году были совершены два убийства депутатов Государственной думы — члена партии трудовиков Караваева и представителя кадетской партии профессора Герценштейна. В ходе независимого депутатского расследования выяснилось, что на организацию первого убийства председатель СРН Дубровин получил крупную сумму из казенных средств, нашел исполнителей, а начальник отдела екатеринославской охранки подробно проинструктировал убийц и лично прикрывал их во время «операции». Что же касается убийства М. Я. Герценштейна, то в ЦГАОР СССР в личном фонде А. И. Дубровина до сих пор хранится документ следующего содержания: «13 июня 1906 года днем на квартире Дубровина происходило тайное заседание, на котором присутствовали: Аполлон Майков (к поэзии никакого отношения не имел.— *Авт.*), Виктор Соколов, Николай Юскевич-Красковский, Александр Половнев. На этом совещании было решено убить Герценштейна, мысль эту подал Юскевич-Красковский, начальник боевой дружины Союза (СРН.— *Авт.*), а одобрил эту мысль сам Дубровин, прочие же члены единогласно согласились. Тут же на этом совещании Половнев принял на себя исполнить это дело, сотрудников же ему указал Юскевич...»

Патронируемый Департаментом полиции, пользующийся поддержкой самых реакционных кругов царского правительства, «Союз русского народа» с 1905 года и до Февральской революции находился в условиях наибольшего благоприятствования. В архивах Министерства юстиции России сохранились любопытные материалы — ежегодные журналы, где тщательно фиксировались все издания, когда-либо привлекавшиеся к дознанию за опубликование противоправительственных статей. С 1905 года и по февраль 1917-го, то есть вплоть до роспуска СРН, в них ни разу не упоминались издания черносотенцев. СРН свободно устраивал лекции, молебны и манифестации, оканчивающиеся, как правило, призывами к погромам и убийствам, причем помещения для его съездов и собраний, площади для митингов находились всегда: власти отказывали обществам инвалидов, ученых, врачей, но «Союзу русского народа» — никогда. Все участники киевского погрома 1905 года были помилованы царским указом. (Примечательный штрих: по какой-то канцелярской ошибке в список помилованных не была внесена фамилия одного из погромщиков — некоего Андрея Щеголенко. Ради него было составлено дополнительное ходатайство, в котором есть такие строчки: «Андрей Щеголенко — человек, безусловно, честный, судившийся только по делу о еврейском погроме в г. Киеве».)

Задача черносотенцев состояла не только в организации репрессивных акций. Пункт пятый Устава СРН гласил, что «о всех случаях притеснения союзников, кем бы то ни было, а также об оскорблениях Веры Православной, Царя Самодержавного, или Русской Народности, а равно о грозящей им опасности, следует сообщать Совету». Доносительство в среде черной сотни считалось безусловной гражданской добродетелью. Доносить, как следует из Устава, можно было на кого угодно, и нередко бдительные «патриоты» сообщали о том, что даже П. А. Столыпин был замечен в порочащих связях. Вот некоторые образцы стилистики и интеллектуального уровня доносчиков. Сообщение из Тулы: «Возле врача Гиндина группируются революционеры, власти, дворяне, политики и прочая революционная сволочь...» (очень трогает зачисление в разряд «революционной сволочи» дворян и властей). Вот донос в жанре абсурда: «Считаю нужным сообщить, что я узнал из достоверных источников, что наш Сахалинский граф С. Ю. Витте страдает прогрессивным параличом мозга. Думаю, что мое сообщение Вам нелишне».

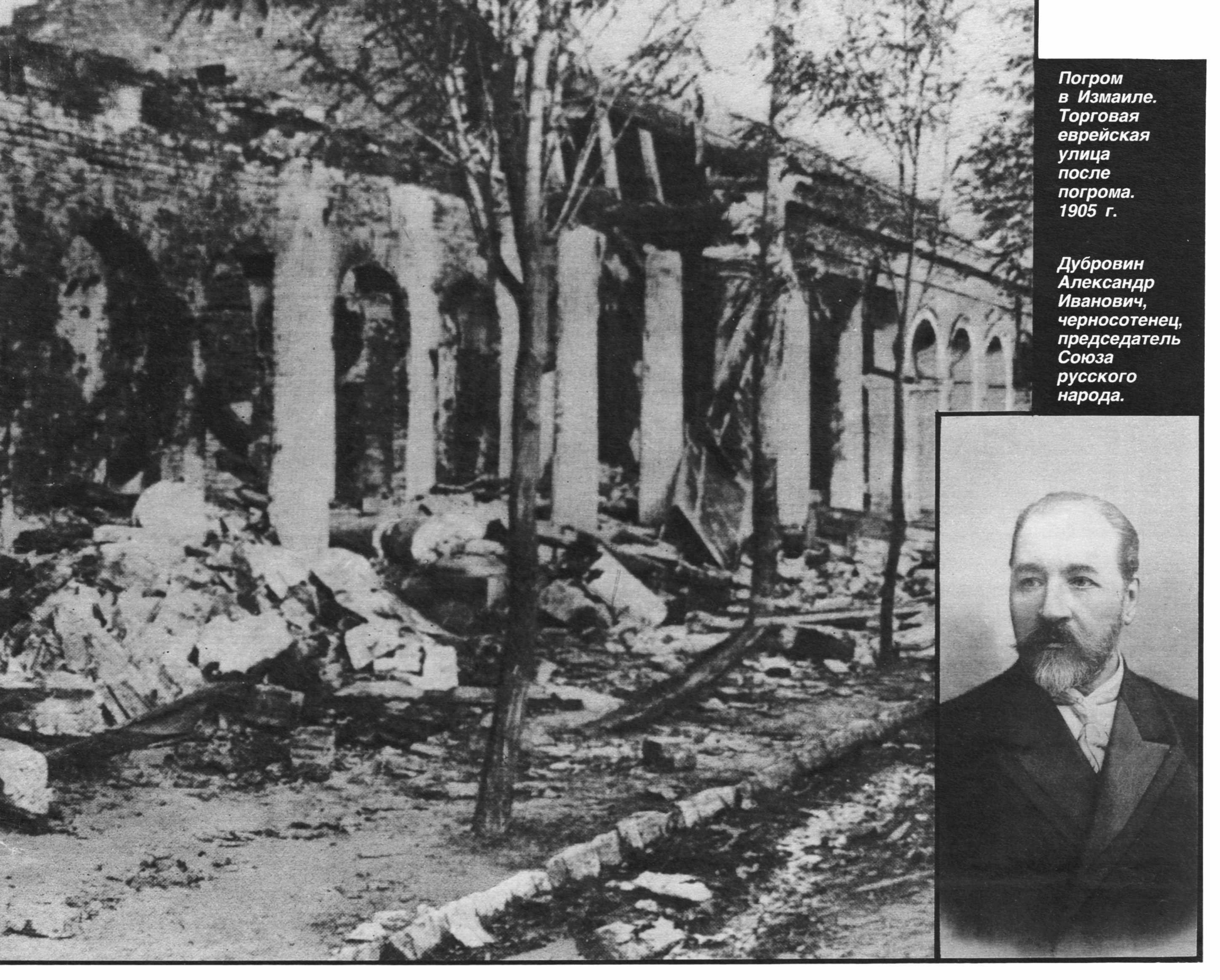

Пуришкевич Владимир Митрофанович, один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела».

* * *

Естественно, погромная деятельность лидерами СРН отрицалась. Погромы представлялись как святая месть русского народа за происки инородцев, а ответственность за убийства возлагалась на сионистские или крайне левые группировки, причем прекрасную услугу черносотенной пропаганде оказывали террористические акты и «экспроприации», организуемые эсерами и большевиками. Официальная же идейная платформа черносотенцев находила отражение на страницах их газет, в первую очередь все того же «Русского Знамени», редактором которого был сам А. И. Дубровин.

Истоком всех российских бед, по мнению СРН, была деятельность Петра Первого, завезенная им иностранная зараза: «Через прорубленное окно в Европу повеял с Запада сквозной ветер старейшего европейского отрицания, язычества и рассудочности... нет или не должно быть народности, единокровцев и единоверцев, своеплеменности...— а есть космополитизм (безнародность), и миллионы листков и тысячеустная пропаганда европействующих и еврействующих темнят и туманят русское народное сознание... Кругом

Погром в Измаиле. Торговая еврейская улица после погрома. 1905 г.

Дубровин Александр Иванович, черносотенец, председатель Союза русского народа.

ныне не все в твоем доме стали тебе братьями, сыновьями, отцами и дедами: тебя надувает иновер, давит инородец, обижает иностранец. Настало время защищаться у себя дома. Настало время отличать своих от чужих у себя же дома...» Иначе говоря — покончить с «паутиной, в которой задыхаются, выбиваясь из сил, монархи и народы, империи, республики — жизненные соки коих высасывают безжалостные и жадные пауки: жидомасоны».

Тревогу черносотенцев вызывало развитие промышленности и торговли, становление широких рыночных отношений: «Ежедневник «За Царя и Родину» ярко рисует, что можно ожидать от лжерусской «буржуазии»... Буржуазия, которой у нас прежде не замечалось, теперь народилась и угрожает государственной власти, трудовому мелкому, честному мещанскому сословию и крестьянству. Конечно, этим пользуются масоны и евреи, дабы канализировать для своих целей русскую буржуазию — буржуазию самую, быть может, наглую и низкую из всех буржуазий... Наша доморощенная буржуазия... не национальна, и родилась-то она у нас с испорченной сердцевиною. Русская буржуазия, не имея свежести самобытной, заразилась гнилью Запада... Наша буржуазия всегда останется такою же чуждою народу, какою является она и в настоящее время» («Русское Знамя», 1907 г.).

Суть политических деклараций черносотенцев лучше всего выражена в секретном письме на имя Николая II от председателя одесского отделения СРН: «...Светлое будущее России не в грязи европейского парламентаризма, а в русском самодержавии, опирающемся на народные массы и на совет выборных деловых людей, а не интриганов. Одновременно с закрытием союзов, роспуском Думы и обузданием печати необходимо приступить к исправлению новых основных законов», дабы Россия сбросила бы «величайшего хама в образе Государственной Думы и левой печати».

Характер политической аргументации черносотенцев, так же как и их историко-теоретических изысканий, вполне соответствовал общему культурному уровню представителей СРН. Это, естественно, определяло и нравы, царившие в «Союзе русского народа». Вот свидетельство чем-то обиженного члена Совета армавирского отдела: «А собрания этого отдела, на что они были похожи? Начинались чин чином, с молитвы; председатель садился за стол, покрытый зеленым сукном. Потом страсти разгорались, стояла трехэтажная русская брань, и нередко заседания кончались свалкой». Товарищ председателя кишиневского отдела СРН Ф. Воловей одно время метил на место председателя П. Крушевана, и так позднее характеризовал предвыборные события: «Собрал я в середине апреля общее собрание, а в эту же ночь ворвались ко мне два крушевановских молодца и один... приставив револьвер к лицу, зарычал — «откажись от председательства, или убью».

Архивы сохранили плоды поэтических усилий председателя «Союза русского народа» Дубровина. Вот отрывок из написанной им молитвы Св. Георгию:

«Мы молим тебя на коленях,
рыдая:
Явись, благодатный герой
с небеси,
Подай свою помощь Царю Николаю
И с ним усмири «всяк язык»
на Руси».

Интеллект был не в чести у «патриотов», и это неудивительно — главная ставка всегда делалась на примитивное разжигание межнациональной розни. СРН был активен только в районах с многонациональным составом населения. В губерниях Центрального Черноземья лишь менее одной десятой процента населения входили в структуры СРН — там не было инородцев и, следовательно, объекта для травли. Нечего было делать черносотенцам в Финляндии, Средней Азии, Прибалтике и Закавказье — там шовинистическая великорусская пропаганда была заведомо обречена на неуспех. Наиболее активно действовал СРН в регионах со смешанным населением — на Украине, в Белоруссии, а в 15 губерниях «черты еврейской оседлости» было сосредоточено более половины всех членов СРН. Тут в ход шли речения такого типа: «...Русский народ, развесив уши, слушает еврейских ораторов и раскрывает им широко свои объятия. Русская интеллигенция, ставящая себя руководителем народа русского, в особенности молодежь учащаяся, которая не имеет ничего общего с горьким фабричным тружеником и деревенским пахарем, но подпавшая под еврейское воздействие, вовлекли и молодежь из народа в среду смутьян-анархистов...»

* * *

Февральская революция поставила точку в истории «Союза русского народа». Роспуск СРН прошел безболезненно — попросту было прекращено «спонсорство» Министерства внутренних дел и оказались смещенными с должностей его покровители. Осколки СРН в виде групп фанатиков и уголовных банд к серьезной политике отношения уже не имели. Либерализм в блоке с социал-демократией одержал убедительную победу над альянсом реакционных монархистов и черносотенцев. Однако этот блок, считавший необходимой борьбу с идеологией национальной розни, был вскоре сметен апологетами розни классовой; но это уже другая история...

Почти сорок лет советско-японские отношения омрачаются претензиями Японии на острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, находящиеся с 1945 года под советским контролем. В свое время лично Л. И. Брежнев квалифицировал эти претензии как «необоснованные и незаконные», а советская дипломатия заняла позицию категорического отказа от их обсуждения. В последние годы такое обсуждение все же началось. По вопросу о японских претензиях уже успели высказаться Ю. Афанасьев, Б. Ельцин, В. Ландсбергис, Г. Каспаров и даже собственный корреспондент «Литературной России»... Насколько можно судить, мнения разделились очень резко. Одни (Б. Ельцин и в какой-то мере Ю. Афанасьев) пытаются нащупать пути решения назревшей проблемы, понимая, что от поисков компромиссов не уйти. Другие (В. Ландсбергис) просто солидаризуются с японской позицией. Третьи (Г. Каспаров) полушутя предлагают не мудрствуя лукаво продать острова за хорошие деньги. Наконец, четвертые («Лит. Россия» и К°) призывают защищать родные земли от врагов внешних и внутренних, одобрительно цитируя при этом «бородатого шофера Андрея», грозящего уйти с автоматом в горы, буде совершится акт предательской капитуляции перед требованиями супостата. Ясно, впрочем, одно: пока в основном говорят неспециалисты. А специалисты большей частью хранят молчание. С вопроса о причинах их самоустранения от обсуждения темы, получившей столь широкий общественный резонанс, мы и начали беседу с народным депутатом РСФСР, доктором исторических наук, профессором В. Лукиным, заведующим отделом политических проблем Японии ИМЭМО АН СССР, кандидатом исторических наук Г. Кунадзе, заведующим Центром японских исследований ИВ АН СССР К. Саркисовым, научным сотрудником Дипломатической Академии И. Тышецким.

«НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ» ВОПРОС

— Долгие годы у нас официально заявлялось, что «территориального вопроса» в советско-японских отношениях попросту не существует. Это действительно так?

В. Лукин: — В Японии этот вопрос зачастую искусственно раздувается. У нас так же искусственно «задувается». Проблема есть. Но это не проблема жизни и смерти для Японии. Япония с островами жила неважно, без островов живет прекрасно. Мы же везде заявляли, что проблемы нет. Когда же говорили о ней, делали вид, что у нас на востоке вся оборона рухнет, если начнем поиски компромисса. Это не государственная позиция на перспективу. Это капитуляция перед собственными «особыми интересами».

К. Саркисов: — Проблема существует, и это необходимо честно признать. Она существует уже потому, что ее ставит японская сторона. За «возвращение северных территорий» неоднократно голосовал единогласно японский парламент. В этом вопросе едины все политические партии страны. Коммунисты и социалисты выступают при этом со значительно более обширными требованиями. Что это? Можно ли это квалифицировать так, как мы всегда делали для собственного удобства,— как злонамеренные действия определенных сил? Убежден, что нет.

Г. Кунадзе: — Сегодня японцам уже нет необходимости как-то искусственно раздувать свои требования. Ни один политический деятель Японии, какую бы партию он ни представлял, уже не сможет отказаться от них, не рискуя при этом быстрой и неотвратимой дискредитацией. Такова реальность. И мы, видимо, должны исходить из нее без всяких скидок на то, какими путями удалось превратить территориальные требования в объект общественного интереса. В конце концов общественное мнение нигде и никогда не возникает само по себе. Оно всегда целенаправленно формируется. И когда оно сложилось, а с островами дело обстоит именно так, игнорировать его уже невозможно.

— Как быть в такой ситуации с нашим общественным мнением?

И. Тышецкий: — Общественное мнение — довольно сложный феномен, и нельзя подходить к нему с одинаковыми мерками. Одно дело — общественное мнение в демократическом обществе, и совсем другое — в тоталитарном. Организовать «мнение» в обществе, где не развиты демократические институты, — задача не такая уж и сложная. А вот демократия предполагает право каждого человека узнать, скажем, мнение Ю. Афанасьева по «территориальному вопросу» от самого Ю. Афанасьева, а не от собственного корреспондента «Правды» в Японии. Тогда практически исчезнет возможность не то что ошельмовать, но даже недобросовестно изложить иной взгляд на вещи.

К. С.: — Наше общественное мнение, многие годы загонявшееся в жесткие рамки официальной позиции да и попросту игнорируемое, теперь проснулось от спячки и дрейфует в сторону ура-патриотизма: «Не отдадим ни пяди земли!» В то же время слышны порой дилетантские призывы «не мелочиться» и удовлетворить все требования Японии. Я противник обеих крайностей. Общественное мнение нужно готовить к тому, что единственно правильным путем является политический диалог, который мог бы привести к взаимоприемлемому компромиссу.

Г. К.: — Хочется напомнить о докладе В. И. Ленина о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 года. Касаясь только что заключенного мира с Эстонией, В. И. Ленин сказал: «...мы сделали ряд территориальных уступок... когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений... не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать». Согласитесь, в ленинских словах совсем другой, я бы сказал, стратегический подход к идее уступок. Но что толку ссылаться на Ленина. Вполне очевидно, что сегодня значительная часть нашего общественного мнения не приемлет идею уступок.

Но, быть может, нам стоит посмотреть на вещи по-иному. Не в контексте уступок, а строго в категориях международного права. Не что **можем**, а что **должны** сделать как субъект этого права, как государство, отвечающее за свои, в том числе и прошлые, международные обязательства. Ведь мы хотим построить не только демократическое, но и правовое государство. Здесь важно не допускать подтасовки фактов, подмены правовых понятий эмоциями, как сделал, например, В. Сухнев в своих недавних очерках в «Литературной России». Нужно честно излагать людям реальные факты, а не просто их интерпретацию.

— Тогда прежде всего обозначим сам вопрос. Если кратко, то в чем суть советско-японских территориальных разногласий?

Г. К.: — Японское правительство претендует на острова Кунашир и Итуруп из Большой Курильской гряды и на острова Хабомаи и Шикотан, относящиеся к Малой Курильской гряде. Японская сторона утверждает, что имеет неоспоримые права на все эти земли и что никакие соглашения военного и послевоенного времени эти ее права не ликвидировали, а в чем-то даже подтвердили.

Позиция СССР, естественно, прямо противоположна.

— Давайте начнем с истории. У нас прочно укоренилось мнение, что острова, на которые Япония предъявляет претензии, являются исконно русской территорией.

И. Т.: — Между прочим, в сознании большинства японцев столь же основательно укоренилось прямо противоположное мнение.

На деле коренными жителями островов были племена айнов. Их судьба трагична. Колонизация Курил сначала Россией, а затем Японией привела к полному исчезновению на них айнского этноса. Другое дело, когда мы говорим об открытии Курильских островов для всего мира и о начале их хозяйственного освоения. Здесь безусловен, на мой взгляд, приоритет России. Со времени первого плавания И. Козыревского к северной группе Курильских островов в 1711 году российские купцы и землепроходцы настойчиво, шаг за шагом продвигались на юг архипелага, пока наконец в 1739 году одна из экспедиций М. Шпанберга не обследовала и не картографировала (впервые) самые южные острова, включая современные Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Правда, к тому времени некоторые из них, в частности о. Кунашир, были известны японцам из княжества Мацумаэ (современный о. Хоккайдо), но никаких попыток обследования, не говоря уже об освоении Курильских островов, японцы вплоть до конца XVIII века не предпринимали. Да этого и не могло быть, поскольку в те времена правительство феодальной Японии, которому подчинялись князья Мацумаэ, строго соблюдало политику самоизоляции страны от внешнего мира. Царское же правительство, напротив, всячески поощряло открытие и освоение своими подданными новых земель на востоке.

Г. К.: — Неопровержимо доказать так называемое право первоосвоения крайне сложно, ибо ни японцы, ни мы так и не смогли их толком освоить. Непросто доказать, и кто оказался на островах первым. У нас есть свои аргументы, а у японцев — свои. Изначально ни русские, ни японцы на островах не осели, а эпизодические экспедиции могли просто разминуться друг с другом. Короче говоря, спор об историческом первенстве как инструмент политики, с моей точки зрения, беспредметен.

— И все-таки, можно ли исходить из того, что исторических прав у нашей страны больше?

В. Л.: — Исходить можно из чего угодно. Да и доказать можно все. Но из этого ровно ничего не следует. Вполне возможно, что Америку открыл не Колумб, а Эрик Рыжий. Ну и что?

К. С.: — Тезис о нашем историческом приоритете, мягко говоря, спорный. Особенно если в полной, а не в урезанной форме учитывать японскую аргументацию и документы, которыми располагают японцы. Но главное не в этом. Историческая аргументация, на мой взгляд, не имеет существенного правового значения. Исторический аспект формирует только морально-психологическую сторону проблемы. Если по принципу первооткрытия перекроить сейчас всю карту мира, то будет похуже, чем после известных вавилонских событий. Поэтому меня лично удивляет, с какой энергией обе стороны на переговорах по заключению мирного договора стремятся найти аргументы исторического порядка в свою пользу. Это — бесполезное занятие.

— Как решался вопрос территориального размежевания между Японией и царской Россией?

И. Т.: — Решался он в общем контексте становления и развития двусторонних отношений. И надо отметить, что процесс этот оказался длительным и протекал с большими трудностями. Многочисленные попытки России установить официальные контакты и завязать торговлю с Японией наталкивались на нежелание и противодействие со стороны последней. Лишь в 1855 году адмиралу Е. Путятину вслед за американцами и англичанами удалось пробить брешь в политике самоизоляции Японии и заключить в городе Симода первый русско-японский договор, по которому граница на Курилах проводилась между о. Уруп и о. Итуруп, а о. Сахалин объявлялся неразделенным. К тому времени Япония уже начала осваивать южную часть Курильского архипелага, тогда как русские поселенцы практически не заходили дальше о. Уруп. Поэтому Симодский трактат в целом реально отразил сложившуюся к середине XIX века ситуацию на островах и основанные на ней территориальные притязания сторон. Сегодня

Япония требует фактически восстановить на Курилах границу 1855 года.

В дальнейшем граница изменялась следующим образом. По договору 1875 года Россия согласилась передать Японии все Курильские острова в обмен на отказ последней от каких-либо претензий на о. Сахалин. В результате Портсмутского мирного договора, который подвел итог русско-японской войне 1904—1905 годов, Россия была вынуждена уступить Японии Южный Сахалин. Таким образом, к 1917 году все Курильские острова и Южный Сахалин оказались под суверенитетом Японии.

Г. К.: — В своих уже упоминавшихся очерках в «Литературной России» В. Сухнев, как он говорит, «кается», что не стал вникать в хитросплетения договоров прошлого. Считаю такое покаяние неубедительным. Элементарная добросовестность должна была бы побудить журналиста разобраться в предмете, тем более что для этого не пришлось бы никуда ехать. Достаточно было бы просто позвонить хотя бы в наш институт. Да и хитросплетений, как видите, никаких особых нет.

— Как развивались отношения между Советским Союзом и Японией в период до второй мировой войны?

И. Т.: — Развивались очень плохо. Обе стороны предпочитали рассматривать друг друга через окуляры военных биноклей. К далеко не идиллическому багажу отношений России и Японии добавился новый огромный потенциал взаимного недоверия. У нас в стране не забыты ни японская интервенция в годы гражданской войны, ни провокации на КВЖД, ни вооруженные конфликты у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Все это было.

Но было, а отчасти сохранилось еще и другое. Мы как-то привыкли считать, что все преступления сталинского руководства относятся к сфере внутренней политики, тогда как во внешней СССР все довоенные годы лишь неустанно боролся за мир. Эта мысль нуждается по крайней мере в уточнении. Советская внешняя политика менялась на протяжении 30-х годов по мере укрепления Сталиным своих позиций внутри страны. Переломным моментом стал 1939 год, когда произошло смещение М. Литвинова и назначение В. Молотова на пост наркома иностранных дел. «Дружба» с Гитлером, позорный пакт Молотова — Риббентропа, агрессивная финская война — вот тот внешнеполитический багаж, который приобрел Сталин накануне нападения Германии на СССР. Тогда же он делал попытки «завязать дружбу» и с милитаристской Японией.

Впрочем, это не мешало Сталину думать одновременно и о расширении советских границ на востоке. Любопытный эпизод, относящийся к середине 30-х годов, рассказал К. Симонову адмирал И. Исаков. Во время одного из приемов в Кремле Сталин абсолютно серьезно уверял Исакова, что Южный Сахалин, находившийся в те годы под суверенитетом Японии, в скором будущем снова станет советским. Конечно, с точки зрения восстановления исторической справедливости эту мысль можно было только поддержать. Неясно другое. Каким образом Сталин собирался возвратить Южный Сахалин в середине 30-х годов? Ведь сделать это можно было только силой. И не тогда ли Сталин впервые задумался о будущем Курил? Кстати, подходил он к этому вопросу сугубо прагматично, без особых эмоций по поводу возвращения «исконно русских территорий». В обращении к советскому народу по случаю победы над Японией 2 сентября 1945 года Сталин сказал, что Курильские острова отныне будут служить «средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Все это я говорил не для того, чтобы оспорить правомерность нашего суверенитета над Южным Сахалином и Курилами, а для иллюстрации подхода к этим вопросам сталинского руководства, его имперского стиля мышления. Вопрос решался исключительно с позиции силы. К сожалению, великодержавный подход к Японии глубоко укоренился в массовом сознании у нас в стране и не изжит еще полностью даже в официальных сферах.

— Как известно, 2 сентября 1945 года Япония подписала Акт о полной и безоговорочной капитуляции. Тем самым она приняла все условия, согласованные между союзниками в годы войны, включая ялтинскую договоренность, в соответствии с которой Курильские острова должны были отойти к Советскому Союзу. Как же возник тогда «территориальный вопрос» в послевоенное время?

— Это не совсем так. В момент подписания капитуляции японское правительство не знало и не могло знать об ялтинских договоренностях, носивших, как известно, секретный характер. Именно на этом основании японская сторона возражает против наших традиционных ссылок на соглашения, достигнутые в Крыму. Здесь мы сталкиваемся с непростой политической и правовой проблемой. Нетрудно понять, что переговоры союзников в Ялте велись во время войны и не могли не быть секретными. Это политическая сторона проблемы. Но вот с правовой точки зрения итоги переговоров, конечно, нуждались в договоренном закреплении с обязательным участием Японии.

И. Т.: — В том-то и дело, что безоговорочно Япония капитулировала в военном плане, а в политическом — на условиях Потсдамской декларации. В Акте о капитуляции представители Японии подписались под тем, что они принимают условия Потсдамской декларации и обязуются их «честно выполнять». Потсдамская же декларация никак не решала вопрос о послевоенном статусе Курильских островов. Этот вопрос рассматривался союзниками в Ялте. И здесь возникает один из самых сложных вопросов: как оценивать Ялтинское соглашение о вступлении СССР в войну против Японии? Ни в одном из подписанных ею документов Япония ни прямо, ни косвенно не признавала условия Ялтинского соглашения. Вокруг того, чтобы доказать обязательность для Японии положений Ялтинского соглашения, уже сломано немало копий. И, как мне представляется, напрасно. Ибо даже если Япония признает его, это мало что изменит, поскольку в Ялтинском соглашении не содержится точного определения понятия «Курильские острова». А одним из основных аргументов официальной японской позиции как раз и является то, что, решая вопрос о послевоенной судьбе Курильских островов, союзники не имели в виду Южные Курилы.

— Кроме Ялтинского соглашения, не признаваемого Японией, существует еще и Сан-Францисский мирный договор, под которым, правда, нет подписи Советского Союза, зато стоит подпись Японии.

В. Л.: — Да, Сталин здесь дал маху. Но дело, думаю, не в подписях, а в стремлении Японии самоутвердиться, показать, что она великая держава.

К. С.: — В этом-то вся и штука. По Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от всех прав и претензий на Курильские острова. И отказ этот носит абсолютный характер, есть под ним подпись Советского Союза или нет. Ясно, что Курильские острова Японии не принадлежат. Следовательно, чтобы на законных основаниях претендовать на Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи, японцам как минимум необходимо доказать, что эти острова не являются Курилами. Сделать это трудно. По крайней мере в отношении Кунашира и Итурупа. В этом, пожалуй, и сила нашей позиции с юридической точки зрения.

Г. К.: — Отказ СССР от подписания Сан-Францисского договора и впрямь явился одной из грубых ошибок сталинской дипломатии. Бесполезно гадать, как развивались бы события, присоединись мы к мирному договору, но думаю, что в этом случае вопрос о Курилах был бы отражен в нем четко и недвусмысленно. Для этого требовалось всего лишь перечислить в тексте договора все острова, от которых отказывалась Япония, и указать, к какой стране они отходят.

На деле же договор зафиксировал отказ Японии от Курил лишь в самой общей и, так сказать, безличной форме. Причем в выступлении главы японской делегации в Сан-Франциско С. Иосида было подчеркнуто, что в интерпретации Японии острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан не входят в понятие Курилы. Конференция это заявление никак не квалифицировала, то есть не опровергла, но и не поддержала. Достаточное ли это основание для юридически правомерной постановки Японией вопроса о принадлежности указанных островов, я лично судить не берусь. Здесь нужен скрупулезный правовой анализ. Пока же ситуация представляется мне не совсем ясной.

— Когда начались переговоры о нормализации послевоенных отношений между СССР и Японией и как тогда был решен «территориальный вопрос»?

Г. К.: — Эти переговоры начались в 1955 году в Лондоне, а завершились осенью 1956 года в Москве подписанием Совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений. Сразу же возникает вопрос, почему одновременно с этим не был подписан мирный договор. Причина в том, что стороны не смогли договориться именно о судьбе островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. В таких условиях удалось подписать только упомянутую Совместную декларацию, которая и сегодня является главным документом, определяющим статус советско-японских отношений.

Начальная позиция Японии на переговорах 50-х годов состояла в том, чтобы добиться «возвращения» всех Курильских островов и южной части Сахалина. Это была, безусловно, грубая ошибка японской дипломатии, породившая у советской стороны и сегодня еще не изжитое до конца подозрение, что, удовлетворив свои нынешние

требования, Япония выдвинет новые.

Что же касается Совместной декларации, то она, как известно, включала и обязательство СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан сразу после заключения мирного договора. Больше того, накануне подписания уже согласованной декларации состоялся обмен письмами между А. А. Громыко и японским представителем С. Мацумото, в котором подтверждалась готовность СССР в дальнейшем обсудить с Японией территориальный вопрос. Японцы и сегодня понимают это так, что, коль скоро судьба Хабомаи и Шикотана была определена, обсуждение территориального вопроса предполагало и предполагает разговор именно о принадлежности Кунашира и Итурупа. Так, видимо, и было. Но дело в том, что японцы допустили здесь еще одну ошибку, подписав Совместную декларацию, в которой упомянутый обмен письмами никак отражен не был. С правовой точки зрения это, по-видимому, означает, что договоренность Громыко — Мацумото потеряла юридическую силу, сохранив лишь характер морального обязательства.

— Однако вскоре Советское правительство пересмотрело решение 1956 года о передаче островов Хабомаи и Шикотан Японии. Какие имелись для этого основания?

И. Т.: — Формальным основанием для этого послужило заключение в 1960 году нового японо-американского договора безопасности. Здесь, однако, надо иметь в виду следующее. Во-первых, договор безопасности был впервые заключен еще в 1951 году, а в 1960 году был подписан просто в иной редакции. Во-вторых, этот договор не противоречил букве советско-японской декларации 1956 года, допускавшей, что «каждое из государств имеет право на индивидуальную или коллективную самооборону». И, наконец, самое главное: декларация 1956 года, где шла речь о передаче островов Хабомаи и Шикотан Японии после подписания мирного договора, была ратифицирована высшими законодательными органами обеих стран, то есть и нашим Верховным Советом тоже. А отказ от выполнения этого пункта декларации содержался в Заявлении Советского правительства от 30 июня 1960 года.

Сегодня, когда мы взялись за построение правового государства, актуален такой вопрос: может ли исполнительная власть брать назад или приостанавливать обязательства, данные от имени высшего законодательного органа страны? И от принципиального ответа на него зависит, насколько серьезны наши намерения.

К. С.: — Но, кстати сказать, нашу позицию это не ослабляет. Ведь японцы все равно не соглашаются на компромисс по формуле 56-го года. Они предпочитают даже не упоминать об этом, казалось бы, для них выгодном документе.

Г. К.: — С моей точки зрения, правовых оснований для пересмотра Совместной декларации не было. Ведь Совместная декларация — это двусторонний документ. В одностороннем порядке он пересмотрен быть не может. Ссылки же на то, что соблюдение договоренности о передаче островов Хабомаи и Шикотан стало невозможным по причине подписания Японией договора безопасности с США, представляются мне неубедительными. Попытка заставить Японию отказаться от подписания указанного договора, угрожая ей аннулированием наших обязательств, выглядела тогда и выглядит сейчас как вмешательство в ее дела. Думаю поэтому, что в интересах восстановления справедливости и укрепления доверия между нашими странами нам следовало бы недвусмысленно дезавуировать заявления Советского правительства, сделанные в 1960 году.

— Рассматривался ли «территориальный вопрос» в 60—70-е годы?

К. С.: — Да, и неоднократно. Делалось это в рамках дипломатических контактов. Апогеем были переговоры между Л. И. Брежневым и премьер-министром К. Танакой в 1973 году. Тогда в текст совместного коммюнике была включена фраза о «нерешенных со второй мировой войны проблемах». Японцы часто говорят о том, что во время самих переговоров на вопрос, имеется ли в виду под «нерешенными проблемами» территориальная, Брежнев произнес что-то утвердительное. Но в текст официального документа это не попало.

— Ставится ли «территориальный вопрос» на советско-японских переговорах сегодня?

В. Л.: — Ставится. Идут периодические встречи «рабочих групп» дипломатов. Там каждая сторона рассказывает другой, когда первый соотечественник ступил на острова. Документов много, так что поговорить есть о чем.

— Мы говорили об истории вопроса, его правовой стороне. А каковы политические последствия послевоенной неурегулированности советско-японских отношений? Что теряют Советский Союз и Япония от отсутствия между ними мирного договора, и можно ли вообще обойтись без него?

И. Т.: — В принципе, конечно, можно. Ведь обходились же мы без него до сих пор. Но важен не мирный договор сам по себе, а хорошие добрососедские отношения. Вот почему я не считаю такой уж большой ошибкой советской дипломатии факт неподписания Сан-Францисского мирного договора. Вряд ли сегодня наши отношения с Японией были бы намного лучше, подпиши мы его в то время. Ведь японцы уже тогда выдвигали свои территориальные претензии. Поэтому разногласия все равно сохранились бы, хотя, может быть, и в более скрытой форме. На мой взгляд, прочным может считаться лишь такой мирный договор, который строится на определенном компромиссе. Мир, продиктованный с позиции силы, всегда потенциально взрывоопасен. Поэтому я бы предпочел говорить не столько о мирном договоре, сколько о восстановлении взаимного доверия. Хотя, когда в фундаменте такого доверия лежит еще и правовой акт, это совсем здорово.

К. С.: — Точка зрения, что можно обойтись без мирного договора, была довольно популярной в прошлом. Мы были великой державой, великодержавность проявлялась и в дипломатии. А что японцы? Смотреть свысока на них перестали совсем недавно. Ситуация изменилась. Экономический потенциал Японии количественно почти в два раза больше нашего, а о качественных параметрах и говорить нечего. То, что когда-то считалось нашей силой — масштабы, ресурсы, экономическая структура,— теперь наша слабость. Япония — мировой лидер нового типа, мы — старый лидер, перестраивающийся на ходу.

— Возможно ли качественное улучшение и полноценное развитие советско-японских отношений без урегулирования территориальных разногласий?

К. С.: — Урегулирование территориальной проблемы само по себе не может привести к качественным сдвигам в двусторонних отношениях. Экономический интерес Японии к нам по-прежнему остается весьма скромным. Так будет до тех пор, пока мы радикально не перестроим нашу экономическую стратегию и не поставим все с головы на ноги. Япония останется союзником Запада, и японо-американский военно-политический союз не рухнет. И конфронтация в наших отношениях сохранится до тех пор, пока наша политика будет производной от идеологических постулатов, а не национальных интересов. Но что же изменится тогда? Изменится политический климат, исчезнет подвешенность и соответственно уязвимость наших отношений, их зависимость от политической конъюнктуры. Возрастет потенциал взаимного доверия, который сегодня на отметке, близкой к нулю. Стоит ли ради этого городить огород с территориями, с вопросом, который столь непопулярен у нас? Стоит! Я противник увязывания этой проблемы с другими как в японской, так и в советской версии. Вопрос «А что мы будем иметь с этого?» звучит по меньшей мере торгашески. Я против коммерческого подхода. Урегулировать проблему на основе взаимоприемлемого компромисса и сохранить при этом лицо, не потерять политически, выиграв в плане нашей безопасности,— это уже достаточно много. Иметь мирный договор с соседом, да еще таким, как Япония, с безопасными границами — что еще может быть важнее?

— Насколько известно, у Японии есть территориальные разногласия не только с нашей страной, но и с другими соседями — Южной Кореей и Китаем. Однако в этих случаях имеющиеся разногласия не мешают нормальному развитию двусторонних связей.

Г. К.: — Сходство здесь только кажущееся. В японо-китайских отношениях претендентом на территории — острова Сэнкаку (Дяоюйдао) — является Китай, а владеет ими Япония. Здесь вообще нет аналогии с советско-японскими отношениями. Спор между Японией и Корейской Республикой о правах на острова Докто (Такэсима) внешне похож на советско-японский. Здесь именно Япония выступает в роли претендента. Действует она очень пассивно. Причин, на мой взгляд, две. Во-первых, японцы — правительство и общественное мнение — сполна чувствуют свою вину за действия Японии в годы ее колониального владычества в Корее. Во-вторых, между Японией и Корейской Республикой заключен договор, который официально уже подвел черту под их прошлым.

— Часто высказывается мысль, что любой компромисс с Японией по территориальному вопросу невозможен, поскольку любые уступки с нашей стороны неизбежно повлекут за собой еще большие территориальные притязания японцев.

В. Л.: — Это несерьезно. Мирный договор должен в этом плане быть сформулирован четко и недвусмысленно.

— Кто же выигрывает от консервации «территориального вопроса» в отношениях между СССР и Японией?

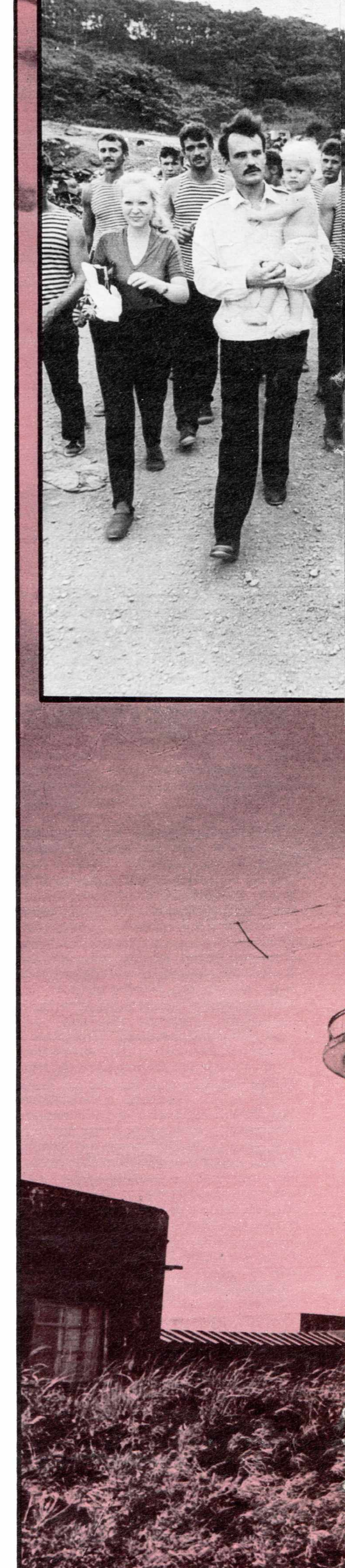
Г. К.: — Будем откровенны, от сохранения нынешнего тупика выиграют наши и японские консерваторы и в целом те силы прошлого, которые хотят по-прежнему воспринимать друг друга как «коварных самураев» и «злобных медведей».

К. С.: — Выигрывает только тот, кто не хочет или не готов к развитию добрых и плодотворных связей. Выигрывают и американцы. Без каких-либо усилий и затрат им удается дистанцировать своего наиболее важного во всех смыслах союзника в Азии от Советского Союза.

— Насколько основательны опасения, что изменение линии советской границы в одном месте может подорвать один из неизменных принципов нашей внешней политики — нерушимость послевоенных границ?

В. Л.: — Думаю, что принцип этот должен быть сохранен как принцип нерушимости согласованных и договорно-признанных международных границ.

И. Т.: — Советско-японские территориальные разногласия остались единственной неурегулированной проблемой послевоенного устройства мира. В Европе нерушимость послевоенных границ, помимо различных двусторонних договоров, закреплена Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству. Поэтому с юридической точки зрения любые притязания на территориальные изменения в Европе неправомерны. Хотя еще раз повторю, что в политике тем тверже соблюдается то или иное решение, чем меньше в нем заложено противоречий, то есть чем меньше ущемляются нацио-

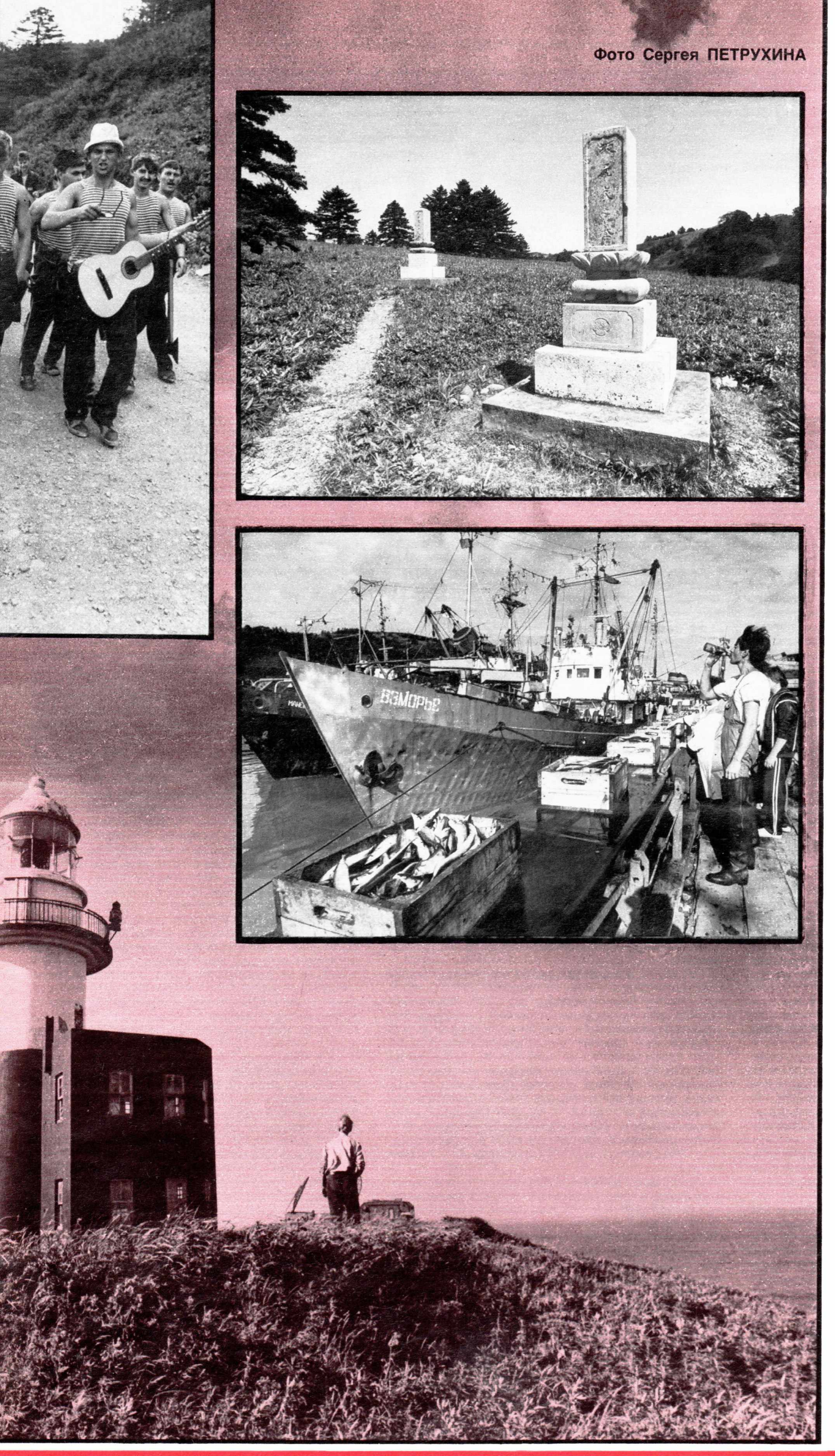

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

нальные интересы какой-либо из сторон.

— ***Сейчас много говорят о перспективе создания на Южных Курилах свободной экономической зоны. Не здесь ли лежит путь к урегулированию проблемы?***

В. Л.: — Это хорошая идея. Это путь к продвижению вперед на цивилизованных началах. Спор о территориях на принципах «мое или твое, иного не дано» — это каменный век.

И. Т.: — Я убежден, что создание свободных экономических зон, причем не только на Дальнем Востоке,— первый необходимый шаг на пути преодоления нашей десятилетиями существовавшей автаркии.

Но у этой идеи есть и противники. Против нее ополчился, например, упоминавшийся уже В. Сухнев. Для него любая форма участия японцев в экономическом освоении Курильских островов является предательством наших национальных интересов, распродажей российской земли. Тоскует человек по начавшему трещать на Дальнем Востоке «железному занавесу»...

К. С.: — Идея свободной зоны на Курилах хороша и перспективна. Но ее реализация не решает политической проблемы, поскольку стержень последней — вопрос о суверенитете над островами. Как найти взаимоприемлемый компромисс именно в этом вопросе — вот в чем загвоздка. А экономические, культурные связи, развитие тысячи каналов взаимных коммуникаций — все это важно для накопления необходимого потенциала взаимного доверия, ликвидации «образа врага».

— ***Японцы уже сегодня открыто занимаются браконьерством в советских территориальных водах, нанося большой ущерб нашему народному хозяйству. Если допустить в какой-либо форме их официальное экономическое присутствие на Южных Курилах, не приведет ли это к самым пагубным последствиям для сохранения морских богатств этого региона?***

Г. К.: — Независимо от того, как будет решен вопрос пограничного размежевания в будущем, сегодня браконьерство и все прочие нарушения должны решительно, но, особо подчеркну, в рамках закона пресекаться. Откровенное сожаление нашего пограничника, вполне разделяемое и корреспондентом «Литературной России» В. Сухневым, о запрещении открывать по нарушителям огонь просто приводит в изумление. Мало нам корейского авиалайнера, давайте еще потопим и парочку рыболовов. Но я вместе с тем в принципе против того, чтобы послабления режима использовались как средство сгладить реально существующие разногласия с японцами, оттянуть момент, когда назревшими вопросами придется заниматься всерьез.

Что же касается опасений относительно того, что, попав на Курилы, японцы будут их хищнически эксплуатировать, такая боязнь кажется мне необоснованной. Поставив японское участие в освоении Курил, причем как Северных, так и Южных, в рамки закона, гарантировав его, мы как раз избавим их от психологии временщиков, которая во все времена толкала людей на разбазаривание не только природных богатств.

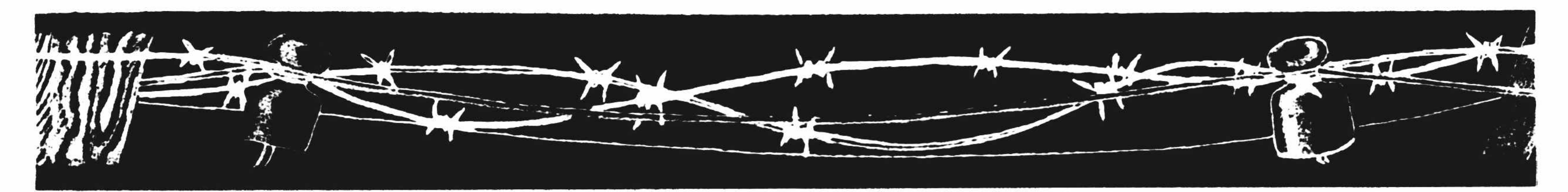
— ***Каким вы видите путь к полной нормализации советско-японских отношений?***

И. Т.: — Только один — через восстановление взаимного доверия. Тогда наши страны смогут решить любые, самые сложные проблемы.

В. Л.: — Я буду более конкретен в своих рекомендациях. Каждая сторона должна перестать «мериться силами», тянуть одеяло на себя. Надо начать серьезный, быть может, поначалу неофициальный диалог о многоэтапном пути к окончательному компромиссу. Такой компромисс вполне возможен.

Беседу за «круглым столом» вел А. ФИНОГЕНОВ.

Андрей ПЛАТОНОВ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН

Они пришли в поле; свет луны освещал камни шоссейной дороги и повисшие пыльные листья придорожной ракиты. Дорога уходила в уезд, в тьму невежества и разорения, где сейчас спали люди, потерявшие смысл своей жизни в тягости разрушительного труда на буржуазию, в тифу и в побоищах войны. И только теперь — несколько месяцев — они увидели, что на земле стало тихо и начали пахать, сеять и трудиться сами на себя, и сила уставшего народа опять скоплялась внутри его. Снова восстанавливалось мирное течение природы, свободное дыхание всех ее материалов.

С жадностью глядел Душин в эту смутную окрестность; он знал способ учреждения повсеместного счастья — для всех мирных, трудящихся соединенных людей: это — электричество; и слюна собралась во рту Душина от предчувствия торжества пользы и разума. Верстак сапожника, печь для варки металла, лампочка на столе научного вождя, теплая вода для ребенка, хлебный плуг, мчащийся поезд, орошение, цветущие яблочные сады,— все должно производиться могуществом электричества, дрожащей силой мироздания, действующей под руками человека.

Полагая, что и медицина получит развитие от электричества, Душин сжал локоть Лиды и решил любить ее сегодня ночью, истратив немного самого себя, а в будущем электрическая медицина сумеет восстановить его тело, пожертвованное на женщину.

Они стали возвращаться и пошли ближней дорогой. На околице города они перешли путь железной дороги и миновали депо. Позади депо рельсы уходили прямо в степь, но здесь не было езды, а на рельсах, обросших бурьяном, стояли мертвые паровозы — на целую версту вдаль. Двое юношей и молодая женщина с ними медленно проходили по фронту остывших, безмолвных паровозов, называя их по именам и прозвищам: Зигль, Балдвин, Щука, Воклен, Овечка, Э-пятинарный, Компаунд, опять Овечка...

Они остановились. Перед ними была машина «О-в 401». Со странной мечтой Душин и Щеглов потрогали свой паровоз и пошли на ночлег; они оба печально почувствовали, что революция все более бледнеет и постепенно проживается, машины умирают от усталости и поля стоят пустыми; но Душин верил в экономическое, целостное восстановление всего ветхого и утраченного, Щеглов же прощался с погибающим навсегда.

Чуняев велел навеки упразднить небольшую этапную прогонную тюрьму, где теперь жили десять человек устаревших контрреволюционеров. В эту опорожненную тюрьму поместили затем комитет по электроустроению губернии, а подвалы старого здания были назначены для складов и монтажных мастерских того же комитета.

Душин оставил железнодорожную будку и совместно с Лидой поместился в сторожевой тюремной башне, где была маленькая комната и открывался вид на все страны света.

Переехав на тюремную квартиру, Лида по целым дням сидела у южного окна и глядела в порожние, будто снящиеся поля позднего лета. Учиться в совпартшколе она перестала — у нее не было понимания науки, потому что она любила ни о чем не думать, скучать сама с собой, бормотать песни, глядеть в воздух или чувствовать что-нибудь простое и грустное в своем ленивом теле. Преподаватель статистики влюбился в нее со слезами на глазах и целовал несколько раз в коридоре совпартшколы, хотя Лида не знала даже слова «статистика».

— Пускай я дура, пускай я клетница[1], пускай я пропадаю,— говорила Лида сама себе и опускала голову на подоконник.

Щеглов ей приносил книги, но черноволосая женщина не могла их долго читать — ей хотелось самой действовать и чувствовать, а не смотреть, как чувствуют другие: это слишком завидно и скучно. По вечерам ей нравилось ходить в гости к одному бывшему товарищу Душина по институту — инженеру Стронкину, у которого была девятнадцатилетняя жена, красавица, красавица-растрепка, вставашая ежедневно в четыре часа дня.

Семен Душин видел, как жена его тоскует, но не мог беспрерывно утешать ее настроение, так как неотлучно, со всей страстью наслаждающегося ума, работал над проектами электрических станций. Он не мог ходить с ней в гости, потому что после работы старался сразу ложиться спать, чтобы беречь умственные способности для завтрашнего труда и не тратить их на пустяки должного удовольствия. Поэтому Лида ходила одна в гости к Стронкиным. Там она заставала молодое общество: юноша хозяин заводил старый заграничный патефон, брали за руки девушек и женщин и, все время напевая про радость жизни, начинали шевелить нижними половинами туловищ. Лида танцевала без отдыха, потея от движения, теряя сознание в чуждых, очередных объятиях, в напряженной суете торжествующих звуков мелодии, в бессмысленности своего бьющегося сердца. Растрепанная хозяйка, черноволосая, как Лида, и ровесница ей, плясала в мужских штанах и пела хрипло и великолепно, как цыганка.

После вечера Лида и Щеглов окончательно сближаются. Происходит это из-за жалости Лиды к однорукому, тихому Щеглову.

В час ночи неожиданно пришел Душин; он привел с собой громадного парня с розовыми девственными щеками, лет двадцати пяти. Этот парень, оглядев веселье и Лиду в штанах, сказал всем:

— Эх вы, сволочи отродье! Дать бы вам гвоздя, чтоб у каждого сразу встал вопрос о жизни или смерти!..

Так как Лида была прекрасней всех, то этот малый сразу и подошел к ней:

— Ну ты, пупочек, дай мне пышку со стола в рот!

Лида еще не знала, кто это такой, и дала ему пшенную лепешку:

— Ну на — трескай: ненормальный какой!

Но пришедший парень едва только донес еду до рта, как тут же получил «гвоздя» от кухарки — полотенцем по лицу. Парень обернулся к ней и, после маленького мгновенья, ухватил бабу поперек и пробросил ее в дверь, мимо пригнувшихся гостей; кухарка на лету открыла дверь и треснулась где-то в коридоре на сундук.

— Раз равноправие,— объяснил парень,— то фактически.

Душин молча оглядывал странное для него состояние людей — ведь их веселье не было основано на каком-нибудь уже достигнутом успехе, и оно представлялось Душину простой и гнусной стихией — вроде буржуазного пищевого сладострастия. От вида жены, смеющейся среди такой глупости и притом обтянутой в штаны, пропахшие неизвестным мужчиной, у Душина вначале жалобно завопило сердце; он прислушался к нему и отверг его: судьба людей решается не сердцем, а электричеством, и, кроме того, в Лиде его интересует лишь маленький уголок, деталь, и то лишь для того, чтобы не терять работоспособности от пристающей к нему из природы любви — и время от времени уничтожать ее в брачном акте.

Душин представил жене и Щеглову розового мощного парня,— он был его служебным помощником, старшим электромехаником Иваном Жареновым; после знакомства с Лидой Жаренов не извинился перед нею за хамство у стола, но отвернулся к стороне и стал багровым от прилива силы стыда.

Вчетвером они ушли от Стронкиных и на улице Душин попросил Лиду и Щеглова помочь ему с Жареновым ограбить старинный склеп принца Мекленбург-Шверинского.

— Нам нужны громадные средства для организации электрического хозяйства в губернии,— объяснил Душин.— Я просил у товарища Чуняева, а он говорит — подожди, госбюджета нет. А я ждать не хочу, я не могу расточать бесполезно время революции...

— Там золотая сабля лежит у принца и эфес ее весь в бриллиантах! — сказал Жаренов.— Мне дед говорил: он сам саблю и видел, при нем принца в цинковый гроб хоронили.

— А стальной косарь у тебя где? — спросил Душин.

— Дома,— ответил Жаренов.— Там и веревки лежат. Пойдемте скорей, пока ночь идет.

Сразу достать шпагу не удалось, т. к. искали не в том гробу. Продолжаются поиски средств.

В полдень пришел Жаренов; он украл где-то водопроводную трубу и положил ее в подвальный кладовый каземат, под канцелярией электрического комитета. Жаренову нечего пока было делать, и он волок разное техническое имущество отовсюду, где оно только ему попадалось: для электрических работ много потребуется инвентаря и приспособлений. Где Жаренову оказывали сопротивление — он грозил силой власти или просто давал «гвоздя» возражающему и тащил на плечах металлические изделия в фонд будущих электрических устройств. Но денег в электрической канцелярии не имелось вовсе и приступить к постройке хотя бы первой электрической станции было нельзя. Жаренов обещал принести сегодня вечером несколько сот миллионов рублей 20-го года, но неизвестно, как это выйдет. Он организовал во Дворце Труда большой платный вечер «научно-технических чудес», причем главным чудом было объявлено, что публика будет находиться три часа под водой. Для совершения этого чуда Жаренов предполагал повесить под потолок на крюк ведро с водой — тогда публика несомненно и по существу очутится под водой. А перед этим номером Жаренов хотел поиграть немного на гармонии, рассказать какую-либо чушь из жизни и кратко побеседовать в духе научного полета на луну.

— А тебя потом не изобьют? — спросил Душин.

— Так ведь не до смерти,— возразил Жаренов.— Ну и что ж такое! А от меня-то сколько гвоздей влетит! Я, братец ты мой, тоже буду с мясом черпать — вовсю!.. Дай мне только часа на два, на три Лиду твою!

— А зачем?

— Пускай она со мной билеты продает, а потом убежит с деньгами домой!.. Мне же неудобно будет драться с деньгами в руках — еще отнимут!

Душин пошел к Лиде в ее комнату в сторожевой башне, застекленной кругом — со всех стран света. Лида лежала на своей кровати и следила, как идет время кругом в виде солнечного света и уже светит к вечеру.

— Что же ты лежишь все, как ерунда какая? — обратился Душин к жене.— Учиться бросила, ничего не делаешь, нам таких не нужно!

— Не нужно? — спросила Лида.— А я вам и не даюсь — вы меня не берите. Я сама себе нужна... Я тружусь так трудно, будто хлеб пашу...

— Чем же ты трудишься?

— Я расту. Я в детстве не доросла ведь от голода!

Говорить про то, что в ней уже лежит початок ребенка, Лида не стала — она решила его украсть от мужа, убежать отсюда далеко, спрятаться с ним и родить его втайне и в одиночестве.

[1] **Клетница (ж. бран.) — женщина дурного поведения (Даль).**

Окончание. См. «Огонек» № 19.

— Ты вот что,— сказал Душин,— сходи-ка с Жареновым в Дворец Труда и принеси оттуда деньги в мешке. У тебя есть мешок?

— Найдется,— ответила Лида и встала с кровати.

Когда они ушли, Душин долго ходил по пустой старинной тюремной крепостце; теперь во многих камерах стекла были разбиты, сквозь решетки прилетали птицы и ночевали на месте былых узников. Затем Душин сошел в подвальное помещение, в кирпичный просторный могильник, прохладный и скучный, похожий на общий склеп для бедняков. Здесь, наверно, казнили в старое время тех страшных, сосредоточенных людей, которые настолько не любили бессмысленную жизнь на свете, что без ужаса принимали смерть, потому что и тело их было частью косного мира, мысль же, блестевшая истиной, мучиться не могла и темнела в пронзенном, исхудалом теле с гордостью непобедимости, хотя и убывала навсегда.

Сейчас в подвале лежали трубы, доски, железные крючья кранов, мотки проводов, моторные части, рычаги паровых машин и даже один небольшой церковный колокол. «Может быть, он тоже годится для будущей техники!» — сказал Жаренов, когда прикатил тот колокол. И Душин решил, что колокол годиться может: для противовеса, для устойчивости или еще для чего-нибудь.

Душин сел на моторную станину и загляделся в этот милый для него мир железной мощности, в эти руки рычагов, способные перевернуть убогий груз земли, в это спокойствие верной, хладнокровной диктатуры человека. Сердце Душина стало легким, ему сейчас никто не требовался — ни жена, ни человеческий друг, думать больше не надо над простором жизни — она освещена простым светом трудящейся науки, по земле надо идти и действовать, а не мучиться неподвижным размышлением и не привязываться сердцем к мнимости сердечного влечения.

Душин вынул из пиджака записную книжку, пересчитал по записи имущество в натуре, вытер тряпкой грязь и погладил рукою металл, удостоверившись в его факте, в реальности своего счастливого чувства истины.

Уже стемнело. Душин бдительно замкнул подвал, проверил несколько раз надежность замка и пошел в комнату на сторожевой башне. Он лег на кровать Лиды и с мирным наслаждением подумал о том моменте, когда скромный разумный ключарь всего организованного человечества запрет в вечном складе всемирно-историческую истину, такую же фактическую, естественную и прочную, как инвентарь.

Душин задремал в изнеможении, все время наблюдая гаснущее небо, нарождение звезд, смуглый загорелый цвет сухого лета на далеких полях; он видел все это, как будущее, как близкое достояние политической экономии и боялся, что там пропадет что-либо без учета и назначения.

Лида пришла и засмеялась. Она принесла мешок с миллионами денег, собранных на вечере «чудес науки и техники». Душин тут же пересчитал все деньги с точностью и упорядочил их в пачки.

— Сеня! Дай мне рубликов на кофту и туфли: спекулянты продают,— попросила Лида.— Я ведь босая почти что хожу, и кофта вся худая — скоро груди вываливаться начнут.

Душин почувствовал жар ярости во всем теле: он мог отдать Лиде миллион золотом, если бы у него были такие личные деньги, но отдать средства, назначенные для электричества, он мог только после уничтожения своего сердца, потому что в Верчовке и по всему свету носили иконы и жили костяные старушки.

— Не сметь! — закричал он, прижимая к себе мешок, как ребенка.— Не трожь ничего — это не наши деньги... Мы электрическую станцию будем строить в Верчовке! — прибавил он тише.— Там родина твоя была.

— А на шута мне теперь родина! — ответила Лида в сердечной обиде.— Я кофту хочу: я голодала на родине... А ты жадный, ты зажиточный, ты мне не муж теперь, ты кадет!..

— Пошла ты еще, стерва такая! — уже равнодушно сказал Душин, думая лишь о деньгах и работе.— Продай мою зимнюю куртку — купи себе что хочешь... А где Жаренов?

— А сколько дадут за твою куртку-то? — утешаясь понемногу, пытала Лида.— Мало небось!

— На юбчонку тебе хватит.

— А Ваньку Жаренова там бить, должно быть, начали,— говорила Лида.— Он мне велел убегать скорей, я схватила деньги и рысью...

— За что бить? — спросил Душин.— Чего они трогают человека?

— Ну, не знаю уж, все, что было, обман, а деньги назад, говорят, давай.

Душин загодя отнес деньги в таинственное место тюрьмы и заложил их кирпичами в стенном провале. Пока он ходил, без него явился Жаренов, битый, рваный — не только по одежде, но и по живому мясу,— но счастливый, что спас деньги.

Шпагу нашли, но до возвращения Душина Жаренов и Лида успели снять несколько камней с нее и продать спекулянтам. Накупили наряды Лиде, еду, вина. Душин прогнал их обоих.

Позавтракав, Душин пошел к Чуняеву говорить о дальнейших перспективах электричества — ждать и жить в таком положении больше нельзя: народ всюду слаб и держится не телом, а революционной душой — запасом радости и надеждой. А нам нужна не столько радость, сколько политическая экономия, основанная на электрической технике.

Чуняев, когда пришел к нему Душин, сказал всем военным людям, бывшим в его кабинете:

— Выйдите вон на полчаса. Дайте мне слово с нашим инженером сказать!

— Садись, инженер!.. Гадко ведь дело-то.

— Что — гадко? — спросил Душин.

Чуняев набил махоркой деревянную трубку и закурил, утешая дымом беспокойство в уме.

— Все гадко. Мужик весь мордуется — от засухи, от беды, от дурости — и нас замордовал. Где же твоя молния, чтоб бедность рассечь? Ты же обещал... Написал книжку?

— Написал, она уже печатается.

— Завтрашний день прочтешь ее вслух нашему активу после партсобрания... Приходи! Я нынче вечером лягу в чулан и обдумаю твой вопрос. Ничего у тебя не выходит?

— Нет,— ответил Душин.— Пробуем средства собирать, трудно... Рублей на тыщу золотом у нас есть кой-чего...

— Это — чушь,— в размышлении произнес Чуняев.— Вот госбюджета мы тебе дать не можем, вот что зря! Так ведь у нас и нету никакого бюджета — мы живем как-то суммарно и хаотично, красноармейские остатки доедаем... Слушай, а нельзя ли без денег электричество добывать?..

— А как же, товарищ Чуняев?

— Да прямо с неба, из какой-нибудь природной пропасти — откуда хочешь!

— Ненаучно, товарищ Чуняев!

— Ну, тогда не надо!.. Погоди, а науку нельзя выдумать получше, чтоб она бедноте была доступна?

— Электричество — самая дешевая наука, товарищ Чуняев. Электротехника — самая верная подруга бедных масс!

— Хорошо сказал! — обрадовался Чуняев.— Люблю я жить, люблю, когда ум сверкает предо мной... Трудно нам, но трогательно в сердце: хлеба вот мало, черного черта! Смотрю, понимаешь, на хлеб — и вижу в нем кулака: лежит темное глупое тело и пахнет теплым навозом. Сволочь, а не пища! А революция голодает! Вот идиотизм деревянной жизни!.. Ну, ступай, дай я бандитизмом займусь, приходи завтра в клуб нашей партии... Нет, постой!

И здесь Чуняев со стеснением, с неохотой выговорил Душину про вечер во Дворце Труда.

— Зачем ты так, товарищ Душин?.. На этом ничего не построишь, на срамных копейках! Ты народ вокруг себя собери, ты организуй его силу, объясни ему нашу мысль — вот где будут твои миллиарды! А обманывать нам не нужно, обставлять своих товарищей не надо,— кто же тогда будет строить электричество, если ты их обманешь!..

Чуняев отвернулся на окно и умолк. Душин вышел, не сказав ничего от своей тоски.

По дороге в тюрьму Душин зашел к Щеглову на черепичный завод; тот задумчиво чертил левой рукой паровую мельницу, а сердцем мечтал о Лиде. Душин подождал конца занятий, а потом направился со Щегловым по вечернему городу — по тому же направлению, как бывало они ходили, будучи еще отроками; им тогда казалось, что в мире стоит беспрерывное лето; зима и дожди не сохранились в их памяти.

Прогулка Душина и Щеглова к паровозному кладбищу, где стоит их паровоз. Разговор у паровоза.

— Митя! — сказал Душин.— Так жить нельзя: смотри какой мрак кругом! Неужели нас похоронят в могилах бесследно? Ведь на свете живет Ленин!.. Давай строить электрическую станцию! Мы скоро организуем социализм и победим самую сущность материи!

Щеглов молчал: ему не нравилась гордость Душина, стремившегося к абсолютному техническому завоеванию всей вселенной; он не чувствовал в себе такой драгоценности, которая была бы дороже всего мира и была достойна господства. Щеглов имел скромность в душе и человека ставил в общий и многочисленный ряд случайностей природы, не стыдясь жить в таком положении; наоборот, эта скромность осознания позволяла ему думать над несущимися стихиями естественного вещества с максимальной тщательностью и усердием, не опасаясь за потерю своего достоинства. Он не верил, что в человеке космос осознал самого себя и уже разумно движется к своей цели: Щеглов считал это реакционным возрождением птоломеевского мировоззрения, которое обоготворяет человека и разоружает его перед страшной скрежещущей действительностью, не считающейся с утешительными комбинациями в человеческой голове. Поэтому Щеглов молчал.

— Не хочешь? — спросил Душин.— Ну ладно: я и без тебя обойдусь.

— Обходись! — ответил Щеглов.

— Так ты против электричества и коммунизма? Ты не веришь?

— Нет, я не против... Ты скажи мне, по твоему проекту — сколько нужно меди на провода?

— Хорошо, я скажу: около миллиона тонн — на первую очередь!

— До свидания! — сказал Щеглов.— С такими проектами ты не победишь даже губернской тьмы, не только мрака вечности, как ты говоришь...

— Ты дурак и сволочь!

Щеглов близко и без волнения подошел к Душину.

— Семен, ты погляди,— он указал в ночь над пустыми пахотными угодьями.— Гляди, как тихо все и темно, под нами мертвый паровоз, в животе у людей переворачивается необрушенное просо, и даже не хватает силы от голода, чтоб нормально билось сердце — оно бьется реже... Ты понимаешь что-нибудь?

— Ну дальше!

— Дальше вот что... Когда у нас будет хотя бы одна тысяча тонн меди, то из нее надо сначала делать копейки, а не провода...

— Ты мелкий, несчастный человек! В тебе мещанский умишко — почему я с тобой был товарищем — понять не могу!

По мосту гремела чья-то одинокая телега, лунная заря начинала светить на востоке. Щеглов молча вытерпел слова Душина и сказал ему:

— Если бы ты слушал не свой ум, а весь тот мир, который ты хочешь завоевать для чего-то, наверно — чтоб уничтожить его, если бы ты стал простым, грустным, может быть, человеком, тогда бы даже телегу, какая едет сейчас по мосту, мог использовать для электричества... Семен! — ты знаешь что! На свете много всего есть... И у нас в губернии найдется добро! Ты не мучайся из пустого воображения, ты гляди на бедные предметы, собирай их поновому, что тебе нужно! Вот река, по мосту мужик проехал, там торфяное болото, вон тюрьма — сумей сделать из этого электротехнику...

— Ты стервец, Дмитрий, и глупый человек — ты совсем не электрик!

— Пусть... Ты только не обижайся. Ну, до свидания!

— Отныне и навеки,— произнес Душин и не подал Щеглову руки.

Щеглов молча сошел с тендера и пошел ночевать в свой угол — к чужим людям.

Душин всю дорогу до тюрьмы говорил вслух ругательства и смеялся над сволочью — бывшим товарищем, добивая в себе остывающее влечение к нему.

Партсобрание в Ольшанске затянулось на позднее время, поэтому доклад Душина об электроустройстве губернии пришлось отложить. Душин узнал об этом от Чуняева заранее и направился в одиннадцать часов вечера домой. На улице шел осенний дождь, народу никого не было, около клуба горела свечка в фонаре. Только близ фонаря ходил взадвперед одинокий человек, держа правую согнутую руку около груди; он сжался от холодного дождя и, останавливая шаги, слушал, как жалобно скрипят ставни где-то в переулке, раскачиваемые ветром непогоды. Душин сразу узнал Щеглова, но молча ушел своей дорогой. Щеглов, наверно, прочитал в газете, что будет доклад Душина об электричестве, и теперь ожидал конца собрания, когда его пустят в зал.

Дома, в тюремной башне, Душин долго смотрел в темные поля, поливаемые дождем, и думал о Лиде, исчезнувшей от него в этой мгле; он не мучился по своей бывшей жене, но его брало раздражение от психического неустройства людей, и он ясно сознавал ничтожность печали своего сердца.

— Плачь, плачь,— советовал он собственному жалующемуся чувству,— но помни: ты плачешь не одно на свете, и утешать тебя я не буду!

Он лег спать и стал думать об освещенных ночах коммунистического человечества, когда марш жизни будет продолжаться круглые сутки... Проснулся он в слезах; дождь на дворе перестал — там было тихо и темно, все люди еще спали, лишь где-то далеко, в тюремном подполье, пищали крысы.

Душин вытер слезы, зажег огонь в лампе и начал читать электромагнитную теорию света Максвелла; сердце его успокоилось, он был рад, что никого нету с ним — ни Лиды, ни товарища — и никто не ворует у него силу, необходимую для улучшения положения всего трудящегося человечества. Он прочитал в книге: «Пространство, насыщенное светом солнца, делается более электропроводным, чем тьма, и в то же время только в освещенном мире, а не во мраке

развивается жизнь. Вспомним теперь, что свет солнца есть электромагнитная пульсация волн высокой частоты...» — Душин читал с наслаждением и, перелистывая страницы, разглаживал их рукой и глотал слюну жадности к науке. Вскоре настало утро, Душин оделся и бросился в деятельность по борьбе с мировым расстройством...

Через месяц в партклубе состоялся доклад Душина об электроустройстве губернии. В газете «Красная губерния» об этом докладе два дня печаталось объявление, поэтому в клуб загодя собирались серьезные люди Ольшанска: квалифицированные рабочие, старые и молодые инженеры, большевики, преподаватели политехникума, где учился Душин, агрономы, левые эсеры, командиры трудовой армии и прочие различные граждане. Щеглов тоже находился на задней скамейке. За красный стол президиума вышел Чуняев и сказал:

— Товарищи! Смыслом жизни Октябрьской революции была война с буржуазией всех стран и народов и разгром ее насмерть. Теперь эта задача разрешена отлично, но в чем же сейчас будет дальнейший центральный смысл Октября — пускай из вас каждый озадачится этим обыкновенным вопросом и что получится! Ясно, я уж думал сильней всех, что народу нужно дать в первую голову хлеб и чтение, его нужно кормить и просвещать. Далее того — нужно запустить фабрики, починить железные дороги, подумать о новых пушках, о засухе, о пулях в винтовках, потому что враги живут за границей целыми, а мы оружие потратили, обороняться нечем, а война будет еще не одна, а целая серия... И вот встает перед нами загадка жизни Октябрьской революции! В чем дело, я вас спрашиваю! Дело пахнет смертью!.. Ко мне ходят всякие служащие, неизвестные люди: агрономы, скотоводы, доктора, левые эсеры и прочая интеллигенция. Один говорит, что вся загадка, весь корень жизни в землеустройстве, другой хочет многопольный севооборот (а остальное, дескать, будь оно проклято!), третий человек считает, что надо рыть побольше полевых колодцев, тогда революции сразу легче станет, еще какой-нибудь, вроде эсера, аж волосы рвет на себе, но чтоб мужику покой дали на сто лет и рабочий жил для хлебных поселков как подсобная сила, чтоб, дескать, пролетарский город стал коллективным батраком у деревни... Но да не будет этого, прочь, я говорю таким... с большевистской жадностью ко всемирной, хозяйственной истине! Только товарищ Душин, наш советский молодой инженер, мысленно корябнул мне сердце об электричестве, поскольку этот факт может и пахать, и сеять, и воду таскать, и поезда возить, и освещать книгу читающему народу, и — все! Эта сила, товарищи, работает по-жуткому — одна и за всех, как пролетариат в человечестве, а все другие силы природы есть паразиты электричества!.. Ну пускай теперь Душин прочтет нам свою книгу, а мы послушаем и задумаемся. Давай, Душин, касайся больше всего, как нам организовать побольше хлеба и чтения...

К столу вышел похудевший, скромный Душин. Он негромко стал читать свое сочинение о применении электричества для социализма, и люди в зале сократили дыхание и движение от внимания к словам инженера, который сосредоточенно внедрял электротехнику в хозяйственное вещество своей убогой, болящей, но любимой родины. Душин написал книжку с сухою страстью серьезности, с бдительностью единственной веры среди многих суеверий, с печальным чувством страдания рядового народа, разоруженного войной и нищетою перед лицом природы и буржуазии, с конечным расчетом завладеть всею бесконечной природой, чтобы она превратилась навеки в огороженный, устроенный двор человечества...

В трогательных местах чтения Чуняев открыто утирал слезы на подобревших глазах, а некоторые из присутствующих в то же время улыбались.

Душин замечал лишь эти улыбки иронии и с ненавистью поглядывал иногда в зал; только слезы и теплота большого тела Чуняева, сидевшего с ним рядом, успокаивали его. Когда Душин однажды сбился и забеспокоился, Чуняев, словно обо всем догадавшись, помог ему:

— Читай, читай... Что ты! Власть же в наших руках: пускай они ухмыляются, мы тоже не заплачем!

Душин понял, что надо быть равнодушным к улыбке врага пролетариата и электричества, и продолжал читать свое сочинение с достоинством владельца истины. Душин говорил о крайней экономичности по отношению к будущему миру людей, ибо это гораздо важнее сегодняшней любви и радости: ведь человечество еще копошится в детстве, поэтому оно способно разломать весь свет на свои игрушки и будущая общественность очутится без имущества и погибнет бездомной. Душин напрягся мыслью, он говорил сверх своей книги: электричество — вот экономия всемирного вещества от безумной растраты его в смертельный прах, в холод пространства; надо остановить бесполезных бродяг природы — небесные водопады ветра и нижние потоки воды — и жить за их счет, не тратя и не сжигая материнской материи. Эта материя потребуется для социализма, для научного суждения о существе и назначении своей вселенной, для высшей страсти сосредоточенной общественной задумчивости. Переходная же, подсобная наша эпоха должна стараться жить путем использования бесполезного или неразрушимого — того же ветра, текущей воды, ветхих деревьев, мешающих расти новому лесу, и мертвой травы — торфа; в переходную эпоху, как в незначительное время, необходимо жить скупо, с терпением бедности, с напряжением всего тела на труд оборудования нового мира, с тщетой сердца, что нынешний человек есть лишь переходная, бесследная ничтожность, которая не будет иметь всемирно-исторической ценности и погибнет в забвении, как испитая забота, устарелая фигура...

Чуняев с нежностью глядел на собрание, но не хотел жить в другую, более торжественную, победную эпоху — он согласен был погибать без памяти в текущий период: черт с ним, будущим счастьем, когда незнакомые люди, может быть, сукины дети, станут великолепно существовать; он работал для спасения нынешней бедноты, а не завтрашней. В тот же момент Чуняев гордился, как партийный отец, блестящим, глубокомысленным инженером советской школы, выросшим полностью под теплой рукой партии. Он с важностью смотрел в залу, когда Душин касался теории или расчета электрических сил, и сдержанно смеялся, устраняя слезы трогательности из глаз. Особенно его поразили понятия дрожащей частоты тока, высокого напряжения и бродячей электромагнитной волны,— он просто захохотал от радости, а потом бормотал сам на себя ругательства за неприличие.

Оставив расчетную часть, Душин снова возвратился к людям и советовал жить теперь без роскоши, более согбенно, ибо основные истины жизни уже найдены: в общественности — это Ленин, а в производстве — электротехника. Для исполнения этих истин необходимо истратить без жалости в бою и в труде одно или два поколения: жалость и нежность, если они прихватят, затормозят чувство и рабочую волю людей, неминуемо организуют капитализм с паровой машиной.

Щеглов слушал многое из того, что сообщал Душин, со стыдом и со страхом: ему не нравилась сама угрюмая вера бывшего товарища в электричество, обещающая — хотя бы и на время — согнуть людей в беде нужды, в тщетности личной жизни и в терпении. Щеглов не понимал необходимости в такой сухой кротости, и, кроме того, Душин неверно сознавал электрическую энергию.

Бывшие преподаватели Душина сидели смирно, с умытыми лицами покорности невежеству, которое они же воспитали в суете войны в этом студенте. Только один пожилой электрофизик Преображенский улыбался самодовольно и открыто, он знал, что электричество может делать лишь кое-что, но далеко не все — например, пахать поле оно не может. Мир, по соображению Преображенского, давно обветшал, и человеческая мечта за последние тысячелетия не дает результата: примерным неудачником был Иисус Христос, который с горя по умершему другу Лазарю изобрел воскресение мертвых, но осуществил это изобретение лишь в опытном масштабе — в случае с Лазарем и с самим собой; однако самого себя Иисус воскресил не вполне успешно: после воскресения уже не было его следов на земле, значит, он погиб. И в течение двух тысяч лет никто третий не был воскрешен из умерших: настолько медленно реализуются самые необходимые изобретения в нынешнюю эпоху равнодушных, утомленных поколений. Мир был прекрасен до его сотворения или до всемирного потопа, но в организационной остужающей дисциплине, потребовавшейся для сотворения мира (вероятно, всемирной империи с «богом» во главе), а возможно, после — в мутных волнах потопа — была навсегда изуродована, запугана, растерзана свежая творческая энергия жизни — «душа», и теперь «душа» замерла в старческой скудости, в испуге и молчании — на тысячи лет. Только изредка по «душе» человечества проходят волны воспоминания о своей прошлой свободе — тогда появляются Александр Македонский, Иисус, Ленин. Так полагал инженер Преображенский в своей склеротической, костенеющей голове, утешая себя, что близкий гроб ему не страшен, и он не ожидал, что неизвестная рядовая «душа» нанесет ему гибельное поражение через несколько минут: «душа», оказывается, не помнила своих библейских бедствий. Преображенскому иногда самому казалось, что библия — его любимая книга — представляет собою собрание частушек древних народов, и он приходил в раздражение безверия.

Душин заканчивал. Он предложил построить три большие губернские электростанции, жгущие торф, дабы освободить земли, занятые торфом, для хлебных пашен; первая электростанция уже строится в бывшей губернской прогонной тюрьме.

Выслушав, многие не знали, что сказать, а кто знал, тот молчал некоторое время. Несколько рабочих, стесняясь, похлопали Душину в ладоши; им нравилась надежда на прочный и обильный машинный хлеб, им надоел голод с капризным нервным мужиком.

Чуняев сурово осмотрел собрание.

— Вы что же молчите, как невежды? Или Душин самый умный? А может, он пустяками здесь выражался!..

— Совершенно верно,— сказал с места Преображенский,— инженер Душин говорил здесь пустяки...

— А ну выйди сюда,— предложил Чуняев,— покрой Душина вслух, чтоб мы не одурели от этой магии...

Электрофизик инженер Преображенский вынул логарифмическую линейку и обратил к собранию свое умное, скучное лицо, казавшееся все еще молодым от точности худых, бледных черт. Наукой, простою, как привычка, говоря на память все расчеты, а линейку держа лишь для редкого жеста, Преображенский разрушил всю фантазию Душина.

— Осветить книгу лампочкой можно,— заявлял Преображенский.— Организовать чтение для трудящихся путем проводки электричества вполне мыслимо. Для сего потребуется двести тысяч тонн меди. Организовать же хлеб, как выражается товарищ Чуняев, нельзя,— для устройства электрической пахоты нужны уже миллионы тонн той же меди, не считая стали для тросов и плугов, специальных электропередач и так далее. Конструктивных трудностей я здесь не касаюсь. Хлеб, добытый таким способом, будет настолько дорог, что, если бы мы задумали пахать путем упряжки в плуг миллиардов насекомых, хлеб показался бы нам страшно дешевым по сравнению с электрическим хлебом...

— Эх вы, сукины сыны!.. — сказал Чуняев обо всех, видя, что электричество погибает.— Душин, это верно, что он говорит?

— Верно в отношении меди,— ответил Душин.

— Неверно,— ответил с места Щеглов.

— Выдь сюда, раз неверно! — обрадовался про себя Чуняев.— Крой теперь старика, чтоб чудо жизни зря не пропало. Утилизируй что-нибудь!

Щеглов также вынул логарифмическую линейку и, придерживая ее подбородком и левой рукой, стал считать металл. У него вышло, что меди нужно по десяти килограммов на десятину и по пяти килограммов на избушку, чтоб по всей губернии организовать хлеб и чтение — пахоту и свет. Получилось всего тридцать тысяч тонн на губернию, а не миллионы тонн.

— Ложь, невежественная чепуха! — крикнул с места Преображенский.— Вы не электрик!

Щеглов ответил:

— Я и не хочу быть электриком, если вошь, на которой вы предлагаете нам пахать, Георгий Михайлович, пашет дешевле электричества. Такое электричество нам не нужно...

— Правильно, товарищ,— угрюмо и чуждо сказал Чуняев.

— Такую электротехнику надо уничтожить, а не учить ей нас. Вы не электрик, Георгий Михайлович...

— Вы мальчишка! — произнес Преображенский и омертвел лицом, сжав свое сердце в терпении ненависти.

— Ничего, я тоже скоро постарею,— сказал Щеглов, краснея от стыда своего возраста.— Товарищ Чуняев, когда у нас опять будут базарные дни?

— А черт их знает: власти у меня не хватает, я бы давно их открыл. А тебе что?

— Мне нужно...

Ночь углубилась в свое время. Четыре семилинейных лампы догорали в партийном клубе, на дворе, прозябая, скулила от голода какая-то мелкая собака — она видела свет в окнах и надеялась на сытость. В остальном городе было мирно, ничего не слышно, народ спал, экономя свои силы во сне; только изредка покрикивал маневровый паровоз на станции. Неподвижные люди, проработавшие весь день на одном пшенном кулеше, слушали Щеглова, не помня своей нужды, с глазами, застланными воображением.

...В губернии стоит зима. В базарные дни сотни деревенских подвод едут порожняком с базаров на свои сельские дворы. На базарах находятся зарядные будки, где заряжаются аккумуляторы электричеством. Потом аккумуляторы крестьянин ставит в сани и едет в свою избушку. В месяц ему нужно всего перевезти пять пудов аккумуляторов, чтобы освещать свое жилище двумя лампами. Значит, чтение можно организовать почти без проводов...

— Хлеб нужней чтения, чего дурака валять! — сказал кто-то на собрании с раздраженным могуществом в голосе.

— Георгий Михайлович! — обратился Щеглов, осмелевший от ничтожности и ошибочности общей жизни.— Проверьте меня, в чем здесь неверно! — И стал чертить мелом на доске фигуры и спирали энергии.— Мы с вами сдавали зачеты в институте, теперь сдадим их перед голодающим рабочим классом...

— С вами я никаких зачетов сдавать не намерен! — ответил Преображенский.

здравствуют теперь наши все инженера — Душин, Щеглов и этот лежачий товарищ Преображенский! Пускай республика привыкает теперь есть хлеб и читать книги великих умов!.. Все! Пойдемте спать по семействам!

Собрание повернулось к инженерам и создало им овацию славы. Поднявшийся Преображенский тоже хлопал ладонями по отношению к Щеглову, не слышав слов Чуняева.

На улице происходила сухая метель устанавливающейся темной зимы. Душин и Щеглов вышли нечаянно рядом. Душин не обижался на успех Щеглова; ум его сосредоточился теперь на сознании своей бедности талантом и еще лучше стал убежденным в том, что миру нужнее всего такое тщательное и осмысленное устройство, при котором истина и благо вырабатывались бы автоматически, без мучительного смертного напряжения; то, что один падает в обморок, а другой пользуется случайным соображением — это есть доказательство всемирного расстройства и беда безумия,— и Душин снова с удовлетворением чувствовал в себе сейчас истину и любил электричество.

— Митя! — сказал он Щеглову.— Давай снова дружить со мной!

— Давай,— согласился Щеглов.— Я с тобой не расходился, ты меня отогнал от себя.

— Нет, мир страшен, кругом стихия природы, контрреволюция, никаких вещей нету... А мы с тобой тоже предметы, нам нельзя терять друг друга и расходиться...

— Ты не знаешь ничего про Лиду? — спросил Щеглов.

— Нет,— сказал Душин.— При чем тут Лида? Что красивая? Все люди должны быть прекрасными — это вопрос пролетариата и электротехники.

— Не скучаешь по ней?

— Нет. Она глупая оказалась. Как ты изобрел передачу больших сил по волоску?

— Я не изобретал. Я читал Максвелла, потом Маркони и предложил их мысли для нашей пахоты. Ты ведь тоже с Преображенским изучал свет и высокую частоту!

— Мы тоже изучали,— ответил Душин.

Дома Щеглов неслышно разделся, чтобы не будить спящее семейство домохозяина, и залез под одеяло в своем углу. Рука его болела от непогоды, он всю ночь ворочался, бормотал и видел разные короткие сны: вдруг Лида приехала обратно и подходит к нему: «Митя! Как же ты живешь так? У тебя ведь нет белья, ты спишь на сундуке, тебе хрустко, одеяло засалилось, по тебе клопы лазают... Иди ко мне!» Щеглов пробуждался и действительно обирал с себя клопов, а потом поскорее засыпал, чтобы продолжать видеть Лиду, но она пропала на всю ночь. Лишь под утро — на мгновение, в шуме проснувшихся ребятишек хозяина — он увидел в бреду дремоты новую юную Лиду, черноволосую, невинную и простую, а где-то в отдалении стояла старая Лида, седая мать, и звала их обоих — Щеглова и свою молодую дочь, но куда она звала — было не слышно.

Щеглов проснулся. Одевшись, он вышел наружу. Повсюду лежал светлый, далекий снег, тихо стояли деревья; голоса людей звучали, как счастливые, в испитом прохладном воздухе зимы. Щеглов ушел в поле и проходил там весь день, забыв про службу на черепичном заводе. Вечером он пришел к своему холодному паровозу № 401, забрался в его будку и заснул там у пустого котла, ничего не евши.

Ночью он встал, оправился и хотел сейчас же пойти на вокзал и уехать в Москву, чтобы увидеть там Лиду, жить в центре революции и наслаждаться каким-нибудь счастьем. Он долго размышлял в недоумении, потом заплакал и растер слезы, опустив лицо на рукав правой высохшей руки.

Терпеливое забвение простиралось вокруг него по всей губернии. Щеглов огляделся и опомнился.

Нет, я здесь буду жить...

Все главные безымянные люди трудятся на революцию здесь, в самых скучных местах мира, и слава или наслаждение в теперешнее время были бы для них срамом.

Щеглов покинул паровоз и пошел к дому мимо кладбища, где лежали в земле его отец с матерью, братья и сестры, мертвые навсегда, забытые всем человечеством. Он решил пожить на свете еще лет двадцать или тридцать; он хотел увидеть когда-нибудь Лиду и ее взрослую дочь в летнем свете нового мира, когда наступят на земле неизвестная радость и неизвестное горе. В полное, сокрушительное покорение всемирного вещества Щеглов, как настоящий инженер, не верил, он чувствовал человека лишь как незначительное существо среди обыкновенных событий природы,— он был для человека беспристрастным товарищем, желающим ему освобождения из царства всякой мнимости, даже от мнимости своего всемогущества.

Но где свобода? — Она далеко в будущем — за горами труда, за новыми могилами мертвых.

Публикация В. ШЕНТАЛИНСКОГО

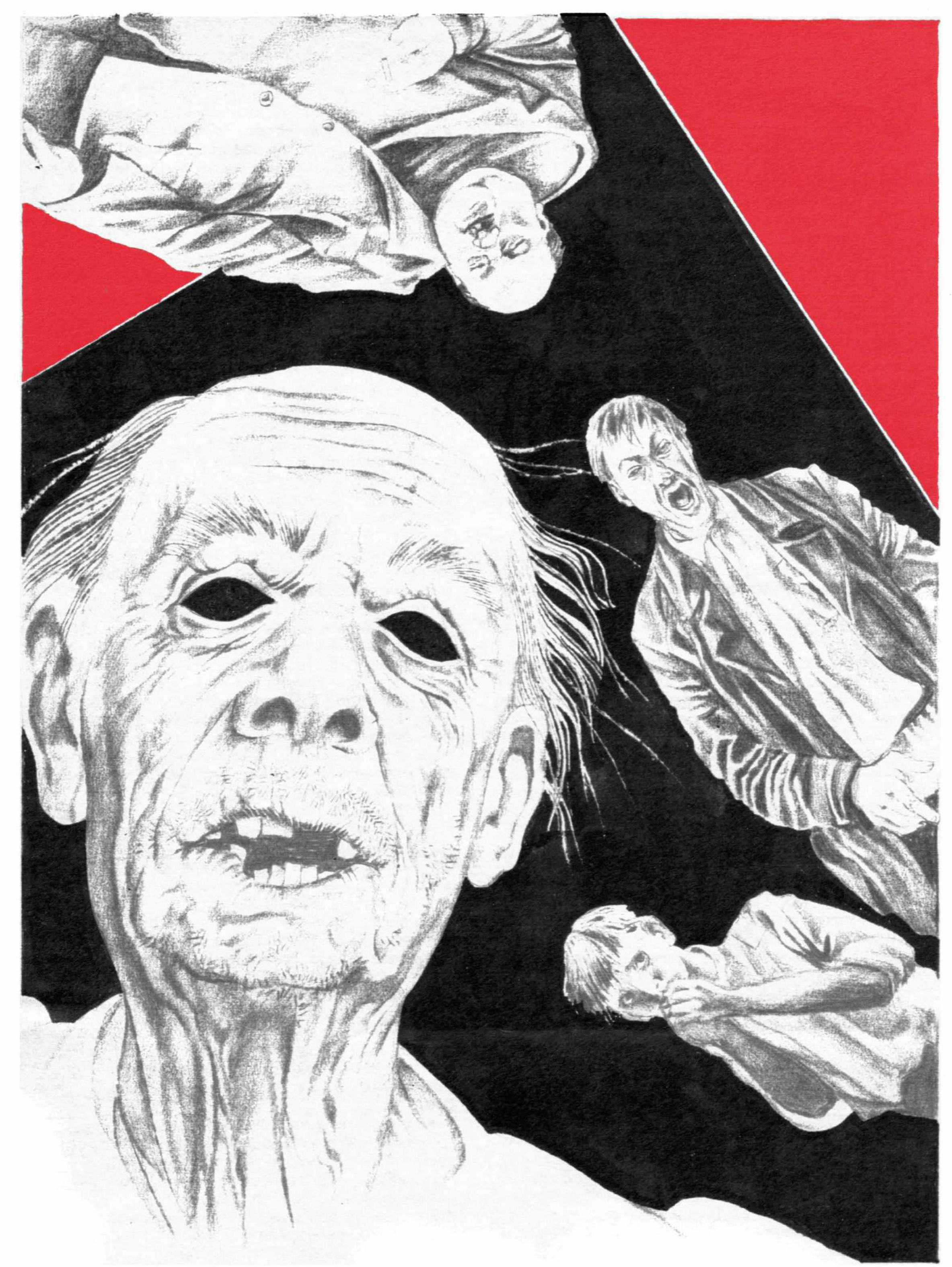

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

— Как так не намерен? — воскликнул Чуняев.— Выдь сюда, тебе говорят! Тут не Щеглов-мальчишка стоит, а взрослый рабочий класс!

Преображенский вышел к доске.

Душин спросил его:

— Если мы по тонкому медному волоску направим очень слабый ток, не очень высокой частоты и резкого содрогания, вот в радио бывает такой ток,— то что будет с воздухом вокруг нашего медного волоска?..

— Воздух из диэлектрика станет довольно хорошим проводником! — сразу и равнодушно ответил Преображенский.— Воздушный слой вокруг медного волоска будет обладать способностью проводить энергию наравне примерно с углем... Что из этого?..

— Из этого? — переспросил Щеглов, и покраснел от счастливого сердцебиения: природа отдавалась его непретендующему разумению.— Мы, Георгий Михайлович, сильные токи не собираемся передавать на поля по толстым медным жилам. Мы проведем туда волоски в сотую миллиметра сечением! А сильный ток будем передавать по воздуху около этих волосков!.. Вам нужны миллионы тонн меди, а нам два-три десятка тысяч!

Чуняев оглядел собрание и вытер глаза от прилива настроения.

— Ученый,— сказал он к Преображенскому.— Допустимо ли пахать на волоске, или это дурачество, по-твоему?

Преображенский проверял расчет Щеглова на доске; он там замедлился, потом обернул к публике беззащитное, странное лицо, побледневшее настолько, что видны стали тени его костей, и ответил в тишине зоркого немого народа:

— Надо проверить в тяжелой работе. Но это — верно! — И Преображенский упал на пол омертвелым туловищем: сознание сразу устало в нем думать и сердце сбилось с такта своей гордости.

— Ничего: он очухается! — определил Чуняев, когда люди пришли на помощь Преображенскому.

Здесь в залу пришел с улицы человек и дал Чуняеву бумагу в руки. Чуняев сначала прочел сам, а потом обратился во всеуслышание:

— Погодите там копаться!.. Из Москвы пришло радио по воздуху: там через четыре дня открывается Всероссийский съезд Советов и выступит Владимир Ильич! А после инженер товарищ Кржижановский сделает доклад об... об чем-то это такое?.. Сердце — сволочь, истратилось на войне, ни музыки слышать, ни гения читать — никак не могу: прет слеза — и шабаш! Читай-ка сам! — Он отдал телеграмму радиотелеграфисту.

— Доклад товарища Кржижановского об электрификации всей страны,— сказал тот на память.

Люди на собрании встали со своих сидячих мест и задумались на ногах.

— Так, значит, мы правду тут думали! — в тревоге своей радости произнес Чуняев.— Социализм, стало быть,— это электричество в бедняцких руках. И больше нет ничего! Это молния, товарищи! Да

ЭКОНОМИКА КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Начало на стр. 6.

В показатели потребления мяса на душу населения мы включаем и сало, и субпродукты, отчего цифра потребления становится сразу в полтора раза весомее. Но кому она нужна, если мяса все равно нет. Но, видимо, кому-то это нужно.

— Я думаю, в первую очередь это нужно тем, кто отвечает за успехи нашего сельского хозяйства: не так, мол, все плохо, вон какой урожай собрали, сколько мяса произвели. Но, как ни странно, это нужно и всем нам. Если бы сейчас сообщить истинные цифры «наших достижений», для многих это стало бы слишком жестоким ударом. Привыкнув к тому, что мы живем в самой богатой, самой сильной державе, трудно узнать, что это не совсем так. Людей трудно переделывать. Все мы, прожившие в условиях определенных теорий, идеологий, не можем вот так сразу взять и измениться. Мы все сейчас переживаем период учебы. Я имею в виду и правительство, и народ. Все мы учимся. Все мы умнеем. Во всяком случае, должен сказать, что в экономическом отношении мы не глупеем. Не все нам еще удается, на новом пути мы еще будем кувыркаться. Но назад не пойдем...

— «Кувыркаться» — значит делать ошибки?

— Делать ошибки, топтаться на месте, осторожничать, отступать.

Вспомните: осенью прошлого года правительство внесло на рассмотрение Верховного Совета СССР пакет законов экономического характера. Имелось в виду, что, только вместе взятые, они могут стать базой новой экономической реформы, они сделали бы ее необратимой, позволили бы нашему хозяйству работать в новых условиях.

Подчеркиваю, только все, вместе взятые. Прошло полгода — а принято всего два из предложенного пакета: о собственности и о земле.

Более того, при обсуждении этих проектов в них вносилось немало поправок, которые противоречили не только изначально заложенному смыслу, но и экономическим законам вообще, и это снизило качество наших новых декретов.

— Вы сказали об этом на первом заседании Президентского совета 27 марта? Я знаю, что вы там выступали...

— Тогда выступили все члены Президентского совета, но ни одно из выступлений, кроме самого Президента, не публиковалось. Может быть, поэтому будет не совсем этично обнародовать то, что говорил я?..

— Да, тут есть определенная щекотливость... Поэтому не будем выдавать секреты и цитировать вашу речь. Но вот рассказать, с какими мыслями вы шли на первое заседание, что у вас «наболело»,— об этом, по-моему, можно...

— Об этом, пожалуй, можно...

Что меня волнует? Прежде всего крайне низкий уровень нашей экономической науки и экономического образования вообще. С такими экономистами мы кашу не сварим. Мы обязаны бороться всеми силами за то, чтобы поднять качество науки и всего экономического образования абсолютно на всех уровнях: от школьной студенческой скамьи до научно-исследовательских институтов. В противном случае никакая политическая, никакая экономическая, никакая нравственная структура нас не спасет. Некомпетентность и безответственность — это ржа, которая разъедает наше общество.

Волнуют меня судьбы России. Так уж исторически сложилось, что мы — большой народ, вокруг которого объединяются другие народы. Поэтому проблема выбора России — это проблема выбора формы существования всего нашего государства. Если мы допустим какую-то политическую ошибку, нам это не простится...

Волнует двусмысленное наше отношение к экономическим проблемам и методы их разрешения. Мы должны хорошо понять, что путь к рынку безальтернативен. Что наши полумеры, полуправда ни к чему хорошему не приведут. В новом Законе о собственности мы стыдливо запрятали, замаскировали частную собственность. Мы ее все еще боимся как черт ладана.

Все должно быть четко. Надо ввести частную собственность (во всех ее видах), акционерную, кооперативную, государственную на основе равноправия. Нужно сделать нормальные акционерные общества. Кому они принадлежат сейчас? Государственным органам. Что же это за акционерные предприятия? Вывеска другая, а суть прежняя: госсобственность, с которой мы опять пойдем на тот свет. Я не имею права покупать акции не своего предприятия. Почему?

По той же причине мне не нравится Закон о земле, потому что много слишком госсобственности и нет простора для инициативы, для истинного фермерства, для покупки земли горожанами.

Нам нужно идти на реальное свободное предпринимательство. Нужно скорее вводить реальные акции, акционерные общества. Нужно снять абсолютно замшелые тезисы об эксплуатации. Что лучше: эксплуатация человека человеком или сверхэксплуатация человека государством? Мы говорим об отчуждении человека от продукта труда, но когда вы работаете у частника, вы практически не отчуждены от него, а вот в нашем государстве, которое мы построили, мы абсолютно отчуждены от продуктов труда. Нам нужно понять, что две вещи находятся в тесной увязке: высокая эффективность и социальная справедливость. Для многих стало откровением, что социальная защищенность советских людей оказалась весьма невысокой и по ее уровню мы где-то в четвертом десятке среди развивающихся стран. А вне частной собственности проблема эффективности неразрешима.

— Мне кажется, у вас найдется немало оппонентов...

— Я более чем уверен в этом. Но мне не привыкать. Уж каких только ярлыков мне не навешивали за мою жизнь! И диссидент, и радикал, и «асфальтовый ученый», и сионист, идеолог капитализма... Я тут как-то стал разбираться со своим генеалогическим древом. Дошел до четвертого колена. Все мои предки — и родители, и деды, и прадеды, и бабки, и прабабки, дядья и тетки — все родились в селе Чернево Зарайского района Московской области. В восемь лет я начал зарабатывать трудодни в колхозе. Поэтому цену хлеба я знаю. И что такое труд за «палочку» — тоже. Так вот, могу совершенно ответственно заявить, что равенство в нищете, которое в течение десятилетий было краеугольным камнем нашего мышления,— не лучшая идея. Не нужно много ума, чтобы стричь богатых под бедных. Гораздо сложнее научить бедных работать так, чтобы они стали богатыми. Научить и предоставить возможность.

— Все верно. Но как это претворить в жизнь?

— В России самый популярный вопрос: что делать? Ответ прост: нужно работать. В нашей экономической реформе надо различать три составляющих: идея, законы, в которых воплощается эта идея, и практическое ее воплощение.

С идеей почти все как будто разобрались: надо переходить на рыночные отношения, обратного пути нет, обратный путь — путь в братскую могилу, это стопроцентно.

— Вы сказали, переход к рынку безальтернативен. К какому? Капиталистическому или, допустим, югославского образца?

— Мы должны идти своим путем, ибо унификация мертва. Нам не следует догонять ни Америку, ни Азию, ни Европу. Когда-то Френсис Бэкон сказал умнейшие слова: «Сходство обезьяны с человеком делает ее отвратительной». Так что подражать никому не следует, тем более что и в западной экономике немало проблем, а уж в югославском эксперименте, которым мы немало восторгались,— тем более... Надо из чужого опыта взять самое рациональное, что может быть применено в наших условиях, и делать все по-своему.

— Каким вы представляете наш рынок? Регулируемый государством?

— Конечно. Особенно на первых порах. Но это отнюдь не будет нашим изобретением... Ведь и в капиталистическом мире существует централизованное регулирование движения ресурсов. Там для этого используется, например, такой гибкий и мощный рычаг, как процентная ставка за банковский кредит. Федеральная резервная система США, например, следит за банковскими кредитными операциями ежедневно. У нас же ситуация пока такова, что должником быть просто выгодно. Кредит у нас по-прежнему ничего не стоит и чрезвычайно доступен. Отсюда и «долгострой», и распыление средств... Не зря в пакет первоочередных законов входил и закон о реформе всей банковской и финансовой системы.

Другими словами, мы переходим от планово-командной системы к экономике рыночного типа. Но такого рыночного хозяйства, которое регулируется.

Это будет во всей полноте своей деятельности: рынок предметов потребления и товаров, средств производства, рынок труда, капитала, ценных бумаг, то есть в современном понимании рыночной экономики. Одновременно мы рассматриваем и изменение системы планирования, когда за государством оставляется только решение наиболее кардинальных проблем, крупных национальных программ научно-технического прогресса или, допустим, развития отсталых районов, здравоохранения, образования, культуры, развития социально-производственной инфраструктуры и так далее.

Речь идет о системе, где рынок является ее полнокровным экономическим ядром. Он способствует сбалансированности и эффективному использованию ресурсов.

— Переход от командно-административной системы к рынку в какой-то мере был испытан в Югославии еще четверть века назад. Там это не принесло успеха, и ныне югославская экономика в ужасном кризисе и с огромнейшей инфляцией... Поэтому возникает вопрос: возможно ли рыночное, но не частнособственническое хозяйство?

— Мне думается, что при переходе на рыночную систему югославские товарищи все равно оставались в рамках старой системы собственности, поэтому никакой радикальной экономической реформы, никакого серьезного эффективного рынка это не дало, и мы должны сделать для себя выводы из чужого опыта.

— Тем не менее нам вряд ли удастся безболезненно перейти к рыночной экономике.

— Потери неизбежны. Это усиление тенденций к простой и структурной безработице, дифференциации доходов, инфляция. Но это и так уже существует. Поэтому одновременно при переходе к рыночной экономике мы должны подумать о механизме социальной защиты, которая бы, если бы и не свела эти социальные бедствия к нулю, то по крайней мере хотя бы их существенно минимизировала.

Я считаю, что наиболее высокооплачиваемое население может и должно понять: переход к новой экономике потребует некоторых издержек, но в конечном счете, безусловно, приведет к повышению уровня благосостояния всего общества. И, думается мне, беднейшего в еще большей степени.

Но проблема эта трудная. И, конечно, необходимо учитывать все ее нюансы.

— Наверное, самое простое — дать людям практически попробовать преимущества рыночной системы. Всякая абстрактно провозглашаемая вещь вызывает недоверие. Особенно в нашей стране, где столько раз народу обещали рай земной в самом ближайшем будущем...

— Вы правы, но как это сделать, не перейдя на рыночные отношения и не преодолев определенные трудности такого перехода? Говорят, что при нэпе мы жили при такой экономике и жизнь была неплохой. Правда, наше с вами поколение родилось позже и само засвидетельствовать этого не может. Но, я думаю, и «кусочек» нэпа убедил бы не всех. Ведь нашлось же и тогда немало деятелей, которые посчитали новую экономическую политику отступлением, реставрацией капитализма и поторопились свернуть на иной путь, который завел нас в тупик...

— Многие возлагают большие надежды на региональный хозрасчет. Видят в нем спасение или хотя бы защиту своих областных, республиканских, а то и просто городских интересов...

Как вы смотрите на эту идею?

— Мне, честно говоря, очень трудно отвечать, так как я много раз на эту тему писал и говорил. Трудно придумать более глупое понятие в экономике, чем региональный хозрасчет. Это вообще что-то из области номенклатурной экономики. Экономика союзного подчинения, экономика республиканского подчинения — это чушь какая-то. Всегда спрашиваю и пишу об этом с юмором, кому подчиняется «Мицубиси», «Дженерал моторс», «Форд» — правительству Техаса, или муниципалитету Чикаго, или императору Японии. Лично мне это неясно. Это глупость просто. Хозяйственный расчет в нормальном экономическом смысле — это понятие, которое применимо к организациям, к тем ячейкам, которые производят реально продукцию и услуги. В нашем смысле это относится к предприятиям, объединениям и так далее. Подчинять их республике, Союзу — это просто бессмысленно. Эти предприятия должны подчиняться экономике, рынку и законам государства.

— Я думаю, что и в этом вопросе вас поддержат далеко не все.

— Я знаю. Но поделать ничего не могу...

— Кем вы себя считаете по натуре: радикалом или консерватором?

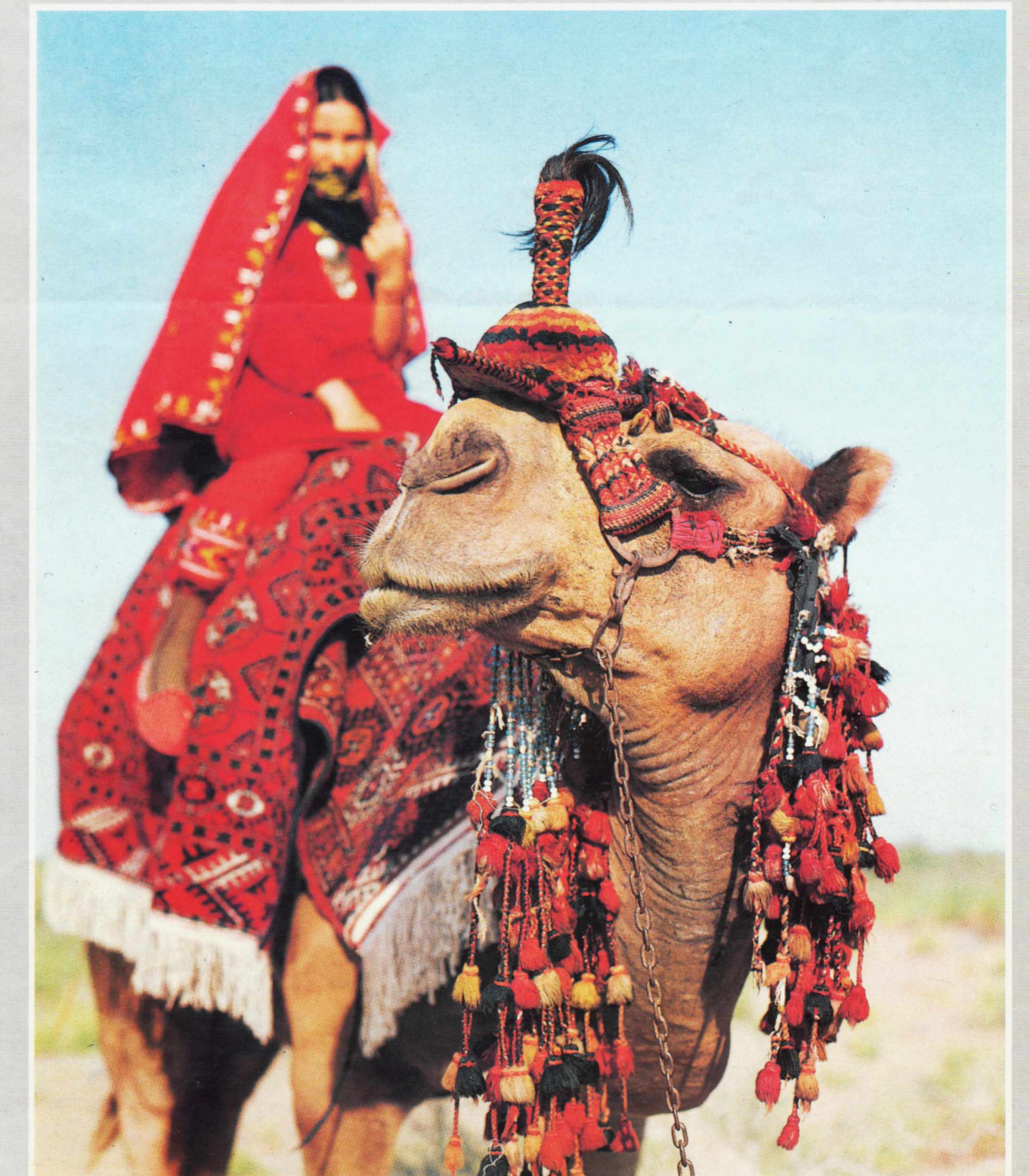
— Я считаю себя экономистом, который исповедует экономические законы и не любит, когда в них привносят всякие идеологические, политические и прочие, не имеющие прямого отношения к экономике концепции. Особенно когда все это сопровождается еще и откровенной демагогией и спекуляциями. Я сторонник решительных мер, если они продиктованы объективными обстоятельствами. А как меня после этого назовут — левым, правым, радикалом, консерватором,— не столь важно.

Вот когда в молодости я играл в футбол — в восемнадцать лет стал почти мастером спорта. Вот там имело первостепенное значение, на каком краю ты играешь. Во всех командах я играл на месте левого инсайда и много забивал голов. Может, оттого, что хорошо чувствовал обстановку на поле?

ОГОНЁК

ПЕСКИ И ЛЮДИ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

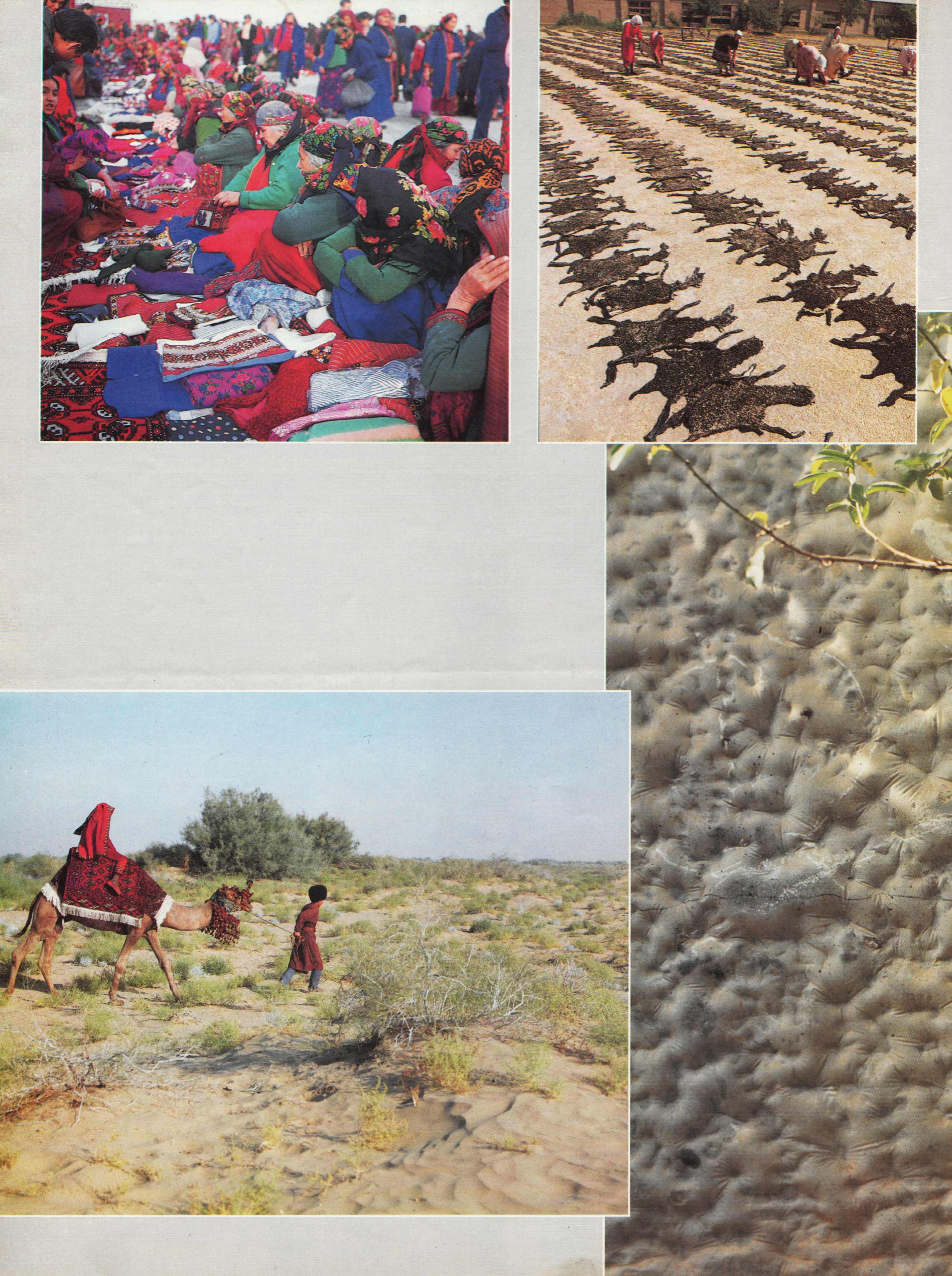

Пески, пески, пески — насколько хватает глаз. Блеклое солнце на пропыленном, никогда не бывающем по-настоящему голубым небосводе. Испепеляющая жара.

Трудно передать чувства иссушенного зноем человека непривычного, человека средней полосы. Но вот забрезжили островки зелени, блеснули ниточки арычков. Оазис.

Пустыня молчалива, пустыня полна тайн. Древний Мерв и Аннау, мавзолеи великих и прах безымянных — все спрессовано во времени. Лишь отдельные островки древней культуры — словно неостывшие уголья под слоем пепла.

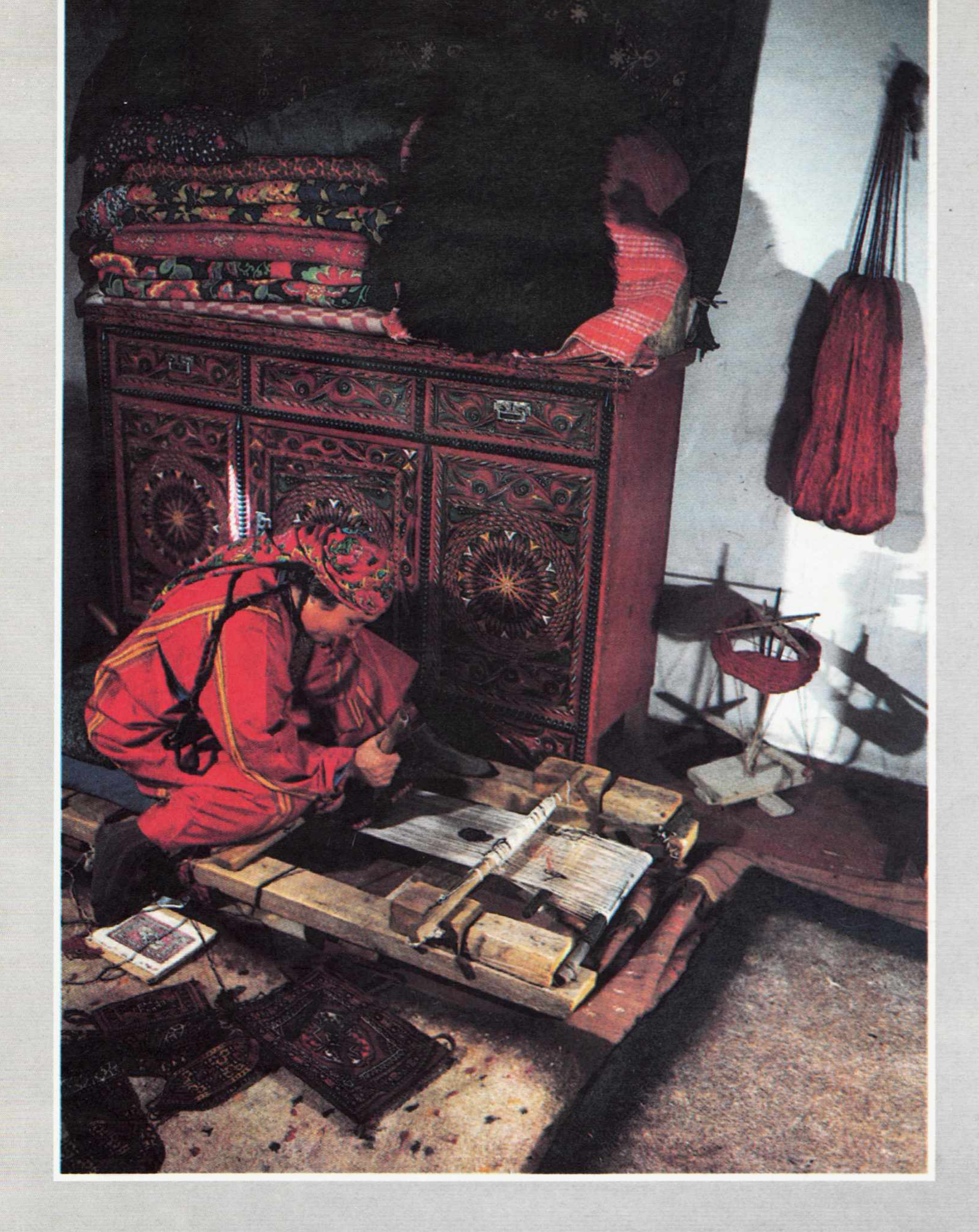
Ну а с каким временем свя-

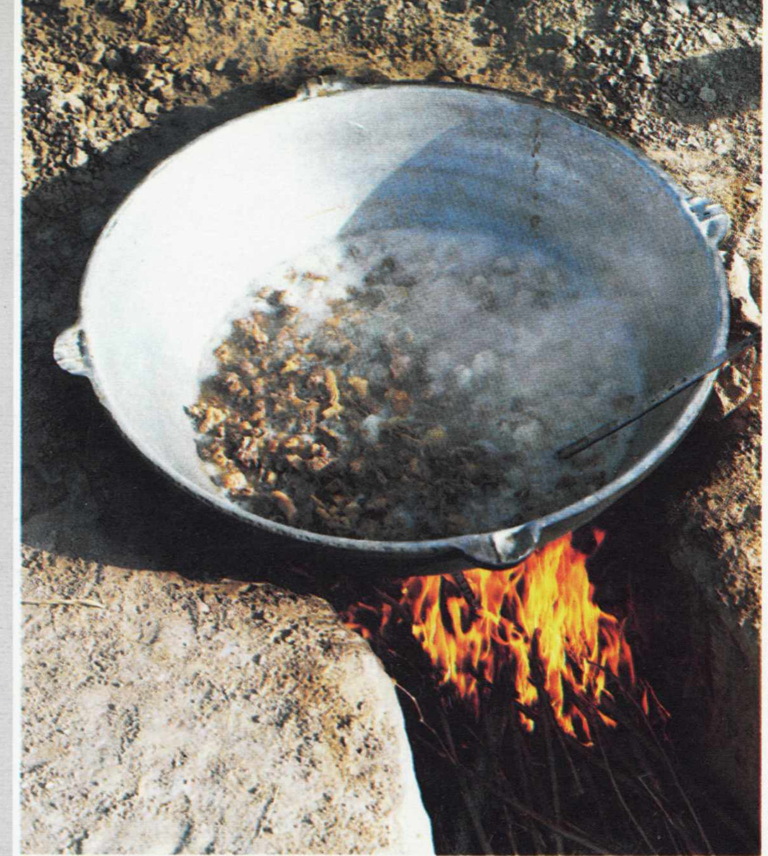

заны, например, эти развалины — иссушенные веками, превратившиеся в камень глинобитные стены домов, хозяйственных построек, нехитрых домашних служб? Мертвые поселки-города похожи на мазары — кладбища, уважение к которым здесь велико. Это не древний город, а простой поселок, по улицам которого еще недавно бегали дети... Люди ушли.

Кто не видел восточного базара, тому его не описать, кто видел, не забудет до конца дней своих. Море красных, багряных, темно-коричневых,

оранжевых тонов — это одеяния женщин, спешащих на воскресное торжище, как на праздник. А чего только не найдешь у торговцев, сидящих рядами перед своими сокровищами! Здесь и древнее серебро, и бирюза, и вышивки, и мастерские поделки из шерсти, кожи, дерева. Правда, год от года все скуднее и скуднее товар. Где же сахаристый виноград, ароматные дыни, крутобокие яблоки? Их съел хлопок. А хлопок где?

В зыбучих песках вырастают колодцы. По две-три сотни метров тянутся стволы их в глубину, чтоб достичь влаги. Пусть горьковатой, пусть соленой, но не отравленной — живой.

ЗАЧЕМ ПОКУПАТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ ТО, ЧТО ПОКУПАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ?

Заваривал этот чай так и эдак, в фаянсе и в фарфоре; свежим, как и полагается, кипятком... Ничего не помогало. Невзрачный, невкусный, неароматный напиток. Такой бывает заварка грузинского чая невысоких сортов.

— Вы не ошиблись.— подтвердила мое мнение титестер Московской чаеразвесочной фабрики М. Гелована.— Турецкий чай соответствует грузинскому — первого сорта.

Константин БАРЫКИН

...Когда представилась возможность, обратился к государственному министру Турции Гюнешу Танеру: «Будут ли продолжаться поставки турецкого чая в нашу страну?» «Если вы запросите, с большим удовольствием это сделаем!» — ответил министр.

— Кто, помимо Советского Союза, закупает турецкий чай? — поинтересовался я.

— Разные страны,— сказал Гюнеш Танер.

Он посовещался с кем-то из турецких специалистов и уточнил:

— Мы экспортируем чай в смеси.

Это значит — купажированные, улучшенные сорта, предположил я, но так как министр не уточнял, то решил выяснить: что же такое турецкий чай, о котором сейчас все говорят, которым завалены прилавки.

Который знатоки стороной обходят. Кто и зачем его закупил? Очевидно, и выяснилось это с первого дня, не пришелся этот чай к нашему столу. Перестраивать свои вкусы и привычки ради того, чтобы ублажить наших импортеров?

Прежде в Турции чай мы почти не покупали. Индия, Шри Ланка, Китай — традиционные поставщики. Затем и Вьетнам. Объем чая в общем нашем внешнеторговом обороте невелик и, кажется, имел тенденцию к сокращению. Во всяком случае, в 1987 году чай составил 0,9 процента от всего импорта, а через год — 0,7 процента. Если эти доли процента опустить на весы, они покажут, что в 1987 году мы ввезли более 135 тысяч тонн (отдав за них почти 210 инвалютных миллионов), затем в 1988-м купили около 132 тысяч тонн (по другим данным — 133,6 тысячи), а в 1989 году — уже 215 тысяч тонн. Заплатив за них 302 миллиона. Не смог установить, вобрали ли эти цифры турецкие тонны? Может, и нет, ибо основные поставки начались в этом году. Сначала мы купили в Турции 25 тысяч тонн, затем еще 30 тысяч.

Общую сумму контракта мне не называли, «коммерческая тайна», сказали в объединении «Востокинторг», но одна, кажется, не окончательная, цифра до меня дошла — 60 миллионов рублей.

Турецкий чай обходится дешевле индийского. Не думаю, что это объясняется сверхудачей. Все проще: чай таков, что настоящую цену на мировом рынке за него никто не даст...

На первых 25 тысячах тонн мы сэкономили 8 миллионов, сказали мне в объединении «Востокинторг». Я выслушал, не комментируя, а комментарий был бы таков: экономия выйдет боком — плохой чай, даже если его купить за бесценок, остается плохим чаем.

В турецком варианте сработала привычная для нас формула: числом поболее, ценою подешевле... Это рабочий тезис нищих, тут ни убавить, ни прибавить, остается только согласиться с ним. Или возражать...

Понимаю, есть в этой закупке и некоторая обреченность, безысходность. Тот же индийский все чаще продается аукционно и достается, само собой, тому, кто дает за него высшую цену. Мы позволить такую роскошь себе не можем и получаем лишь то, что ранее обговорено в контрактах и долговременных договорах. Следует учесть, что общемировой чайный сбор несколько уменьшился — по разным причинам. Классические поставщики лучших чаев сейчас испытывают трудности. Они в отличие от нас, почти загубивших плантации мирового уровня краснодарского чая и лучших сортов грузинского чая, бережнее относятся и к земле, на которой растет чай, и к селекции его. Да и маркой дорожат.

Вот и купили мы то, что купили. Но скупой платит дважды — напомним азбучную истину. Которая, замечу, в статотчеты не входит, ее «забывают», когда говорят о якобы сэкономленных миллионах. А суть такова. Хороший чай принято заваривать в пропорции: ложка на стакан. А турецкого надо две ложки. Но и они нужного настоя не дают. Фирма мгновенно отреагировала на претензии потребителей рекламой, советует чай не заваривать, а разваривать в течение десяти минут.

Но это уже не чай. Академик Ксения Бахтадзе (крупнейший наш селекционер чая) говорила мне: элитные сорта можно лишь обдать свежим кипятком — чай готов. Минута-две — и пейте! А тут десять минут кипячения. Один этот факт должен был насторожить наших закупщиков. Не насторожил.

— Мы и такому чаю рады,— осторожно, чтобы не сказать лишнего, отмечает в разговоре со мной заместитель начальника «Росоптпродторга» Р. Зададаева.— На фоне индийского или цейлонского турецкий, конечно, не звучит. Но когда знаешь, что в некоторых городах чай продается по талонам...

— В общем, это все же чай,— утешает меня и себя Римма Анатольевна.

— Качество турецкого чая? — переспрашивает меня заместитель директора фирмы объединения «Востокинторг» А. Ямщиков.— Он приравнен к первому сорту грузинского и соответствует контракту.

Но пью-то я не контракт, а чай. К тому же переплачиваю за него безбожно много, если сравнивать с аналогом — с грузинским. Наши ценовики привыкли за любой импорт драть бешеные деньги. И тут они не изменили своим правилам. Полукилограммовая пачка турецкого (сорта «ризе» или «камелия») чая стоит 5 рублей 50 копеек. Стограммовый цибик, сейчас появились и такие,— рубль десять. 125-граммовую упаковку грузинского 1-го сорта мы покупаем за 95 копеек. Несложно подсчитать, сколько потребитель переплачивает на килограмме. Затем перемножить все это на 55 уже закупленных тысяч тонн. Впечатляет?

Такая вот история.

И я не могу найти ответ на вопрос: зачем покупать то, что покупать не следует?

Но чай — это только начало. Вдруг на прилавках появились необжаренные зерна. «Зеленый» кофе. Не готовый продукт, даже не полуфабрикат — сырье. Выделенные ресурсы увеличиваются очень быстро. Окольными путями мне удалось узнать, что только в Российскую Федерацию в прошлом году поступило 5,7 тысячи тонн такого кофе. Из них продано всего 3,6 тысячи тонн; сырой, неочищенный, несепарированный кофе покупают неохотно. Зерна быстро усыхают, теряют в весе, торговля несет на этом гигантские убытки, которые так или иначе будут перенесены на нас, на потребителей.

В этом году Россия должна получить более 11 тысяч тонн кофейного сырья. Эти тонны поступят в магазины, осядут на складах. Правильно прожарить кофейные зерна в домашних условиях невозможно: процесс требует определенной температуры (ее не удается получить в духовых шкафах бытовых газовых и электроплит), вспрыскивания отмеренных порций нагретого пара...

Но куда денешься? И запахло в квартирах любителей кофе жареным...

Но запахи эти, похоже, не доходят до чиновных кабинетов, где принималось решение о закупке. Когда я спрашивал: «Кто распорядился купить?» — отвечали: «Не ведаем». Отвечали торопливо, заученно. В тоне ответа я уловил: распоряжение идет от очень высокого лица (лиц?).

Если это не так, отчего бы Министерству внешних экономических связей не пригласить журналистов, не рассказать им, как сделаны эти две закупки? Зачем пошли на такой отчаянный шаг?

От бывшего Минвнешторга в Министерство внешних экономических связей перешла традиция — все делать втайне. Называется эта тайна «коммерческой». Она объективно существует, но когда ее переносят на всю деятельность внешнеторгового ведомства, я не могу с этим согласиться. Ибо живет МВЭС за мой счет, покупает на мои деньги и якобы для меня.

Ни одного брифинга, ни одной солидной пресс-встречи за все годы гласности. Нечего сказать или есть что скрывать?

А надо бы авторов той или иной импортной сделки не прятать за грифом. Никакая это не тайна, я хочу знать, кто закупил масло, которое пролежало много-много лет в холодильниках одной западной страны, кто потчует меня перемороженным мясом, которое так истомилось в долгом хранении, что по цивилизованным нормам ему дорога только в цех, где готовят консервы для собак и кошек.

Кто они — эти заботливые закупщики? Страна хочет знать своих героев. И героинь...

* * *

В газете «Защита прав потребителя» (№ 7, апрель, 1990) опубликована такая схема-таблица.

Страна	Сорт	Уровень радиоактивности, Бк/кг	
		цезий-137	цезий-134
ТУРЦИЯ	Rize Kamelya	360 270	60 40
СССР	Грузинский в/с Грузинский № 36 Бодрость Индийский	140 70 37 меньше 0,3	15 меньше 0,3 10 меньше 0,3
КИТАЙ	Dragon	меньше 0,3	меньше 0,3
ИНДИЯ	C.T.C.	меньше 0,3	меньше 0,3
АНГЛИЯ (ЦЕЙЛОН)	Wild cherry tea	меньше 0,3	меньше 0,3

СЫН ДИРЕКТОРА.
Георгий Аркатов
(Чита).

Я РАСТУ!

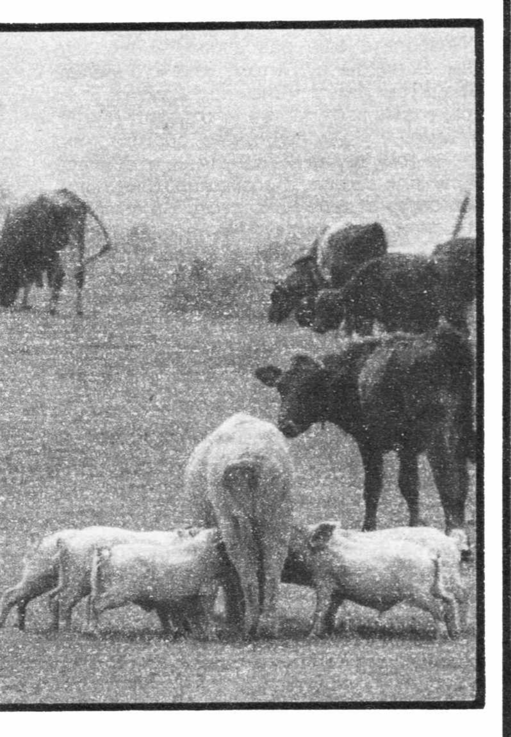
БАБУШКИНЫ ВНУЧКИ.
Александр Фурсов
(Москва).

ШОЛДЫРБЕК.
Андрей Караваев
(Ташкент).

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

ПОЛЕТЫ НАЯВУ.
Валерий Щеколдин (Переславль-Залесский).

ВКУСНО?
Александрас Мацияускас (Вильнюс).

Джон Ле КАРРЕ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

Разбудил его охранник. Он принес завтрак: черный хлеб и какой-то эрзац, вроде кофе. Лимас встал с постели и подошел к окну.

Дом стоял на высоком холме. От окна спускался уступами склон, покрытый кронами сосен. Дальше, как на симметричном рисунке, бесконечные холмы, придавленные массивами деревьев. Местами овраги с поваленными стволами, местами противопожарные просеки — тонкие коричневые разделители между соснами. Чудотворные жезлы Арона сдерживают наступающие полчища леса. Ни следа человека: ни дома, ни церкви, ни даже развалин прежнего жилья — только дорога, желтая, грязная дорога — прямая линия, прочерченная карандашом по низине. Ни звука. Невероятно: такие бесконечные просторы и такое безмолвие! Холодный ясный день. Ночью, видно, прошел дождь. Почва сырая, и весь пейзаж так четко вырисовывается на фоне светлого неба, что можно различить отдельные деревья даже на самых дальних холмах.

Лимас медленно одевался, потягивая кислый кофе. Он был уже почти одет и хотел приняться за хлеб, когда вошел Фидлер.

— Доброе утро,— сказал он бодро.— Ничего-ничего, ешьте, пожалуйста.

Он уселся на койку. Лимасу пришлось стерпеть: Фидлер — мужественный человек. Нет, прийти сюда — особого мужества не требовалось: Лимас полагал, что охранники находятся в смежной комнате. Но в поведении Фидлера чувствовались стойкость и целеустремленность, которыми Лимас восхищался.

— Вы задали нам непростую задачу,— начал Фидлер.

— Я сказал вам все, что знаю.

— О, нет,— улыбнулся Фидлер,— далеко не все. Вы сказали все, что знаете осознанно.

— Ну и закручивает! — пробормотал Лимас, отодвинул от себя хлеб и закурил сигарету. Последнюю.

— Разрешите задать вам вопрос,— сказал Фидлер таким подчеркнуто дружелюбным тоном, словно предлагал партию в шахматы.— Вот вы, опытный офицер разведки, что делали бы вы с такими сведениями, какие вы сообщили нам?

— Что значит — с такими?

— Дорогой Лимас, вы же нам сообщили только часть сведений. Вы нам сказали о Римеке — мы о нем знали и без вас. Вы нам сказали о расположении вашей берлинской сети, о ее составе, о ее агентах. Сведения точные, верно. Но я бы сказал — перепетая песенка. Вы дали основательное описание обстановки — приятно читать,— назвали три важные побочные линии, упомянули несколько рыбок, которых мы не преминем выудить из пруда. Но все, вместе взятое — я позволю себе грубость,— не стоит пятнадцати тысяч фунтов,— он улыбнулся,— во всяком случае, не по нынешним ценам.

— Послушайте,— начал Лимас,— не я вам предлагал сделку, а вы мне. Вы, Кивер и Питерс. Не я выслеживал ваших миленьких дружков, торгующих разведкой вразнос, а они гонялись за мной. Вы назвали цену и пошли на риск. Кстати, я еще ломаного гроша не получил. Так что не пеняйте на меня, Фидлер, если операция лопнула.

«Заставьте их уламывать вас»,— вспомнил Лимас.

— Она не лопнула,— возразил Фидлер,— она просто еще не окончена. И не может быть окончена — вы нам не все сообщили. Я же уже сказал: вы нам сообщили только часть сведений. Я говорю о «Снежном коме». Позвольте еще раз спросить вас: что делали бы вы, если бы я, Питерс или кто-нибудь другой рассказал бы вам о «Снежном коме»?

— Я был бы в замешательстве,— ответил Лимас, пожимая плечами.— По-моему, дело обстоит так. Некоторое время тому назад вы заметили, что не все в порядке. Получили сигнал, а возможно, и не один, что у вас в каком-то отделе на достаточно высоком уровне засел шпион. А что толку? Не пересажать же весь правительственный аппарат! Да и весь отдел не посадишь. Вы затаились и стали выжидать. Но «Снежный ком» вам не поможет. Из него даже нельзя узнать, в какой стране этот агент.

— Вы, Лимас, мастер делать дела, но оценивать ситуацию — не ваше занятие. Позвольте задать вам несколько простых вопросов.

Лимас промолчал.

— Последняя папка с делом «Снежный ком» какого цвета?

— Серая с красным крестом, что обозначает «особо секретная».

— Больше ничего снаружи нет?

— Есть. Памятка. Каждый, кто не имеет доступа к папке и кому она случайно попала в руки, обязан немедленно вернуть ее, не раскрывая, в отдел банковских операций.

— Кто в списке имеющих доступ?

— К «Снежному кому»?

— Да.

— Заместитель Контролла, Контролл и его секретарша, финансовый отдел, мисс Брим из отдела особых регистраций и четвертый отдел спутников. Пожалуй, все. И еще, я полагаю, особый диспетчер, но я не уверен.

— Четвертый отдел спутников? Чем он занимается?

— Странами за железным занавесом, исключая Советский Союз и Китай. Зоной.

— Вы имеете в виду ГДР?

— Я имею в виду всю зону.

— Не странно ли, что весь отдел целиком фигурирует в списке имеющих доступ?

— Наверно, странно. Не знаю — никогда не имел дело с ограниченным доступом. Кроме как в Берлине, конечно, но там — дело другое.

— Кто сидел тогда в четвертом отделе спутников?

— О, господи! Гийом, Хеверлейк, де Йонг. Так я думаю. Де Йонг — сразу же после возвращения из Берлина.

— Значит, всем им разрешалось работать с папкой?

— Не знаю, Фидлер,— бросил раздраженно Лимас.— Я б на вашем месте...

— Так не странно ли, что этот отдел в полном составе мог пользоваться папкой, тогда как из других отделов лишь отдельные лица имели к ней доступ?

— Я же вам сказал: не знаю. Откуда мне знать? Во всем этом деле я был всего лишь писарь.

— Кто переносил папку от одного лица, имеющего доступ, к другому?

— Думаю, секретарши. Не помню. Уже черт знает, сколько месяцев...

— А почему секретарша Контролла числилась в списке, а другие секретарши нет?

Минутное молчание.

— Ага, вы правы. Теперь я вспомнил.— В голосе Лимаса звучало удивление.— Мы передавали ее из рук в руки.

— Кто еще в отделе банковских операций имел дело с папкой?

— Никто. Она стала моей подопечной, когда я перешел в отдел. Раньше ею занималась одна женщина, но, когда я пришел в отдел, ту женщину вычеркнули из списка.

— Значит, только вы собственноручно передавали папку каждому следующему лицу, имевшему к ней доступ?

— Да.: пожалуй, только я.

— Кому же вы ее передавали?

— Я... не помню.

— Подумайте хорошенько.

Фидлер не повысил голоса, но тон стал таким, словно он хотел застигнуть Лимаса врасплох.

— Заместитель Контролла. Он должен был знать, что мы делаем, и давать дальнейшие указания.

— Кто приносил вам папку?

— То есть как? — Лимас, казалось, теряет почву под ногами.

— Кто приносил вам папку? Ее должен был приносить кто-то из списка.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—19.

Лимас непроизвольно провел рукой по щеке, явно нервничая.
— Конечно, должен был. Видите ли, Фидлер, мне трудно припомнить. В те дни я сильно закладывал за воротник,— сказал он странно примирительным тоном.— Вы не представляете себе, как тяжело...
— Еще раз прошу вас: подумайте. Кто приносил вам папку?
Лимас сел на стол и тряхнул головой.
— Не помню. Может, потом и припомню, а сейчас бесполезно ломать себе голову.
— Это не могла быть секретарша Контролла — вы сказали, что отдавали папку заместителю Контролла, значит, он должен был получить ее раньше Контролла.
— Полагаю, да.
— Была еще мисс Брим из отдела особых регистраций.
— Она просто следила за секретной комнатой, где хранились такие папки.
— Значит,— сказал Фидлер мягко,— вам ее приносил кто-то из четвертого отдела спутников, верно?
— Пожалуй, да,— сказал Лимас беспомощно, словно выпотрошенный блистательной работой Фидлера.
— На каком этаже находится четвертый отдел спутников?
— На втором.
— А отдел банковских операций?
— На четвертом. Возле отдела особых регистраций.
— Кто же из четвертого отдела приносил вам папку? А может, вы помните, кто забирал папку из этого отдела? Может, вы замечали кого-нибудь, когда спускались вниз?
Лимас в отчаянии покачал головой. Вдруг он встрепенулся и закричал:
— Да! Вспомнил! Конечно! Я получал ее от Питера! — Лимас, казалось, проснулся. Он покраснел от возбуждения.— Точно, точно! Однажды я взял папку от Питера в его комнате. Мы еще тогда болтали о Норвегии. Понимаете, мы вместе служили в Норвегии.
— Питер Гийом?
— Да. Я совсем забыл о нем. Он тогда вернулся из Анкары. Ну как же, он ведь был в списке! Конечно, Питер! На памятке значился четвертый отдел спутников, а в скобках — П. Г.— инициалы Питера. Раньше там значился кто-то другой, и отдел особых регистраций наклеил кусочек белой бумаги на старое имя и написал инициалы Питера.
— Какой территорией занимался Гийом?
— Зоной. Восточной Германией. Экономическое положение в стране. Руководил небольшим подотделом — этакая тихая заводь. Отличный был парень. Он однажды приносил мне папку. Теперь я вспомнил. Под его началом агентов не было. Я не очень-то знаю, как он втерся в это дело. Питер и еще двое занимались продовольственными кризисами. В общем, исследовательская работа.
— Вы с ним говорили о папке?
— Нет, это было строжайше запрещено. Мы не обсуждали вопросы, связанные с папками. Меня предупредила мисс Брим из отдела особых регистраций: никаких разговоров, вопросов и тому подобное.
— Но учитывая особые меры предосторожности вокруг «Снежного кома», возможно, так называемая исследовательская работа Гийома была частично связана с агентом «Снежный ком»?
— Я уже говорил Питерсу,— крикнул Лимас, стуча пальцем по столу,— идиотизм считать, что какая бы то ни была операция могла проводиться против Восточной Германии, чтобы я об этом не знал, чтоб об этом не знала берлинская сеть. Неужели вам не ясно, что я бы знал? Сколько раз повторять: я знал бы!
— Очень может быть,— сказал Фидлер мягко.— Конечно, вы знали бы.
Он встал и подошел к окну.
— Посмотрели бы вы, как здесь осенью,— сказал он, любуясь пейзажем.— Чудо какой здесь вид, когда бук меняет окраску.

БУЛАВКИ ИЛИ СКРЕПКИ

Фидлер был большим любителем задавать вопросы. Адвокат по профессии, он часто задавал их из удовольствия продемонстрировать, что показания расходятся с действительностью. С неиссякаемой настойчивостью старателя он копался в мелочах, и этот процесс был для него, как для многих журналистов и адвокатов, самоцелью.
В тот день они отправились на прогулку. Спустились к долине, кружили по лесу вдоль дороги, изрытой оврагами и заваленной бревнами. Фидлер все время прощупывал почву, но сам не раскрывался. Как обстоят дела на Кембриджской площади, что за люди там сидят, к какому социальному слою они относятся, в каких районах Лондона живут, работают ли мужья и жены в одном отделе? Интересовался зарплатой, отпусками, моральным духом, закрытой столовой, любовными историями, сплетнями — хотел знать, что люди думают. Больше всего спрашивал об их мировоззрении, об их философии.
Для Лимаса это был самый трудный из всех вопросов.
— Что вы имеете в виду под философией? — осведомился он.— Мы не марксисты и вообще не исповедуем никакого учения, мы просто обыкновенные люди.
— Но вы все-таки христиане?
— Не многие из нас. Мне, правда, трудно судить, я не многих и знал.
— Но что ими движет? — настаивал Фидлер.— Должна же у них быть какая-нибудь философия.
— Почему? Может, они и не знают, что людям необходима философия, и спокойно обходятся без нее. Совсем не у каждого она есть,— как-то беспомощно возразил Лимас.
— Допустим. А какова ваша философия?
— О, господи, только этого еще не хватало! — выпалил Лимас, и разговор повис в воздухе.
Но Фидлер не унимался.
— Если они сами не знают, чего хотят, как же они могут быть уверены в своей правоте? — начал он снова.
— А кто говорит, что они в ней уверены? — раздраженно бросил Лимас.
— Но чем же они тогда оправдывают свою деятельность? У нас нет сомнений в необходимости нашей работы, как я вам уже вчера сказал. Для нас секретная служба и подобные ей институции — естественное продолжение партийного аппарата. Партия — авангард в борьбе за мир и прогресс. Секретная служба для партии — то же, что партия для социализма: ее авангард. Сталин сказал...— он сухо улыбнулся,— Сталина цитировать теперь не в моде, но он однажды сказал так: «Полмиллиона ликвидированных — это статистика, а один человек, погибший в уличной катастрофе,— национальная трагедия». Он, как видите, высмеивал буржуазную сентиментальность в отношении к массам. Великий был циник. Но мысль верна: движение, которое защищает себя от контрреволюции, вряд ли может не эксплуатировать или даже не ликвидировать отдельных личностей. Мы отнюдь не утверждаем, что всегда справедливы в процессе перестройки общества на более справедливый лад. Смерть одного человека во имя многих — осмысленная жертва. Кажется, так сказано в Евангелии?
— Кажется, так,— устало ответил Лимас.
— А вы как мыслите? Какова ваша точка зрения?
— Я мыслю, что вы все подонки.— рассвирепел Лимас.
— Понимаю,— кивнул Фидлер.— Что ж, это тоже точка зрения. Примитивная, отрицательная, крайне глупая, но все же точка зрения. Такая существует. Ну, а что думают другие на Кембриджской площади?
— Не знаю. Откуда мне знать?
— Вы никогда с ними не обсуждали философские проблемы?
— Нет. Мы не немцы.— Лимас помолчал и неуверенно добавил: — Мне кажется, они не любят коммунизм.
— И это для них достаточное основание, чтобы рисковать человеческими жизнями? В этом они видят оправдание, когда подкладывают бомбу в набитый битком ресторан? Этим оправдывают потерю стольких своих агентов и все остальное?
— Наверное,— пожал плечами Лимас.
— Видите ли, и мы не считаемся с человеческой жизнью,— продолжал Фидлер.— Я сам мог бы подложить бомбу в ресторан, если бы знал, что это способствует достижению нашей цели. И потом спокойно подвел бы баланс: убито столько-то женщин, столько-то мужчин, столько-то детей — продвинулись к цели на столько-то шагов. Но христиане — а у вас общество христианское — не могут подводить такие балансы.
— Почему же? Что ж, по-вашему, они не должны себя защищать?
— Но они верят в священную неприкосновенность человеческой жизни. Верят, что в каждом человеке есть душа, которую можно спасти. Верят в жертву.
— Не знаю. Меня это мало заботит.— Он помолчал и добавил: — Сталин тоже об этом не беспокоился, верно?
Фидлер улыбнулся.
— Люблю англичан,— сказал он, обращаясь больше к себе,— и отец их любил. Ему очень нравились англичане.
— Счастлив слышать столь высокую похвалу,— огрызнулся Лимас и замолчал.
Они стояли, пока Фидлер давал ему закурить и зажигал спичку, потом пошли дальше.
Теперь они взбирались по уступам. Лимас любил физические упражнения, долгие прогулки по труднопроходимым местам. Фидлер покорно семенил за ним, как собачонка за хозяином. Должно быть, уже час, как они гуляют, если не дольше. Вдруг вместо деревьев над головой показалось небо. Они вышли на поляну на вершине холма. Под ними расстилался

сосновый массив с редкими вкраплениями бука. Лимас заметил на другом холме охотничьи стоянки. И на этом тоже посреди просеки рядом с кучей листьев и остатками костра стояла грубая скамейка.
— Посидим немного,— сказал Фидлер,— а потом пора возвращаться. Скажите, эти крупные суммы в иностранных банках, как вы думаете, для чего предназначались?
— То есть как? Я же сказал: оплата агента.
— Агента за железным занавесом?
— Думаю, да,— ответил Лимас устало.
— А почему вы так думаете?
— Во-первых, чертовски большие суммы. Затем сложности их перевода, особые меры предосторожности. И, конечно же, личное участие Контролла.
— А что, по-вашему, агент делал с этими деньгами?
— Послушайте, я же вам уже сказал: не знаю. Мне даже неизвестно, забирал ли их агент из банка. Я ничего не знаю. Я был просто писаришкой.
— Что вы делали с чековыми книжками?
— Сразу же по возвращении в Лондон отдавал их вместе с поддельным паспортом.
— Писали ли из копенгагенского или хельсинкского банка в Лондон на ваше имя? Я имею в виду на ваше вымышленное имя.
— Не знаю. Думаю, если и приходили письма, то они попадали прямо к Контроллу.
— Имел ли Контролл образец ваших подписей?
— Да. Я их много раз выводил, пока научился подписываться чужой фамилией, и у него были образцы.
— Много?
— Целые страницы.
— Понятно. Значит, как только вы открывали счет, письма могли посылаться в банк без вашего ведома.
— Совершенно верно. Думаю, так оно и было. Я подписывал также много чистых листов бумаги. Видимо, кто-то занимался этой корреспонденцией.
— Но точно вы не знаете?
Лимас покачал головой.
— Вы идете по неправильному пути. Придаете слишком большое значение этим счетам. В текущей работе циркулирует масса всяких бумаг. С чего бы я стал обращать на них внимание? Я всегда имел дело с каким-нибудь одним участником работы и полную картину составить не мог. Кроме того, бумажное царство мне всегда претило. Разъезды — это по мне. Я тащил на себе оперативную часть, а не просиживал задницу, размышляя над «Снежным комом». И, наконец,— добавил он несколько смущенно,— в то время я начал выпивать.
— Да, об этом я уже слышал от вас, мне остается только верить,— заметил Фидлер.
— А мне наплевать, верите вы или нет,— вызывающе бросил Лимас.
Фидлер улыбнулся.
— Приятно слышать,— сказал он.— Ваше главное достоинство — безразличие. Вспыльчивость, гордость — это все пустое. Так, небольшие шумы в магнитофонной записи. Вы объективны — вот что важно. Я подумал,— Фидлер сделал паузу,— что вы могли бы нам помочь установить, вынимались ли вообще эти деньги из банков. Ничего вам не мешает написать в банки и запросить, в каком положении находятся ваши счета. Мы можем сказать, что вы живете в Швейцарии, назвать подходящий адрес. Есть у вас возражения против такого плана?
— Вполне возможно, что он сработает. Зависит от того, переписывается ли с банками Контролл без моего ведома. Если да, план может провалиться.
— А что мы теряем?
— А что выигрываем?
— Если деньги из банков вынимались, в чем я, кстати, тоже сомневаюсь, мы узнаем, где находился агент в определенный день. Это, пожалуй, полезно знать.
— Бред. Таким путем вы его никогда не найдете, Фидлер. Очутившись на Западе, он может зайти в любое консульство, даже в маленьком городе, и взять визу в другую страну. Вы думаете, что можете перехитрить весь мир? Вы даже не знаете, из Восточной ли он Германии. Все равно, что искать ветра в поле.
Фидлер заговорил не сразу. Он рассеянно смотрел на долину.
— Вы сказали, что располагали лишь частью сведений, поэтому вам многое не ясно, а я не могу раскрыть перед вами карты.— Он снова помолчал.— Но, поверьте, операция «Снежный ком» направлена против нас.
— Это против кого же?
— Против ГДР,— он улыбнулся,— или против зоны, если вам так больше нравится. Меня такое название не обижает.
Лимас наблюдал за карими глазами Фидлера, которые задумчиво смотрели на него.
— Ну, так как будет со мной? — спросил Лимас.— Допустим, я не пишу писем. Что тогда? — Он повысил голос.— Не кажется ли вам, Фидлер, что пора поговорить и обо мне?
Фидлер кивнул.
— Почему бы и нет? — любезно сказал он.
Наступило молчание, которое прервал Лимас:
— Я свое дело сделал, Фидлер. Вы с Питерсом получили от меня все сведения, которые я знал. Я никогда не давал согласия писать письма в банки — это, пожалуй, уж слишком опасно. Я понимаю, что вам наплевать, вы моей шкурой не дорожите.
— Позвольте мне быть откровенным,— сказал Фидлер.— Как вам известно, допрос перебежчика состоит из двух этапов. В данном случае первый почти закончен: вы нам ответили в общих чертах на те вопросы, которые мы задавали. Вы не распространялись о том, предпочитает ли, скажем, ваша разведка подкалывать бумаги булавками или скрепками, но мы об этом и не спрашивали, а вы не считали нужным останавливаться на таких мелочах. Таким образом, происходит неосознанный отбор сведений с двух сторон. Но может оказаться, боюсь, что очень даже может оказаться, что через месяц-другой нам обязательно нужно будет знать и о скрепках. Мелочи обычно фигурируют на втором этапе допроса, на который вы не согласились в Голландии.
— Вы хотите сказать, что собираетесь задержать меня здесь надолго?
— Профессия перебежчика,— улыбнулся Фидлер,— требует большого терпения. Не многие им обладают.
— Как долго вы меня продержите? — не сдавался Лимас.
— Даю вам слово,— сказал Фидлер веско,— что при первой же возможности я отвечу на ваш вопрос. Поймите, мне ведь ничего не стоит соврать и сказать, что продержу вас месяц или меньше, просто, чтобы подсластить пилюлю. Верно? Но я говорю вам правду: не знаю. Вы сообщили некоторые сведения, и, пока мы их не проверим, речи быть не может о том, чтобы вас отпустить. Но потом, если все окажется так, как я думаю, вам понадобится друг, и этим другом буду я. Даю вам слово немца.
Лимас был до того ошарашен, что в первую минуту не мог даже говорить.
— Ладно,— наконец произнес он,— по рукам. Но учтите, Фидлер, если будете водить меня за нос, раскрою вам башку.
— До этого, пожалуй, не дойдет,— ответил ему в тон Фидлер.
Человек, который играет роль не только на людях, но даже наедине с самим собой, подвержен большой психологической опасности. Сама по себе практика обмана еще ничего не значит — вопрос в опыте, в профессиональном навыке. Вот их-то как раз и усваивает большинство людей. Но если фокусник, актер или профессиональный игрок после представления может спуститься в партер к своим почитателям, то агент не может позволить себе расслабиться. Для него обман — главный способ самообороны. Он должен защищать себя не только от внешней опасности, но и от внутренней, которую таят в себе самые естественные побуждения. Зарабатывая подчас целое состояние, он не имеет возможности в силу своей роли купить бритву. Будь он каким угодно эрудитом, а по своему амплуа должен говорить одни пошлости. Каким бы прекрасным мужем и отцом он ни был, даже в самые сокровенные минуты он не может раскрыться в своей же семье.
Зная, что человека, постоянно носящего личину, подстерегает огромное искушение стать самим собой, Лимас избрал самый надежный способ устоять перед соблазном: даже оставаясь совсем один, он заставлял себя не выходить из образа. Говорят, Бальзак на смертном одре беспокоился о здоровье и благополучии своих героев. Так и Лимас не расставался с тем персонажем, которого он придумал. Нервозная неуверенность, грубость, заносчивость как защитная реакция, скрывающая застенчивость,— словом, все, что видел Фидлер, было лишь преувеличением тех качеств, которые он действительно усвоил. Поэтому он так естественно ходил расслабленной походкой, имел небрежный вид, равнодушно относился к пище, все больше и больше тянулся к алкоголю и табаку. Даже оставаясь один, он не только сохранял эти черты, но и немного перебарщивал: настраивал себя против английской разведки, которая так несправедливо с ним обошлась.
И лишь очень, очень редко, вот как сейчас, отправляясь в постель, он позволял себе опасную роскошь посмотреть на мир своими глазами и увидеть, в какой лжи он живет.
Контролл оказался удивительно прав: Фидлер как лунатик шел прямо в сети, расставленные Контроллом. Жутко было смотреть, как совпадают интересы этих двоих людей, словно они сообща разработали план, который Лимасу оставалось только привести в исполнение.
Возможно, тут и крылась разгадка. Возможно, Фидлер и был тем «особым интересом», за сохранение которого так боролся Контролл. Лимас не задерживался на этой мысли. Он не хотел знать. Он был уверен, что додумывание до конца ни до чего хорошего его не доведет. И все же он надеялся на Бога. Если все так и есть, то какая-то возможность вернуться домой будет.

ПИСЬМО

На следующее утро Лимас еще лежал в постели, когда Фидлер принес ему подписать письма. Одно было на голубом бланке гостиницы «Сейлер», другое — на бланке гостиницы «Палас» (обе гостиницы в Швейцарии).
Лимас прочел первое письмо:
«Директору королевского скандинавского банка, Копенгаген.
Уважаемый господин,
Находясь несколько недель в разъездах, я не получал корреспонденции из Англии, и, видимо, поэтому Ваш ответ на мое письмо от 3 марта с запросом о состоянии моего счета, открытого на меня и моего совладельца, господина Карлсдорфа, ко мне не попал. Во избежание дальнейшей задержки прошу выслать мне дубликат ответа по адресу, по которому я буду находиться две недели, начиная с 21 апреля: Мадам де Сангло (для меня), 13, авеню де Коломб, Париж XII, Франция.
Простите за беспокойство. С благодарностью
Роберт Ланг».
— Что за письмо от 3 марта? — спросил Лимас.— Я не писал никаких писем.
— Конечно, нет. И никто не писал, насколько нам известно. Пусть банк побеспокоится. В случае несоответствия между этим письмом и письмами Контролла, если таковые имеются, директор решит, что все дело в том, что к ним не попало письмо от 3 марта, и поспешит направить вам отчет о состоянии вашего счета с разными извинениями и объяснениями причин путаницы.
Второе письмо не отличалось от первого, только стояли другие фамилии. Адрес в Париже тот же. Лимас взял бумагу и с подлжным раз размашисто набросал: «Роберт Ланг»,— прежде чем подписать первое письмо. Поупражнявшись в почерке с другим наклоном, он поставил подпись Стефана Беннета под вторым письмом.
— Прекрасно,— сказал Фидлер,— просто замечательно.
— Теперь что будем делать?
— Завтра письма уйдут из Швейцарии. Наши люди в Париже протелеграфируют мне, как только получат ответ. Через неделю мы его узнаем.
— А пока?
— Будем проводить с вами все время вместе. Приношу свои извинения, так как знаю, что вам это неприятно. Можно ходить гулять, ездить по окрестным холмам — как-то убивать время. Хотелось бы, чтобы вы отдохнули, рассказали о Лондоне, о Кембриджской площади, о работе в отделе. Какие там сплетни ходят, как платят, какие отпуска, какие комнаты, что за бумаги, что за народ — одним словом, всякие мелочи, так сказать, булавки и скрепки. Кстати...— заговорил он вдруг другим тоном.
— Что такое?
— Мы предоставляем здесь разные удобства людям, которые... которые проводят у нас некоторое время. Развлечения и тому подобное.
— Вы предлагаете мне женщину? — спросил Лимас.
— Да.
— Спасибо, не нужно. В отличие от вас я еще не дошел до того, что нуждаюсь в сводниках.
Фидлер, видимо, остался равнодушен к его колкости; он продолжал как ни в чем не бывало:
— Но у вас была женщина в Англии, верно? Из библиотеки.
Лимас быстро обернулся, сжав кулаки.
— Послушайте! — закричал он.— Чтобы больше ни звука об этом! Ни в шутку, ни в угрозу — никак! Из этого ничего не выйдет, Фидлер. У меня скорей язык отсохнет! Понятно? Малейший намек — и в жизни вы из меня ни слова не вытянете. Так и скажите Мундту, Штамбергу или любому другому подонку, который посоветовал вам заговорить об этом. Передайте им мои слова.
— Передам,— ответил Фидлер.— Обязательно передам, но боюсь, что уже поздно.

Днем они снова гуляли. Было душно, тяжелое темное небо висело над головой.
— Я в Англии был всего один раз,— заметил Фидлер мимоходом.— Перед войной, по дороге в Канаду. С родителями — я был совсем еще ребенком. Мы там пробыли два дня.
Лимас кивнул.
— А несколько лет назад чуть не уехал туда снова — теперь уже можно об этом сказать. Я должен бы заменить Мундта в комиссии сталелитейной компании. Вы знаете, что Мундт однажды ездил в Лондон?
— Знаю,— коротко ответил Лимас.

— Меня всегда интересует, что за работа там была.

— Думаю, ничего особенного, как во всяких комиссиях. Знакомство с английским бизнесом, не больше,— устало сказал Лимас.

— Но Мундт там быстро разобрался, для него работа оказалась несложной.

— И я так слышал,— сказал Лимас.— Ему даже удалось убрать двоих людей.

— Вы, значит, и об этом слышали?

— От Питера Гийома. Питер занимался этим делом вместе с Джорджем Смили. Сволочь — Мундт чуть не прикончил Джорджа.

— Дело Феннана,— задумчиво сказал Фидлер.— Странно, что Мундту удалось выйти сухим из воды, верно?

— Пожалуй, действительно странно.

— Невозможно представить себе, что человеку, чья фотография и личное дело находятся в министерстве иностранных дел, поскольку он член иностранной комиссии, удалось отбояриться от всей английской разведки.

— Насколько я слышал,— заметил Лимас,— она не очень гонялась за ним.

Фидлер остановился как вкопанный.

— Что вы сказали?

— Питер Гийом говорил мне, что, по его мнению, они не рвались поймать Мундта,— вот и все, что я сказал. У нас тогда была другая система — советник вместо оперативного инспектора, некий Мастон. Мастон с самого начала завалил дело Феннана — так сказал мне Гийом. Питер считал, что, если бы они схватили Мундта, началось бы черт знает что. Они пытали бы его и, возможно, даже повесили бы. На суде вся грязь вышла бы наружу, и карьера Мастона закончилась бы. Питер толком не знал, в чем дело, но был уверен, что Мундта не особенно ловили.

— Вы уверены, что Гийом вам так и сказал: не особенно ловили?

— Конечно, уверен.

— А не высказывал ли Гийом каких-нибудь соображений относительно причин, по которым они отпустили Мундта?

— Что вы хотите этим сказать?

Фидлер покачал головой, и они снова зашагали по тропинке.

— После дела Феннана комиссию сталелитейной компании ликвидировали,— заметил Фидлер немного погодя,— поэтому я и не поехал в Лондон.

— Мундт, наверное, ненормальный,— сказал Лимас.— Я понимаю, организовать убийство на Балканах или здесь, но в Лондоне — сумасшедшим нужно быть!

— И все же он выпутался, не так ли? — подхватил Фидлер.— Да еще хорошее дело сделал.

— Завербовал Кивера и Эйша, что ли? Тоже мне дело!

— Жену Феннана довольно долго преследовали.

Лимас пожал плечами.

— Расскажите мне еще о Карле Римеке,— начал снова Фидлер.— Он однажды встретился с Контроллом, верно?

— Да. В Берлине. Примерно год назад, может, немногим больше.

— Где состоялась встреча?

— У меня на квартире. Мы встретились все вместе.

— Почему?

— Контролл любит примазываться к успешным операциям. Мы получили от Карла массу интересного материала, и в Лондоне, очевидно, были довольны. Контролл ненадолго приехал в Берлин и попросил меня устроить им встречу.

— Вы не возражали?

— С чего бы это?

— Карл был вашим агентом, вы могли не захотеть сводить его с другими руководителями.

— Контролл не другой руководитель, а начальник отдела. Карл это знал и был польщен.

— Вы все время находились втроем?

— Да. Хотя не совсем так. Я оставил их наедине минут на пятнадцать, не больше. Контролл попросил. Он почему-то хотел остаться несколько минут с Карлом наедине, и я под каким-то предлогом, не помню, под каким, вышел из квартиры. Ага, знаю! Я прикинулся, что иду за виски. Я действительно сходил к де Йонгу и взял бутылку виски.

— Не знаете ли, что между ними происходило, пока вас не было?

— Откуда я могу знать? Да я и не интересовался.

— Карл вам потом не рассказывал?

— Я не спрашивал. Карл был в каком-то отношении заносчив, вечно делал вид, что знает больше меня. Не нравилось мне, и как он посмеивался над Контроллом. Конечно, есть основания подтрунивать над ним, я и сам этим грешил, но Карлу следовало сдержаться: встреча была задумана, чтобы поощрить Карла.

— Карл был подавлен?

— Нисколько. Он тогда уже был испорчен. Ему слишком много платили, слишком много поощряли, слишком много доверяли. Частично по моей вине, частично по вине Лондона. Если бы его не испортили, он не рассказал бы о цепочке своей чертовой бабе.

Погуляли молча. Затем, прервав свои размышления, Фидлер заметил:

— Вы начинаете мне нравиться. Только одного никак не пойму. Странно, что меня это не беспокоило до встречи с вами.

— Вы о чем?

— Почему все-таки вы пришли к нам? Почему изменили своим?

Лимас что-то хотел ответить, но Фидлер, смеясь, сказал:

— Простите, я не слишком тактичен, верно?

Всю эту неделю они гуляли по холмам. Вечером возвращались, съедали скверный ужин, запивая бутылкой белого вина, потом подолгу сидели у камина. Видимо, это Фидлер придумал зажигать камин. Сначала Лимас даже не заметил, что есть камин, но однажды услышал, как Фидлер велел охраннику принести дрова. После целого дня на свежем воздухе камин должен действовать успокаивающе, и Лимас будет в непринужденной беседе рассказывать о своей работе в разведке. Лимас не возражал против таких вечеров. Он, правда, считал, что каждое его слово записывается, но ему было безразлично.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

Лимас замечал, что настороженность Фидлера возрастает с каждым днем. Однажды под вечер они ехали в ДКВ и остановились у телефонной будки. Фидлер оставил Лимаса в машине с ключами и долго говорил по телефону.

Когда он вернулся, Лимас спросил:

— Почему вы не звоните из дому?

— Нам следует соблюдать осторожность,— покачав головой, ответил Фидлер.— Вам тоже нужно поостеречься.

— Почему? Что случилось?

— Деньги в копенгагенском банке. Мы написали о них запрос. Помните?

Фидлер не захотел больше ничего сказать и продолжал молча вести машину по холмам. Наконец они остановились. Под ними, скрытые высокими соснами, две долины сходились в одну. Лесистые холмы постепенно отдавали свои краски сумеркам, пока не стали совсем серыми.

— Что бы ни случилось,— сказал Фидлер уверенным тоном,— не беспокойтесь. Все будет хорошо, слышите? — Он положил руку Лимасу на плечо.— Вы должны немного поостеречься, но это ненадолго. Поняли?

— Ничего не понял, но, раз вы не хотите ничего говорить, придется ждать и смотреть, что будет. Не очень-то беспокойтесь о моей шкуре, Фидлер.

Он попытался отдернуть плечо, но Фидлер руки не убрал, а Лимас терпеть не мог, чтобы его трогали.

— Мундта знаете? — спросил Фидлер.— Слышали о нем?

— Мы уже говорили о Мундте.

— Да,— сказал Фидлер,— мы о нем говорили. Он сначала стреляет, а потом задает вопросы. Принцип запугивания. Странная система для нашей профессии, где вопросы всегда важнее выстрелов.— Лимас понимал, куда клонит Фидлер.— Странная система, если только не бояться ответов,— добавил он шепотом.

Лимас ждал. Спустя немного Фидлер заговорил снова:

— Раньше Мундт никогда не вмешивался в допросы. Всегда поручал их мне. Он, бывало, говорил: «Допрашивайте их, Йенс, лучше вас никто не допрашивает. Мое дело — их ловить, ваше — развязать им языки. Люди, которые занимаются контрразведкой, подобны художникам — над ними должен стоять человек с дубинкой, тогда они закончат свою работу, иначе они забывают, к чему стремились. Я буду вашей дубинкой». Сначала это была шутка, затем дело приняло серьезный оборот, когда он начал убивать людей раньше, чем они раскрывали рот. Точно, как вы рассказываете: одного здесь, другого там, то выстрелом уложит, то еще как-нибудь.

Я спрашивал: «Почему бы их не арестовать? Почему бы не предоставить их мне на месяц-другой? Какой вам прок от мертвых?» Он только кивал и говорил, что таков закон, сорняки нужно вырывать раньше, чем они расцветут. Мне казалось, что этот ответ он приготовил заранее. Мундт — хороший руководитель, очень хороший. Он прекрасно наладил работу в нашей разведке, вы это знаете. У него есть свои теории. Я с ним разговаривал о них вечерами. Мундт пьет кофе. Кофе и ничего больше. Немцы, он считает, слишком любят копаться в себе, чтобы быть хорошими агентами, а уж контрразведчиками — и говорить нечего. Контрразведчики похожи на волков, гложущих сухую кость — ее нужно от них отобрать и заставить найти другую добычу. Я понимал, что он имеет в виду. Но он заходил слишком далеко. Почему он убил Фирека? Почему забрал его от меня? Фирек был свежей добычей, мы даже мяса еще не сняли с кости. Почему ж он его забрал? Лимас? Почему?

Он сильно сжал плечо Лимаса. В машине было темно. Лимас не видел лица Фидлера, но ясно осознал, насколько он накален.

— День и ночь я думаю об этом. С тех пор как Фирека убили, я не перестаю искать объяснения. Сначала это казалось фантасмагорией. Я говорил себе, что завидую Мундту, что я переработался, что мне видятся предатели под каждым кустом — иногда такое с людьми случается. Но мне ничто не помогало. Лимас, я не мог избавиться от этих мыслей. Да и раньше бывали непонятные вещи. Мундт был напуган, боялся, что мы словим кого-нибудь, кто слишком много скажет.

— Что вы такое несете? С ума вы сошли,— сказал Лимас со страхом в голосе.

— Одно к одному подбирается. Мундт легко выбрался из Англии, вы сами об этом сказали. И Гийом утверждал то же самое: они не хотели ловить его! Но почему? А я вам скажу: он их человек. Разве вы не видите, что они его заполучили? Такой ценой он купил себе свободу, да еще они ему и платят.

— Говорю вам, вы с ума сошли,— зашипел Лимас.— Мундт вас убьет, если узнает, что вы выдумываете такие вещи. Это уж слишком, Фидлер. Заткнитесь, и поехали обратно.

Наконец плечо Лимаса освободилось.

— Нет, Лимас, тут вы не правы. Вы сами же подсказали мне ответ. Вот почему мы нужны друг другу!

— Ложь! — закричал Лимас.— Я сто раз повторял: не могли они направить его против зоны, чтобы я об этом не знал! Даже административно это невозможно. Вы пытаетесь меня убедить, что Контролл заполучил начальника вашей разведки и наша сеть в Берлине об этом не знала. Да, вы сумасшедший, Фидлер! Вы просто рехнулись,— Лимас вдруг рассмеялся,— хотите, наверно, занять его место, сукин вы сын! Песенка не новая. Но такие вещи не сходят с рук так просто.

Разговор ненадолго прервался.

— Насчет денег в Копенгагене,— снова начал Фидлер.— Банк ответил на ваше письмо. Директор очень беспокоится, не произошла ли ошибка, поскольку ровно через неделю после того, как вы открыли счет, ваш совладелец их взял. Дата совпадает с двухдневным визитом Мундта в феврале месяце. Он ездил туда под чужим именем на встречу с американским агентом, который участвовал в международной научной конференции.— Фидлер помолчал и затем добавил: — Я думаю, вам нужно сообщить в банк, что все в порядке, а?

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

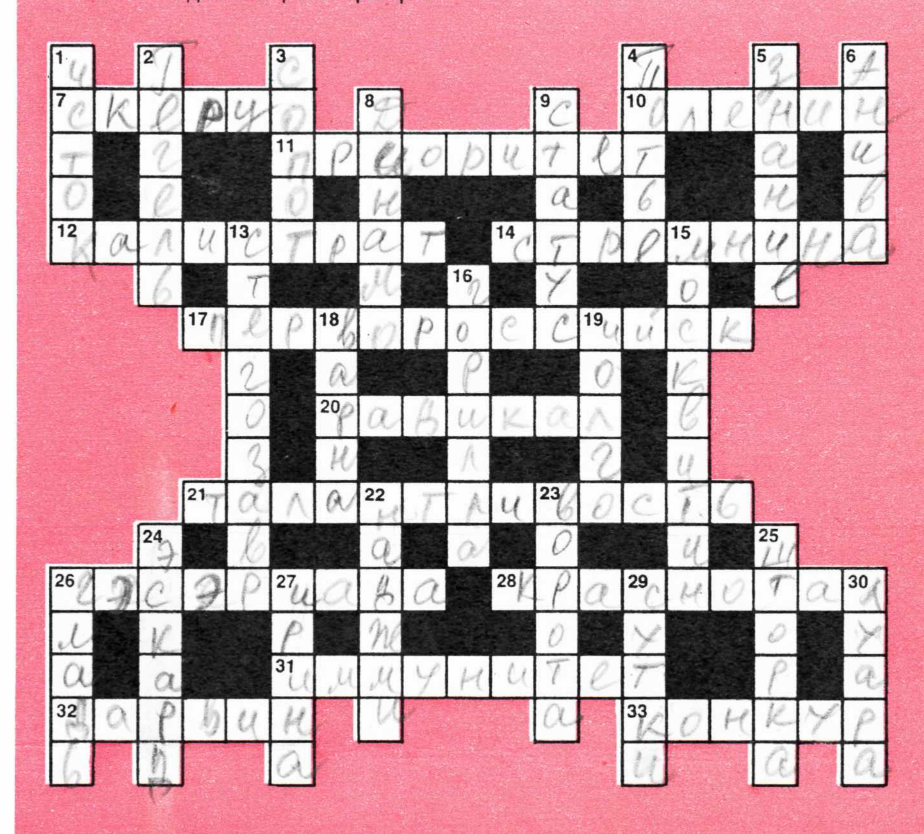
Продолжение следует.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Фото Султана ИСХАКОВА (Казань).

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Инструментальная музыкальная пьеса в быстром темпе. 10. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 11. Первенство по времени в осуществлении определенной деятельности. 12. Стихотворение Н. А. Некрасова. 14. Место в реке с бурным течением. 17. Поэма О. Ф. Берггольц. 20. Математический знак. 21. Одаренность. 26. Эпический цикл сказаний, имевших широкое распространение в Центральной и Восточной Азии. 28. Разновидность ивы. 31. Защитная реакция организма. 32. Английский естествоиспытатель, создатель материалистической теории эволюции органического мира Земли. 33. Один из основных видов конного спорта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Начало реки. 2. Немецкий философ, создавший систематическую теорию диалектики. 3. Курорт в Польше, место международных фестивалей эстрадной песни. 4. Французский поэт, автор текста «Интернационала». 5. Наука. 6. Залив Охотского моря у берега Сахалина. 8. Всесоюзное физкультурно-спортивное общество. 9. Правовое положение гражданина, юридического лица. 13. Вымершее пресмыкающееся. 15. Русский землепроходец, первым достигший Охотского моря. 16. Человекообразная обезьяна. 18. Порт в Болгарии. 19. Хребет на северо-востоке Алтая. 22. Татарский советский писатель. 23. Сооружение на футбольном поле. 24. Противотанковое земляное заграждение. 25. Деталь фотографического затвора. 26. Вышивка. 27. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 29. Единица времени. 30. Самая длинная река Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Севастополь. 9. Ирис. 10. Аргон. 11. Ниас. 15. Шинель. 16. Сфера. 17. «Артист». 20. Кокарда. 21. Образец. 22. Ватутин. 23. Готланд. 25. Еруслан. 27. Корвет. 29. Фреза. 31. Пюпитр. 32. Даль. 33. Остап. 35. Конь. 36. «Героическая».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вексель. 2. Каракас. 3. Стог. 4. Спиноза. 5. Уланова. 7. Просека. 8. Палатка. 12. Зимородок. 13. Меркурьев. 14. Эсперанто. 18. Тавда. 19. Конев. 24. Левитан. 26. Сопрано. 28. Тельфер. 29. Федоров. 30. Анапест. 31. Приклад. 34. «Тучи».

Рисунок С. ФЕДЬКО (Киев).

«ЗДРАВСТВУЙ, ЛАСКОВЫЙ МАЙ!»

**ВСЕСОЮЗНАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ СТУДИЯ
ДЛЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ-СИРОТ
СОВМЕСТНО С ТВОРЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ «РЕЗОНАНС»
СОВЕТСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ПРЕДСТАВЛЯЮТ *БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ*
С УЧАСТИЕМ ЮРИЯ ШАТУНОВА.**

С предложениями обращаться по телефону: 925-23-59

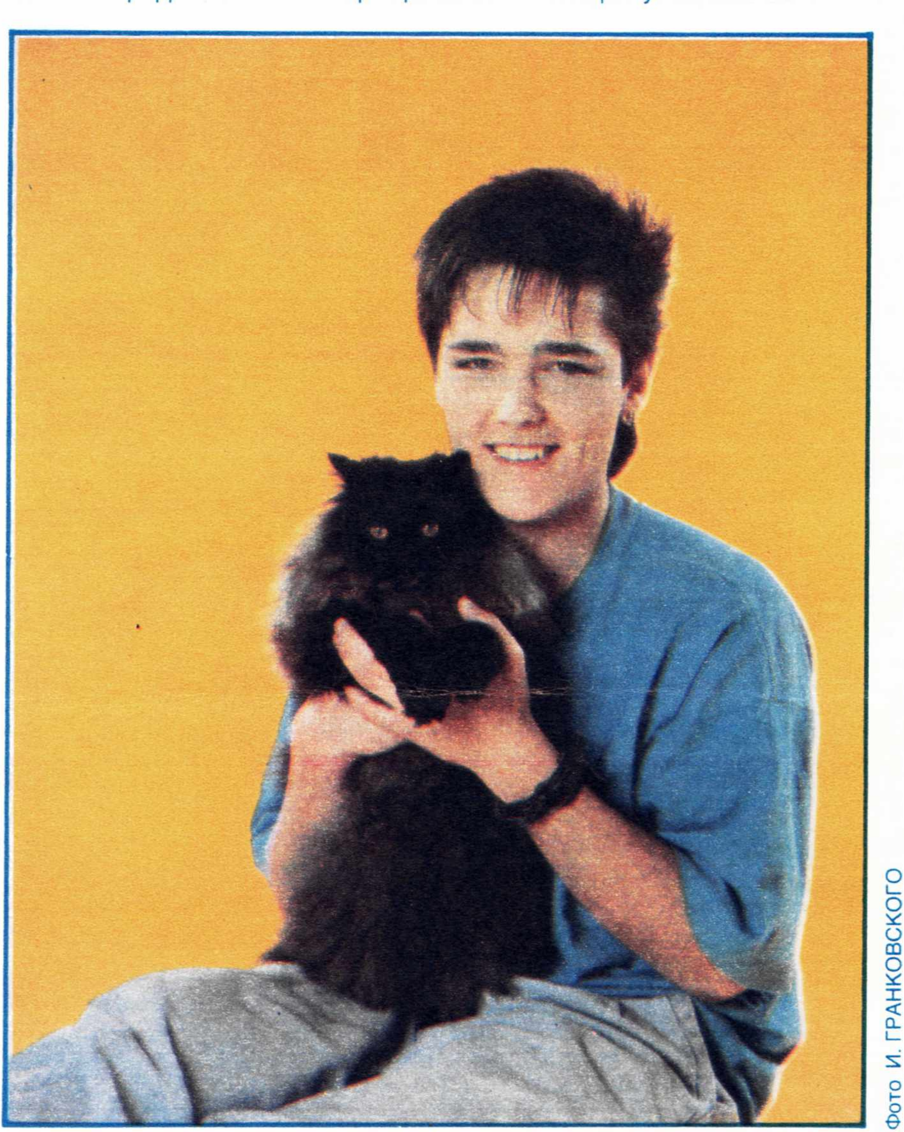

Фото И. ГРАНКОВСКОГО

Наш адрес:
113303,
Москва,
ул. Каховка,
дом 2,
школа-
интернат
№ 24,
Кудряшову.

**Всем любителям музыки студия предлагает творческое сотрудничество.
Лучшие произведения — записи авторских песен, ноты, стихи —
пополнят репертуар ее солистов, а талантливые исполнители
могут надеяться на внимание студии.**

40 коп. Индекс 70663